Сергей Калабухин

ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ

Сергей Калабухин

Взрослые сказки

Рассказы

Коломна
Издательский Дом
«Серебро Слов»
2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К17

ISBN 978-5-906438-90-4

Калабухин С.В.
Взрослые сказки. *Рассказы***.** – Коломна:
Издательский Дом «Серебро Слов», 2014. – 192 с.: илл. 16 с.

Автор благодарит
Сергея Сергеевича Антипова
и Дениса Викторовича Минаева
за помощь в издании этой книги.

© Калабухин С.В., 2014
© Ковалёва Н.В., обложка и иллюстрации, 2014
© Издательский Дом «Серебро Слов», 2014

Через тернии...

Мне было лет десять-двенадцать, точно не помню. Заканчивалась последняя смена в пионерском лагере под Коломной. По традиции мы играли в «Зарницу». Было весело и интересно. Разгорячённый прошедшим боем, я прилёг на травку отдохнуть. Рядом журчал родник, и чуть влажная земля приятно холодила спину. Вставать не хотелось. В результате я сильно простыл и заболел. Так заболел, что прямо из пионерского лагеря угодил в детскую больницу.

В палате нас было много, а вот развлечений почти никаких, и когда нянечки объявляли нам вечером отбой, мы лежали в своих кроватках и рассказывали по очереди разные страшные истории. И так получилось, что вскоре эти истории у всех закончились, и тогда я начал пересказывать ребятам недавно прочитанную мною книгу Стивенсона «Остров сокровищ». Приключения отважного юнги, сражения с пиратами, сундуки с золотом — что ещё надо мальчишкам? Все слушали меня, затаив дыхание. Однако и эта история однажды закончилась, но ребята не захотели с этим смириться. Они требовали продолжения. А где ж его было взять? И тогда я начал сочинять сам.

Мама принесла мне обычную школьную тетрадку в клеточку и простой карандаш. Днём, когда заканчивались анализы и процедуры, я садился на свою койку, открывал тетрадь и начинал писать очередной эпизод своего первого и до сих пор единственного романа о пиратах, чтобы вечером пересказать написанное соседям по палате. Как сейчас помню, обложка этой тетради, а потом и трёх последующих, была разрисована пальмами, перекрещивающимися кривыми саблями, длинноствольными старинными пистолетами и флагом «Весёлый Роджер». К сожалению, эти тетради не сохранились.

Вот так началось моё литературное творчество. Но в дальнейшем у меня уже больше никогда не было столько свободного времени и стимула в виде группы благодарных и нетерпеливых поклонников, поэтому тот пиратский роман остался единственным и неповторимым. Но зато чуть позднее я начал писать фантастические рассказы. Фантастические не в смысле исполнения, а по содержанию. Научная фантастика, а другой в СССР не было, полностью завладела мною и не отпускает до сих пор.

Однако фантастику настоящие, то есть профессиональные писатели считают несерьёзной литературой. Да и вообще литературой не считают. Для них это просто развлекательное чтиво, стоящее в одном ряду с детективами и женскими романами. Поэтому фантастику обычно печатало издательство «Детгиз», а в центральные толстые журналы её вообще не брали. Да и сейчас мало что изменилось, и журналы, публикующие фантастику, можно перечесть по пальцам. Поэтому конкуренция среди авторов тут просто невообразимая. Конечно, и я пробовал по наивности слать свои рукописи в редакции журналов. Получал, естественно, в ответ стандартные отписки.

После окончания московского института, я вернулся в Коломну, устроился работать на тепловозостроительный завод и попробовал толкнуться со своими рассказами в редакции местных газет. Вскоре я стал внештатным сотрудником «Коломенской правды». Нет, мою фантастику и здесь не взяли, но предложили написать для газеты фельетон. Я написал. Потом написал второй, затем третий. Я писал их в надежде, что рано или поздно «Коломенская правда» опубликует и мои фантастические рассказы. Но время шло, а редакция не желала ничего менять. Некоторые мои рассказы напечатали «Советская Коломна», «Грань», заводская газета «Куйбышевец», но «Коломенская правда» хотела от меня только публицистику и юмористические миниатюры к Первому апреля и Новому году. Поэтому мы расстались, оставшись друзьями, без ссор и скандалов. «Коломенская правда» даже наградила меня Почётной грамотой. И я очень благодарен редакции этой газеты за ту журналистскую практику, что она заставила меня пройти, и полученный мною опыт. Благодаря «Коломенской правде», я научился писать публицистические статьи и эссе, которые сейчас с удовольствием берут у меня и публикуют российские и зарубежные журналы. Но вернёмся к моей любимой фантастике.

В Коломне у нас было два литобъединения поэтов. А вот прозаики варились в собственном соку. И сейчас варятся. Так что мне пришлось самостоятельно постигать секреты литературного мастерства. Наверно, как и все начинающие, я в то время в основном подражал своим кумирам. Но вот в начале девяностых в нашу жизнь вошли компьютеры, а вместе с ними и электронные сети. Сначала это была сеть ФИДО. Она связывала компьютеры

по телефонным проводам. И в этой сети я обнаружил несколько литературных конференций, аналог нынешних интернет-форумов. Здесь обменивались текстами, критикой и мнениями такие же графоманы, как и я. Многие нынешние знаменитости в области отечественной фантастики начинали в этих фидо-конференциях. Там они выросли как писатели, обзавелись поклонниками и завели связи с издателями. Эту же школу писательского мастерства прошёл вместе с ними и я. Но для меня литература осталась только увлечением, хобби, а не профессией. Работа на заводе мне нравилась и, что важно, оплачивалась гораздо лучше. Поэтому я и не стал её менять на постоянную работу в «Коломенской правде», предпочитая оставаться внештатным сотрудником газеты. Тратить силы и время на борьбу с редакторами и издательствами я не хотел, хотя желание напечатать где-нибудь мои рассказы не проходило. А затем появился интернет с его поистине фантастическими возможностями. Связь с редакциями различных журналов стала простой и практически мгновенной. Не нужно больше тратить время и бумагу на распечатку нескольких экземпляров рукописи и месяцами ждать писем с ответами от редакторов. Один и тот же файлик с текстом рассказа или статьи можно разослать сразу в несколько журналов, как российских, так и зарубежных.

В конце девяностых в Коломне произошло удивительное событие: группа энтузиастов решила выпустить сборник своих произведений. Опыт удался, его решили повторить — так появился ежегодник «Коломенский альманах». Разумеется, я не мог пройти мимо такой возможности и принёс свои рукописи главному редактору альманаха Виктору Семёновичу Мельникову, и тот выбрал один из моих рассказов для публикации в четвёртом номере сборника. Счастливый, я сообщил о предстоящем событии всем друзьям и знакомым. Но когда альманах появился на прилавках книжных магазинов, я не нашёл в нём своего рассказа. Оказалось, что сработал всё тот же писательский стереотип: фантастика — это не настоящая литература, и мой рассказ заменили текстом другого автора.

— Пиши реальную прозу, — посоветовал мне Мельников, когда я спросил его, почему так произошло. — Редакция «Коломенского альманаха» установила высокую планку для авторов и произведений. Низких жанров в ежегоднике не будет.

Конечно, я обиделся и разозлился. Представляете, каково мне было терпеть вопросы и насмешки тех, перед кем я столь неосмотрительно хвастался предстоящей публикацией в «Коломенском альманахе»? Конечно, я продолжил писать фантастику, но решил доказать, в первую очередь самому себе, что и реализм мне по плечу. Так у меня появились рассказы о нашей реальности. Поэтому я благодарен Виктору Мельникову за то, что он подтолкнул меня в этом направлении. И теперь я стараюсь писать так, чтобы читатель не мог определить, где в моём рассказе кончается реализм, и начинается фантастика.

Интернет дал нам невиданные ранее возможности. Мои статьи и рассказы, фантастические и реалистические, стали публиковать не только российские, но и зарубежные журналы. И вдруг, почти через десять лет после того обидного случая, главный редактор «Коломенского альманаха» сам позвонил мне и попросил что-нибудь для публикации в ежегоднике. И вот наконец-то мой рассказ — фантастический рассказ! — был напечатан в пятнадцатом номере самого престижного журнала Коломны. В следующем выпуске опубликовали моё эссе об историческом романе Ивана Лажечникова «Последний новик», а в последнем, семнадцатом номере, напечатано сразу три моих фантастических рассказа. Я льщу себя мыслью, что именно мои неоднократные беседы и споры с Виктором Мельниковым привели к появлению в «Коломенском альманахе» нового раздела под названием «Терра инкогнита», отданного именно фантастике. Потому что высота планки зависит не от жанра, в котором написано произведение, а от мастерства автора.

Как говорится: всё течёт, всё меняется, и то, что нас не убивает, делает сильнее. Преграды в лице главных редакторов «Коломенской правды» и «Коломенского альманаха» заставили меня освоить новые жанры: публицистику и реальную прозу, расширив мои возможности как писателя. Спасибо им!

Вот таким был мой путь в литературу. А уж стоило ли мне по нему идти, судить читателям.

Сергей Калабухин

Рифы любви

— Здравствуй, Костя!

Я замер. Это была она, Зинаида! Сидела, по-старушечьи ссутулившись, на короткой парковой скамеечке в своём любимом по-деревенски цветастом сарафане и с напряжённой улыбкой смотрела на меня. Всё такая же маленькая, стройная, с непропорционально большой грудью. Удивительно моложавая, несмотря на двадцать с лишним лет тяжёлой и вредной работы в ядовитых испарениях гальванического цеха. «Маленькая собачка — до старости щенок!» — не раз с завистью говорила Марь Ванна, её подруга и соседка по лестничной клетке.

— Не присядешь на минуточку, зятёк? Мне надо тебе кое-что сказать.

Катя удивлённо переводила взгляд то на меня, то на эту злобную фурию, прикидывающуюся невинной овечкой.

— Я пройдусь пока к фонтану, — наконец сказала мне жена. — Найдёшь нас там.

С усилием освободившись от меня, мёртвой хваткой вцепившегося в её руку, Катя неторопливо покатила детскую коляску с мирно спящим Алёшкой вдоль парковой аллеи к высоким струям фонтана, сверкающим впереди в лучах июльского солнца.

— Садись, в ногах правды нет, — похлопала по скамейке сухой ладошкой Зинаида.

Словно кролик под взглядом змеи, я покорно шагнул к ней на чужих негнущихся ногах и рухнул рядом. На меня пахнуло, казалось, давно забытым ароматом духов, названия которых я так и не удосужился узнать. «Что ей надо? — очнувшись от ступора, подумал я. — Неужели эта страшная женщина вновь появилась в моей жизни для того, чтобы разрушить и растоптать всё, что я успел создать и полюбить?»

Повернувшись торцом к улице, огромными костяшками домино стоит короткий ряд кооперативных пятиэтажных хрущоб, обсаженных по контуру кустами акации и сирени. Между домами пчелиными сотами гудят дворы, заполненные по вечерам местной детворой, сплетничающими на лавках у подъездов старушками и «забивающими козла» мужиками. С самого детства

мы с Валькой жили в соседних подъездах, играли в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом — в одну школу. Валька мне всегда нравилась. Я часто защищал её от мальчишек и нередко бывал у неё дома. И взрослые, и дети дразнили нас женихом и невестой. Поначалу я обижался, а потом привык и перестал обращать внимание на подначки.

Родители Вальки часто ссорились и даже дрались. Однажды она сказала мне, что боится идти домой, потому что на заводе сегодня дают зарплату, а значит, папка придёт домой пьяный, и они с мамкой обязательно подерутся.

— Не бойся, — важно ответил я. — Я тебя защитю.

Мы пришли в их двухкомнатную квартиру. Она отличалась от нашей только наличием кладовки в маленькой комнате. Когда мама неожиданно родила мне братика, отец сломал в спальне встроенную кладовку и сделал на её месте детский уголок. Кладовка была довольно вместительная. Там свободно встала детская кроватка, а вместо сломанной стенки мама повесила штору. Валькин же отец верхнюю половину кладовки оборудовал широкими полками, на которых теснились регулярно привозимые из деревни стеклянные банки с различными вареньями и соленьями, приготовленными Валькиной бабушкой. А внизу было свободное пространство, куда Зинаида, мать Вальки, убирала складную швейную машинку марки «Зингер», а Валька хранила свои коньки, куклы и прочие игрушки.

В тот памятный день швейная машинка стояла в большой комнате на круглом столе у окна. Там же лежали куски пёстрой материи, жёлтая змейка «метра», кусок мела, катушки ниток и огромные ножницы. Мы с Валькой прошли в спальню, сунулись в кладовку, и она стала показывать мне свои куклы и прочие девчачьи безделушки.

Заигравшись, мы слишком поздно услыхали, что родители Вальки уже дома. В день зарплаты шум ссор доносился из многих квартир. А стены хрущобы практически не уменьшали звук. Поэтому когда до нас с Валькой дошло, что её родители орут друг на друга уже в соседней комнате, всё, что я успел сделать — это захлопнуть дверь кладовки изнутри. Мы, затаив дыхание, сидели в темноте, тесно прижавшись друг к дружке. Ссора всё усиливалась, и вскоре сквозь мат послышались звуки первых ударов, треск рвущейся материи и стоны Зинаиды. Валька за-

дрожала и тихо заскулила. Неожиданно, её родители ввалились в спальню и рухнули на кровать. В тот день мы с Валькой не поняли, что доносящиеся к нам во мрак кладовки рычание, удары и стоны уже не драка, а нечто иное. Наконец всё утихло, и вскоре Валькин отец пьяно захрапел, а её мать почему-то довольно засмеялась, встала с кровати и ушла в ванную.

Мы тихонько выбрались из кладовки и прокрались в прихожую.

— Бежим на улицу, — прошептал я.

— Не могу, — сквозь непросохшие слёзы ответила Валька. — Мне надо в туалет.

Санузел в наших квартирах был совмещённым, поэтому Вальке придётся ждать, когда мать выйдет из него.

— Тогда выпусти меня. Твой отец спит. Больше драк не будет.

Дверной замок громко щёлкнул и из ванной, как кукушка из часов, тут же высунулась растрёпанная голова Зинаиды.

— А-а, жених и невеста! Уже пришли, — улыбнулась она нам, щуря подбитый глаз. — А ты чего ревёшь? Обидел кто?

— Ей в туалет надо, — поспешил ответить я.

— Так иди! Я уже помылась. А ты, жених, проходи на кухню, щас будем ужинать.

— Спасибо, тёть Зин, меня дома ждут, — пробормотал я и, выскочив за дверь, бросился по ступенькам вниз...

— Жена? — кивнула Зинаида вслед Кате, уже затерявшейся в толпе гуляющих вокруг фонтана.

Я молча кивнул.

— Сын или дочка?

— Сын.

— Сколько ему?

— Полгода. А тебе зачем? Что ты здесь вообще делаешь?

— Тебя жду.

О свадьбе мы с Валентиной заговорили с родителями сразу, как только окончили школу и поступили в московский ВУЗ на филфак. Но поженились только на четвёртом курсе. Это было очень не просто, так как родители были категорически против нашего брака. Мои твердили, что надо сначала закончить

институт и устроиться на работу. Отца Валентины к тому времени уже не было в живых. За пять лет до этого он погиб, попав в пьяном виде под машину. А Зинаида, мать Валентины, вообще видела своего будущего зятя только в офицерских погонах. Видимо, хотела в дочери воплотить собственную мечту. Но мне с моим плоскостопием даже погоны рядового не грозили.

— Ты же сама всегда называла меня женихом! — с обидой сказал я ей однажды.

— Ну и что? Жених — это ещё не зять! — проорала Зинаида в ответ. — За мной вон пол деревни женихов бегало, а я за городского замуж вышла.

Нам с Валькой надоели эти бесплодные раздражающие споры, и мы просто начали жить вместе, как сейчас принято выражаться, гражданским браком. Мне пришлось порядком побегать, пока удалось найти в нашей студенческой общаге приемлемый для всех вариант обмена, но всё же в конце концов у нас с Валентиной появилась своя первая отдельная комната.

Мы перестали скандалить с родителями, и это их насторожило. Каким-то образом они узнали правду, и когда мы однажды приехали на выходные домой, разразился жуткий скандал. Особенно бесновалась Зинаида. В конце концов, все постепенно успокоились и начали решать, как быть дальше. Мы с Валентиной готовы были оставить всё, как есть. Мои родители тоже ни на чём уже не настаивали. А вот Зинаиду статус кво ни в коей мере не устраивал. Она была деревенская, в город переехала только после замужества, и никаких гражданских браков не признавала. И наша свадьба состоялась!

— Меня, значит, ждёшь, — пробормотал я, стараясь держаться от Зинаиды подальше. — А как ты узнала, что я сегодня буду здесь?

— Подруга моя, Клавка, с вами в одном подъезде живёт. Так что я знаю все ваши дела, и что по выходным вы гуляете в этом парке.

— Всё знаешь? Чего ж тогда вопросы задаёшь? — разозлился я. Она, оказывается, за мной до сих пор следит!

— Надо же с чего-то разговор начать, — как-то зябко, несмотря на жару, пожала плечами тёща.

— Не о чем нам с тобой говорить! У меня теперь другая

семья, и к Вальке твоей я никогда не вернусь...

— Не кричи, люди вокруг.

— Люди?! — осатанел я, окончательно сбрасывая гипноз страха перед этой женщиной. — Раньше ты не стеснялась людей. Орала на нас с Валентиной и при своих, и при чужих. А сколько грязи вы с нею на меня вылили до и после развода!

— Было... — неожиданно покорно согласилась тёща. — Извини, если сможешь.

Я опешил. Зинаида никогда ни перед кем не извинялась! Я до сих пор называю эту женщину тёщей, хотя с её дочерью мы расстались почти пять лет назад. Это Зинаида разрушила наш брак. Она была типичной тёщей из анекдотов: властной, не терпящей возражений, вечно недовольной зятем, то есть мною. Дочь Валентину всегда держала в ежовых рукавицах и даже порой могла отхлестать её старой сеткой-авоской за какую-нибудь провинность. Временами тёща была сущей фурией.

Да, она устроила нам пышную многолюдную свадьбу, на которой мы с Валентиной знали не более десяти человек из числа ближайших родственников, а потом при каждой ссоре непременно тыкала мне, сколько денег она угробила на это торжество.

Валентина настояла, чтобы мы жили с её мамой, и после окончания института мы поселились в маленькой комнате тёщиной квартиры, о чём я потом неоднократно сожалел. Сразу же после свадьбы тёща начала упорно разрушать наш с Валентиной брак. Она соблюла какие-то свои правила приличия, спасла честь дочери, превратив наше сожительство в официальный брак, продемонстрировала это всем своим подругам и соседкам, пригласив их на свадьбу, но вот неугодного ей зятя-учителя хотела непременно заменить на зятя-военного. Сколько раз я уговаривал жену жить отдельно! Но та не хотела менять привычный с детства уголок на чужой. «Хватит с меня общежитий!» — упрямо говорила она. И тёща при каждом удобном случае старалась вбить клин между нами.

Я работал в обычной городской школе, а Валентина ездила за город, в военный Городок, где жили и учились дети офицеров местного гарнизона. Она часто хвасталась перед матерью комплиментами и неизменным вниманием, что ей оказывают там офицеры и солдаты. Зинаида ещё больше загорелась своей мечтой стать офицерской тёщей. Ей казалось, что теперь, когда

дочка работает в воинской части, единственной помехой остаюсь я. И моя жизнь окончательно превратилась в сущий ад. Всё, что бы я ни делал, было не так. Более того, тёща прямым текстом запретила Валентине заниматься со мной сексом! Вдруг та забеременеет, а нам, оказывается, пока рано заводить детей. На самом же деле Зинаида боялась, что беременность дочери не только осложнит развод со мной, но и может привести к потере Валентиной столь выгодной в плане поиска мужа-офицера работы.

Надо сказать, что с сексом у нас с Валькой было и ранее не всё в порядке. Только любовь удерживала меня от измен и упрёков. Все мои попытки хоть как-то расшевелить Валентину, разнообразить наши любовные игры, встречали упорное сопротивление. Однажды, когда я был особенно настойчив, она в ярости указала на кладовку, где мы когда-то с нею не раз прятались от ссор и драк её родителей, и прошипела:

— Не пытайся сделать из меня вторую Зинаиду! Я не животное!

Поэтому я почти не удивился, когда Валентина безропотно позволила матери начать ненужный ремонт в маленькой комнате, где мы жили. То, что нам теперь пришлось спать на полу в метре от её матери, Валентину полностью устраивало, а меня всё больше бесило. Ремонт затягивался. Червячок тщеславия и постоянные дифирамбы тёщи прелестям жизни офицерских жён постепенно делали своё чёрное дело. Валентина явно охладела ко мне. Она стала задерживаться на работе. Я отчётливо видел, что теряю жену, и стал с ещё большим жаром уговаривать её оставить Зинаиду и начать, наконец, жить самостоятельно.

— Зачем нам вешать на себя дополнительные трудности? — отвечала Валентина. — Мама готовит, стирает, ходит по магазинам. Мне некогда этим всем заниматься. Пока на работу, пока с работы, кучу тетрадок надо проверить. Сам же видишь! К тому же нам не хватит денег на то, чтобы снимать квартиру и платить домработнице. Потерпи. Неужели для тебя секс важнее любви?

Как бы вы ответили на последний вопрос? И я отступал, довольствуясь торопливыми полунасильными ласками по выходным, когда тёща уходила в магазин. И вот эта вынужденная спешка привела однажды к катастрофе. Валентина забеременела! По её словам во всём, конечно, виноват был исключительно

я. Жена выплеснула на меня массу несправедливых упрёков и оскорблений. Я всё покорно сносил в радостном предвкушении того, что теперь-то, наконец, мои мучения закончатся. С рождением ребёнка тёща похоронит свои мечты о зяте-офицере, и мы все заживём нормальной семьёй. Как я был наивен...

Почти месяц Зинаида радовалась явной неприязни ко мне, которую всячески демонстрировала Валентина. Жена со мной совершенно не разговаривала, не отвечала на мои вопросы и игнорировала любые попытки общения. Даже спала она теперь на одном диване с Зинаидой, заявив той, что ей на полу холодно. Разговаривала она только со своей мамой и только об офицерах военного городка. Тёща была счастлива! Она даже неожиданно смягчилась ко мне, перестала ругать, в глазах её иногда мелькали жалость и сочувствие. Особенно когда Валентина при ней демонстративно «не замечала» мои попытки примирения. Скандалить Зинаида прекратила, но мне от этого не стало легче. И вот, наконец, настал «день гнева».

В тот вечер я задержался на работе больше, чем обычно — пришлось подменить заболевшую Зою Петровну. В общем-то, я сам вызвался. Дополнительные деньги нам с Валентиной не помешают, да и возвращаться в дом, где царит гнетущая атмосфера разрыва, тоже не хотелось. Я уже давно не брал тетрадки учеников для проверки домой, а сидел и проверял их в учительской. Куда мне было спешить? Под отчуждённо-равнодушные взоры жены? Или оскорбительные скандалы тёщи? В тот день тетрадок значительно прибавилось, и я просидел в школе до самого её закрытия.

Не успел я переступить порог, как на меня накинулась злобная фурия. Поток матерщины и оскорблений дополнялся пожеланиями оторвать мне кое-что, поджарить и заставить съесть вместо яичницы с колбасой на завтрак. Тёща узнала о беременности дочери, понял я. Не отвечая на брань, я прошёл в комнату. Жены дома не было.

— Где Валентина? — пытаясь перекричать Зинаиду, спросил я.

На мгновение в квартире повисла звеняще-оглушающая тишина.

— Валентина?! — взвизгнула, наконец, тёща. — Ноги этой шлюхи больше не будет в моём доме!

И тут она неожиданно набросилась на меня. До этого Зинаида никогда не пыталась бить меня. Порой она по привычке хлестала за что-нибудь дочь старой авоськой, обычно висевшей на вешалке в прихожей. Я, конечно, всегда бросался к жене на выручке, закрывал её своим телом и несколько раз ощутил-таки всю жгучую силу тёщиных ударов. Но в этот вечер Зинаида, не переставая изрыгать матерщину и оскорбления, набросилась с кулаками на меня. Ошеломлённый, я в первый момент даже не пытался закрываться от ударов. Но вот ногти Зинаиды пробороздили мою левую щёку, едва не задев глаз. Я схватил её за руки, пытаясь как можно дальше отстранить от себя эту злобную фурию. Но в пылу ярости, она оказалась сильнее меня и легко вырвалась. Тогда, чтобы уберечь своё лицо от увечий, я решил сменить тактику и сам пошёл на сближение. И когда не ожидавшая этого тёща бросилась на меня, мы, сцепившись, как борцы на ринге, рухнули на пол. Рычащая, как зверь, Зинаида, пыталась вырваться, чтобы вновь пустить в ход кулаки и ногти. Я всё сильнее сжимал объятия, чтобы не дать ей такой возможности. Всё теснее сплетаясь, мы катались по полу. Неожиданно она укусила меня в грудь. Взвыв от боли и ярости, я отстранился. Тёща тут же попыталась вскочить, но я успел схватить её за халат и резко дёрнул вниз. Раздался треск, пуговицы пулями разлетелись в разные стороны, и полуголая Зинаида рухнула на меня. Моё кровоточащее лицо неожиданно оказалось между горячих упругих грудей, довольно внушительных по сравнению со вторым номером Валентины. На меня пахнуло смесью терпких духов, пота, разгорячённого женского тела и чего-то ещё, чего я не смог определить. Разум мой рухнул в бездну, в голове смешались воспоминания детства, холодность жены, оскорбления, унижения и побои. Я тоже зарычал и вцепился зубами в белую, налитую желанием грудь Зинаиды...

Очнулся я утром. Из кухни доносились шкворчание яиц на сковородке и голос Зинаиды. Она пела! От запаха свежесваренного кофе у меня свело скулы, и рот наполнился вязкой слюной. Над головой семь раз прокуковала кукушка. На работу в школу мне к девяти, так что можно ещё полчасика подремать. Стоп, а почему кукушка куковала прямо надо мной? Я открыл глаза и увидел, что лежу голый на тёщином диване! Память о произошедшем вчера кошмарным потоком обрушилась на меня. Я

бросился в ванную. В зеркале отразилась исцарапанная физиономия с тёмными кругами под глазами. Губы распухли. Шею и грудь покрывали следы укусов и синяки засосов. Я тёр и тёр себя мочалкой, словно пытаясь содрать вместе с кожей, казалось, намертво впитавшийся в меня запах Зинаиды. Стекающая с меня вода сквозь мыльную пену розовела от крови, сочащейся из потревоженных мочалкой глубоких царапин на спине...

Валентина так и не узнала, о том, что произошло в ту ночь. Она в это время уже была в больнице. Завуч не отпустила меня с работы, тем более что на мне висели не только мои классы, но и ученики заболевшей Зои Петровны, которую я сам столь неосмотрительно вызвался подменить. Так что в роддом я попал только во второй половине дня. Валентина вышла ко мне в своём стареньком выцветшим от частых стирок халатике, бледная, упорно смотрящая мимо меня.

— Зачем ты это делаешь, Валя? — бросился я к ней. — Давай всё обсудим. Дети — это то, что нас всех сблизит...

— Обсуждать нечего. — Как-то мёртво ответила Валентина, отстраняясь и упорно глядя куда-то мимо меня. — Уже всё произошло.

— Как уже? — не поверил я.

— Утром ещё. Ничего нас больше не сблизит, Костя. Детей мне и в школе хватает, а с тобой их у меня теперь уж точно не будет.

— Как не будет? Почему?

— Потому что перед тем, как идти сюда, я зашла в ЗАГС и подала заявление на развод.

— Что ты говоришь, Валечка?! Ты подумай, что ты говоришь! Какой развод? Почему?

— Уходи, Костя! Я не хочу и не могу с тобой говорить. Наш брак был ошибкой...

Я задыхался, не мог найти слова. В голове у меня всё перепуталось.

— Подожди, Валя, — схватил я за руку повернувшуюся чтобы уйти жену. — Давай не будем сейчас ничего окончательно решать. Ты вернёшься домой, и тогда...

— Я не вернусь! — голос жены неожиданно окреп и зазвенел. — У нас в части очередное сокращение офицерского соста-

ва. Полковник уже выделил мне отдельную служебную квартиру.

— Так это же прекрасно, Валя! Я давно говорил, что нам нужно жить отдельно от твоей мамы...

— Тебе там делать нечего. Караул тебя не пустит на территорию Городка, а я не собираюсь выписывать тебе пропуск.

— Но почему ты так со мной, Валя? — почти прорыдал я. — За что? Давай всё же поговорим с тобой, когда ты успокоишься.

— Я всё сказала. Не приходи больше. Для развода твоего согласия не требуется. А если начнёшь доставать меня в Городке, то там найдётся, кому меня защитить.

И она ушла, шаркая старыми тёщиными тапочками, которые та всё собиралась выбросить, но так до сих пор и не выкинула. А я остался, повторяя, как заевшая пластинка: «Вот оно как! Есть кому защитить. Вот оно как! Есть кому защитить...».

— Ну что, сбылась твоя мечта? Ты теперь офицерская тёща? — зло бросил я, откидываясь на спинку парковой скамейки.

— Нет, Костик, — горько вздохнула Зинаида. — Женихов-то, как грязи! А когда дело доходит до ЗАГСа, все куда-то исчезают. Кобели проклятые! Нет охотников менять офицерское общежитие на служебную квартиру в той же части. Тем более, если и так в этой квартире жить можно.

Я вновь поразился неожиданной откровенности тёщи. Все язвительные словечки сами собой приклеились к моему языку и не выпорхнули наружу. Зинаида была не похожа на себя, на ту гордую, самоуверенную женщину, легко распоряжавшуюся чужими судьбами.

— Так от меня-то тебе чего теперь надо? — наконец выдавил я, видя, что тёща не собирается сама продолжать этот тягостный для нас обоих разговор. — У меня, как ты знаешь, уже другая семья, ребёнок...

— Не бойся, Костик! — неожиданно улыбнулась тёща, распрямляясь, и я вновь увидел рядом прежнюю Зинаиду. — Я не собираюсь уговаривать тебя вернуться к Вальке. Я ж не дура!

— Тогда... что? — я был в полнейшей растерянности.

— Хотелось своими глазами убедиться, что люди не врут, и ты действительно счастлив.

— Убедилась? — Я вновь начал укреплять пошатнувшуюся

было между нами стену.

— Убедилась, — спокойно кивнула тёща. — И очень рада за тебя. Авось, скоро и у моей Вальки всё наладится. Недолго ей уже осталось мыкаться... Ты простил меня, Костя? — неожиданно подалась ко мне всем телом Зинаида, и я вновь, до головокружения, ощутил запах её духов.

— Бог простит! — сквозь стиснутые зубы бросил я на прощанье этой непонятной мне теперь женщине и поспешил навстречу подходящей к нам Кате, укоризненно глядевшей на меня поверх Алёшкиной коляски...

Через две недели вернувшаяся с прогулки Катя, уложив уснувшего Алёшку в кроватку, неожиданно сказала мне, накрывая стол к обеду:

— Да, Костенька, я тут встретила Клавдию Михалну с третьего этажа. Она просила тебе передать, что вчера похоронили её подругу, какую-то Зинаиду. Клавдия Михална сказала, что ты поймёшь, о ком речь. У Зинаиды врачи обнаружили какую-то опухоль в мозгу. На срочную операцию нужны были совершенно немыслимые деньги. Клавдия Михална говорит, что даже если бы та Зинаида продала всё, что у неё есть, включая квартиру, то и тогда не набрала бы нужную сумму. Представляешь, какой ужас? Костик, ты чего молчишь? Что с тобой, Костенька? Костя!!!

Десять минут счастья

Стоя у окна теперь уже не моей хижины, я вижу, как они, волоча ноги, бредут от зева шахты к бараку, чтобы рухнуть там, не раздеваясь, на нары и получить свою порцию счастья. Десять минут блаженства смоют усталость, и эти сволочи легко встанут с жёстких лежанок, скинут с себя вонючую от пота робу и бодро пойдут принимать душ.

А потом будет торжественный ужин. Наглые захватчики решили отпраздновать очередную лёгкую победу надо мной. Что ж, придётся вынести и это унижение. Да, это будет последний мой ужин на Шахте Счастья, но зато он и последний на этой каторжной планете. Я, наконец, покидаю Сиреневую. Космический лайнер, на котором Гольдштейн забронировал для меня каюту-люкс до Земли, отбывает завтра утром.

Вон он, мой заклятый враг, пыхтит и стонет, повиснув на каменных плечах своих звероподобных телохранителей, подобострастно встретивших хозяина у выхода шахты. Пузан отпихивает их и пытается идти сам, но короткие кривые ножки заплетаются от изнеможения, и телохранители вновь угодливо подхватывают Гольдштейна под локоток. Тот что-то неразборчиво хрипит и «гориллы» отскакивают от измотанного непривычным физическим трудом хозяина. Тот должен дойти до барака сам, без чьей-либо помощи, если хочет получить в награду кусочек счастья. Иначе, все его сегодняшние муки в шахте окажутся напрасными.

За Гольдштейном бредёт Люська. Грязные, серые от шахтной пыли лохмы паклей висят, наполовину скрывая покрытое потёками грязи лицо. Ты-то зачем полезла в эту шахту? Тоже хочешь получить десять минут счастья? Значит, ты несчастна, Люська? Имея практически всё, о чём мечтала, ты несчастна? Ради чего же пять лет назад ты променяла меня на этот мешок золота, бредущий перед тобой? Да, у нас не было миллиардов Гольдштейна. У нас и дома-то своего не было. Зато была любовь и дни, недели, месяцы счастья! Счастья, которого не надо было зарабатывать каторжным трудом в тёмной шахте на первобытной планете.

На Сиреневой нет ничего, кроме тюрем и шахт, в которых каторжники и свободные старатели добывают сиреniты. Эти драгоценные кристаллы, конечно, весьма красивы, но и очень хрупки, а потому их невозможно добывать с помощью машин. Только по старинке — кайло и лопата. Учитывая, какой ценой достаются кристаллы, они доступны только очень богатым людям, а потому и вошли в моду в высшем свете Империи. Когда-то почти безлюдная Сиреневая ныне превратилась в «Клондайк» времён «золотой лихорадки». Любой желающий может прилететь сюда, застолбить участок и попытаться добыть несколько кристаллов. Достаточно найти хотя бы один, и все расходы мгновенно окупятся. Если продать его на Земле. В этом-то и состоит основная проблема вольных старателей: где та Земля, и как до неё добраться? И вчерашние вольные становятся вечными рабами ростовщиков, перекупщиков, лавочников, держателей салунов... Я бы никогда по доброй воле не попал сюда.

Наше с Люськой счастье длилось менее года. Деньги, проклятые деньги! Вернее, их отсутствие в достаточном для Люськи количестве. И однажды она ушла от меня к Роману Гольдштейну, этому уродливому рыжему коротышке. И мы остались с Аськой вдвоём. Люська бросила несчастное животное столь же безжалостно, как и меня. Безжалостно...

А ведь Аська появилась в нашей съёмной однокомнатной квартирке именно благодаря Люськиной жалости. Не знаю, уж какие опыты проводились над этим несчастным котёнком. Аська была чуть жива, когда Люська, обливаясь слезами, притащила её к нам домой. Животное списали и должны были уничтожить. К счастью лаборатория занималась генетикой, а не какой-нибудь заразой вроде спида или чумы. Поэтому никто особо не возражал, когда симпатичная лаборантка пожелала взять полудохлого котёнка себе. Да, когда мы были счастливы, нам было жаль всех несчастных. И Аська выжила. Вон она спит на моей койке, беспородная трёхцветная кошечка с умными янтарными глазками и пушистым беличьим хвостом. Пять лет назад мы провели множество счастливых минут втроём, играя с верёвочкой, к которой привязывали в качестве «мышки» клочок бумаги или ненужный лоскуток. «Мы в ответе за тех, кого приручили!» — часто цитировала древнего автора Люська. Как деньги корёжат

людей! Пусть она разочаровалась во мне, но как можно было бросить Аську?!

Не знаю, что случилось в нашей жизни раньше: ушло счастье или появился Гольдштейн. Скорее, второе. Видимо, как только Люська поняла, что может иметь любые тряпки (это, оказывается, только для меня они — тряпки!) и украшения, обедать в лучших ресторанах, посещать концерты модных исполнителей, танцевать на великосветских балах, она другими глазами стала смотреть на наш «рай в шалаше». И на меня с Аськой.

Я долго и безуспешно пытался её вернуть. Подкарауливал, звонил, унижался, угрожал... В конце концов, «гориллы» Гольдштейна однажды ввалились в мою заросшую грязью и мусором берлогу, оторвали от бутылки дешёвой водки, избили и бросили в багажник своей огромной машины. Очнулся я уже на борту лайнера, летящего сквозь космос к Сиреневой. На груди, под давно нестиранной рубашкой я обнаружил тёплый клубочек Аськи...

А потом были ломка похмелья, голод и холод, адский труд в шахтах Сиреневой. Тогда Гольдштейн не требовал с меня плату за билет. Ему было достаточно убрать меня с Земли и из жизни Люськи. Другое дело теперь, когда я стал владельцем единственной на Сиреневой Шахты Счастья! Когда слух обо мне и моей шахте разошелся по всем обитаемым мирам Империи, в мою жизнь вновь вошли Люська и Гольдштейн. И опять с единственной целью: всё у меня отобрать.

На Сиреневой множество шахт. Но только в моей главной добычей являются вовсе не кристаллы сиренита, а нечто иное: десять минут безграничного счастья и покоя. Это обнаружилось совершенно случайно. Старик Джонсон подарил мне за год до своей смерти шахту. Кристаллов в ней почти не было. А те, что ему удавалось найти, были настолько мелки, что старик Джонсон едва успевал расплачиваться с кредиторами. Махать кайлом в шахте старику было уже тяжело. И Джонсон отписал свой маленький участок и шахту мне с условием, что найденные мною кристаллы сиренита после покрытия текущих расходов пойдут на оплату его возвращения на Землю. Я, конечно, мог и сам застолбить себе какой-нибудь участок. Но мне стало жаль старика, который был столь же одинок на этом свете, как и я. У

него даже кошки не было. К тому же я знал, что путь на Землю для меня закрыт Гольдштейном. Так какая мне разница, в какой шахте горбатиться? Лишь бы была еда для нас с Аськой, да крыша над головой. Опять же, не надо строить жильё и приобретать инвентарь. И я согласился.

Однажды Джонсон привёл мне в шахту напарника. Новичка, только что прибывшего на Сиреневую. У парня, как и у меня недавно, ничего не было, кроме крепких рук. И он согласился месяц поработать только за еду и постель, пока не накопит шахтёрского опыта. Махмуд был могуч, горяч и по-восточному нетерпелив. Он махал кайлом, как шашкой. В горячке нечаянно рубанул по стойке, и нам на голову хлынул поток камней. К счастью, мы оба успели отскочить, но оказались по разные стороны завала. Целый день мы каторжно трудились, разбирая преграду. К вечеру, наконец, я увидел отблеск его фонаря, и вскоре совершенно обезумевший от пережитого страха Махмуд выбрался, и мы из последних сил поплелись к выходу из шахты.

Наверху мы молча повалились на серую траву и уставились на заходящее солнце. На грудь мне вспрыгнула Аська. Каждое утро она провожала меня, а вечером терпеливо ожидала. Я машинально гладил мягкую кошачью шерсть и бездумно слушал громкое мурлыканье. Закат окрасил в сиреневый цвет обычно серый пустынный пейзаж, стандартный блок хижины и спешащего к нам от неё старика Джонсона. И вдруг на меня накатила волна счастья!

Пять лет назад, когда Люська бросила меня ради миллиардов Гольдштейна, я испробовал всё: алкоголь, наркотики, гипноз — ничего не дало подобных ощущений. Я повернулся к Махмуду. Тот смотрел на меня огромными глазами, в которых тоже плескалось безграничное счастье.

— Андрей, что это? — прохрипел он. — Ты чувствуешь то же, что и я?

Десять минут назад мы умирали от усталости, нам всё было безразлично, даже великолепные краски заката. А теперь мы бодро вскочили с земли и стояли друг перед другом свежие, довольные и счастливые! А вот подошедший к нам старик Джонсон не чувствовал ничего, кроме недоумения и тревоги.

Так родилась легенда о Шахте Счастья. Каждый желающий мог получить свои десять минут безграничного счастья. Но только после целого дня изнуряющего труда в моей шахте. Именно в моей. Ни в какой другой такого эффекта не наблюдалось.

Сначала люди не верили, и я пускал в шахту любого, кто хотел уличить меня в жульничестве. Я обещал оплатить труд по двойной ставке, если вечером поднявшийся на поверхность шахтёр не испытает десять минут счастья. В противном же случае, тот не возьмёт никакой платы за день каторжного труда под землёй. Разумеется, мне так и не пришлось никому платить.

Испробовав небывалое, люди вновь рвались в мою шахту. Но теперь уже я брал с них плату за это. Они не только бесплатно горбатились на меня целый день без какой-либо халтуры и перекуров, но и готовы были сами приплатить, лишь бы испытать потом свои десять минут счастья. Никакой наркотик не мог сравниться с этими минутами. Поток клиентов рос, и вскоре мне пришлось установить предварительную запись и поднять плату. Я расширил шахту, построил барак с лежанками и душевыми для шахтёров. Старик Джонсон давно уже мог улететь на Землю, но он решил поменять свой билет на возможность посещения шахты вне очереди. Я не смог его отговорить.

— Что меня ждёт на Земле? — ответил он мне. — А здесь я хоть иногда, пусть всего несколько минут, но буду по-настоящему счастлив.

Бедняга слишком часто пользовался своей привилегией и быстро сгорел. Однажды днём он умер прямо в шахте, с кайлом в руках, так и не получив свои последние десять минут счастья...

Многие пытались отнять у меня Шахту Счастья. Сначала предлагали деньги. Я отвечал, что шахта и так приносит мне огромный доход, как деньгами, так и кристаллами сиренита. Зачем мне её продавать? Тогда начинались угрозы. Но у меня к тому времени уже была надёжная охрана, получавшая плату минутами счастья. Подкупить или перекупить её деньгами было невозможно.

Я получил кучу денег от наркоторговцев за возможность взять анализы породы и воздуха в моей шахте. Целая армия учёных пыталась определить, что вызывает столь яркие ощущения у шахтёров. Они измельчали в пыль породу и кристаллы сиренита, выкачивали из шахты насосами целые цистерны воздуха,

до изнеможения крутили в заполненным этим воздухом изолированном помещении педали велотренажёров — эффекта не было! Только честный изнуряющий труд в моей шахте приносил в итоге десять минут счастья. В нарколабораториях до сих пор безуспешно ищут «формулу счастья», пытаются определить недостающий ингредиент. А я им не мешаю. Потому что знаю, что они его никогда не найдут.

Как и этот подонок Гольдштейн. Он всё же вынудил меня продать ему Шахту Счастья. Когда сегодня утром его «гориллы» перестреляли мою охрану (никто из моих парней не сбежал и не сдался!), Гольдштейн предложил мне выбор: либо — либо. У меня ведь нет других наследников, кроме Люськи, с которой мы так и не успели оформить развод! Пять лет назад на Земле никто не думал, что мне удастся выжить в шахтах Сиреневой. Тем более — разбогатеть и прославиться на всю Империю. Миллиардеры стоят в очереди в желании помахать кайлом в моей шахте!

И вот сегодня Гольдштейн потребовал с меня плату за билет на Сиреневую. Шахтой Счастья. Этот негодяй решил забрать мой бизнес бесплатно. Он хочет построить на Сиреневой роскошные отели с ресторанами и казино для богатых клиентов Шахты Счастья. Ещё будучи на Земле он, оказывается, уже заключил массу контрактов с богатейшими и влиятельными людьми Империи на посещение моей Шахты Счастья. И даже получил с них авансом огромные деньги! Корабли с оборудованием, материалами и рабочими уже летят сюда. Так что ни у него, ни у меня нет выбора. Я посмотрел, как «гориллы» Гольдштейна роют огромную братскую могилу для моих охранников и молча подписал все бумаги: развод с Люськой и обмен моего участка с Шахтой Счастья на билет в каюту-люкс до Земли. И Люська с презрительной усмешкой швырнула мне этот билет под довольный смешок Гольдштейна и гогот его телохранителей. Что ж, поглядим, кто будет смеяться последним.

Я хотел немедленно покинуть шахту. Пусть подавятся! У меня теперь достаточно денег на счетах в лучших банках Империи. Но Люська (именно Люська!) запретила меня отпускать.

— Надо испытать наше приобретение, — сказала она Гольдштейну. — Вдруг действительно существует некий тайный ингредиент, о котором Андрей нам ничего не сказал? Пусть наши мальчики не спускают с него глаз и не подпускают к шахте.

А мы с тобой, дорогой, будем первыми клиентами теперь уже нашей Шахты Счастья.

И вот они вдвоём почти целый день махали кайлом под землёй, истекая потом, глотая пыль и набивая кровавые мозоли на своих холёных руках. Лично вкалывали! Даже телохранителей с собой не взяли. Значит — уверены в результате! Не желают бесплатно делиться счастьем. Видать, все их миллиарды не стоят десяти минут настоящего счастья.

Я гляжу, как они из последних сил бредут шаркающей походкой тяжелобольных людей и с облегчением падают на вонючие лежанки, от которых ещё утром презрительно воротили нос, рассуждая о роскошных номерах и бассейнах. Они ждут свои заработанные десять минут счастья. И если не получат их, то вместо каюты-люкс меня ждёт камера пыток.

Что ж, Асюня, твой выход. Иди ко мне, мой тайный ингредиент. Давай дадим напоследок этим выродкам рода человеческого десять минут счастья. Они полностью расслабились и теперь готовы его ощутить. Я глажу мягкую шёрстку искалеченной генетическими экспериментами кошки, она громко мурлычит у меня на коленях, и волны счастья плывут от нас всё шире и шире...

Магия любви

1. Месть Пирата

Алла Михайловна захрипела и обмякла. Славка тут же перестал себя сдерживать и отдался во власть собственных чувств и ощущений. Вскоре он громко застонал, судорожно сделал несколько последних толчков, выпуская скопившийся «заряд» и бессильно рухнул рядом с любовницей. Оба лоснились от пота и были полностью удовлетворены любовной «схваткой».

— Ты был, как всегда, великолепен, — промурлыкала Алла Михайловна и, собрав в горсть ладони их общие выделения, обильно струящиеся по её полным ляжкам, начала неторопливо размазывать эту остро пахнущую смесь по своему плоскому животу и большим, не по возрасту крепким грудям.

Славка благодарно чмокнул Аллу Михайловну в румяную щёчку. Он закурил и с интересом стал наблюдать за действиями любовницы. Когда все наружные выделения были тщательно размазаны по великолепному телу женщины, та начала деловито погружать пальцы внутрь себя, как в огромную баночку с кремом, и вытирать их о своё лицо. Пару месяцев назад, когда Славка впервые увидел эту процедуру, он испытал чувство гадливости и хотел немедленно бежать из этого дома, от этой ужасной женщины. Его даже затошнило при мысли, что придётся вновь прикасаться к её телу, целовать его. Заметив тогда его состояние, Алла Михайловна рассмеялась.

— Дорогой, что это ты так побледнел?

— Зачем ты это делаешь?

— Какой же ты ещё, оказывается, мальчик! — вздохнула Алла Михайловна. — Все женщины пользуются косметикой...

— Так, то — косметика! Кремы, мази...

— Лучшая косметика для женщин делается на основе мужской спермы, — тоном учительницы, наставляющей нерадивого ученика, произнесла Алла Михайловна, невозмутимо продолжая привычный ритуал. — Так что тут у нас с тобой все необходимые компоненты есть. Без всякой химии и ненужных добавок. Зачем же добру пропадать?

Славка не нашёлся, что ответить. «Что это я, в самом деле? — подумал он. — Ведь несколько минут назад я целовал и лизал

роскошное тело Аллы Михайловны, не пропуская самые интимные его места, пил в упоении страсти её соки. А она делала то же самое со мной. И мы смешивали вкус друг друга в страстных глубоких поцелуях. Тогда я не был столь брезглив».

Уже третий месяц они регулярно встречаются с Аллой Михайловной по пятницам, после работы. Аньке Славка говорит, что задерживается в офисе, чтобы не оставлять на понедельник то, что не успел сделать за текущую неделю.

— Хоть и капитализм у нас теперь, но планы и сроки по выполняемой работе шеф всем устанавливает вполне конкретные. А понедельник, как известно, день тяжёлый, голова плохо «варит» после выходных.

Жена то ли поверила, то ли делает вид. У них раньше со Славкой были жуткие ссоры по поводу его реальных и гипотетических измен. Особенно, когда он решил приударить за Катькой из соседней квартиры. А что такого? Одинокая красивая женщина, разведённая, детей нет. Сама строит глазки при каждой встрече. Зачем искать где-то далеко, когда всё, то же самое, или, по крайней мере, не хуже, есть тут, рядом?

Но в доме есть и другие соседки. Аньке быстро «настучали». Из «благих побуждений», конечно! Был жуткий скандал, Славка с большим трудом избежал развода. Спасло то, что у них с Катькой тогда не успело дойти дело до койки: в разгаре была стадия комплиментов, цветов и забивания гвоздей. С тех пор Славка тоже признал и, как говорится, взял на вооружение общеизвестный принцип, призывающий не заводить любовные связи там, где живёшь или работаешь, над которым ранее посмеивался в кругу «трусливых» друзей. Разумеется, этот принцип совершенно не мешал Славке закрутить роман с Люськой, официанткой кафе, в котором он каждый день обедал. Когда Люська начала наглеть и претендовать на нечто большее, чем секс, Славка сменил кафе, благо их понатыкано сейчас чуть ли не на каждом углу. Потом он вновь поменял кафе. Из-за Светки. Потом вновь. Где бы он обедал сейчас, если б шеф неожиданно для всех не сменил главного бухгалтера?

Алла Михайловна взяла власть над Славкой мгновенно, с первой же встречи. Она была старше, опытнее, знала, чего хочет, и умела брать то, что ей нужно. Шеф в её присутствии «сду-

вался» и смотрел на Аллу Михайловну, как мышь на кошку. Она и была огромной красивой кошкой. Мягкой, обворожительной, не имеющей возраста, с фигурой языческой мадонны: широкие бёдра, узкая талия, высокая полная грудь. Роскошная грива естественных рыжих волос резко контрастировала с белой, удивительно гладкой, без явных возрастных признаков кожей лица и огромными зелёными глазами. Никаких веснушек или конопушек, столь часто присущих рыжим от природы людям, у Аллы Михайловны не было. Двигалась Алла Михайловна плавно, с какой-то кошачьей грацией. Её мурлыкающий голос заставлял что-то внутри Славки сладко вибрировать. Не верилось, что под этой великолепной внешностью и мягкостью скрываются острые когти, которые в любой момент могут схватить зазевавшуюся добычу или изуродовать неосторожного врага.

В первый же день появления в их фирме Алла Михайловна через секретаршу Людочку неожиданно вызвала Славку в свой кабинет и, мило улыбнувшись, властно сказала:

— В пятницу, после работы, мы едем ко мне. Покупать ничего не надо: я сама всё приготовлю. Для своей жены придумай отговорку сам. Всё, можешь идти.

Славка не нашёлся, что ответить. Как сомнамбула, он вернулся за свой стол. Его трясло то ли от возбуждения, то ли от ярости. Что о себе вообразила эта наглая баба? С чего она взяла, что может вот так просто, без лишних разговоров «снять» его, как какого-то дешёвого жиголо? Надо вернуться и прямо высказать всё, что он о ней думает. Она даже не в его вкусе! Во-первых, наверняка старше него. Во-вторых, пышные формы Аллы Михайловны совсем не похожи на привычные Славке мальчишески стройные фигурки молоденьких официанток. В-третьих... Нет, не в-третьих, а во-первых: у Славки есть принцип! Как это он о нём забыл?

«Пойду и скажу этой самоуверенной стерве, что я не завожу романов на работе, — решил Славка. — Незачем обижать женщину, указывая на её возраст и недостатки фигуры».

Но тут его вызвал к себе шеф. «Этому-то что от меня надо?» — встревожился Славка и поспешил в кабинет начальника.

— Вызывали, Игорь Петрович? — спросил он, приоткрыв тяжёлую, обитую звукоизолирующим материалом дверь.

Шеф хмуро кивнул и махнул рукой — дескать, входи и са-

дись. Славка утонул в низком кресле. Он почему-то всегда чувствовал себя неуверенно в присутствии начальства. Даже когда вся работа была полностью выполнена, и за Славкой не было абсолютно никакой вины, вызов шефа заставлял его сердце переходить на тревожный ритм. Вот и сейчас Славка украдкой вытер потные от волнения ладони о холодную кожу подлокотников кресла.

Шеф вёл себя странно. Обычно он ни с кем долго не рассусоливал, вечно куда-то спешил или был занят каким-нибудь срочным делом. Сейчас же он, молча, курил, задумчиво глядя на цветущую сирень за окном, как будто забыл о присутствии в своём кабинете срочно вызванного сотрудника.

Славка обеспокоено заёрзал в неудобном кресле и робко покашлял, напоминая шефу о себе. Тот, наконец, загасил в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Людочка, меня ни для кого нет.

— Поняла, Игорь Петрович, — услышал Славка ответ секретарши.

— И ни с кем меня не соединяй, — добавил шеф и отключил селектор. — Бери стул и подсаживайся поближе, — приказал он Славке и вынул из ящика стола бутылку дорогого коньяка, две рюмки и коробку шоколадных конфет. — Лимоны, извини, кончились, — криво улыбнулся Игорь Петрович.

Заинтригованный Славка, с трудом выбравшись из мягкого кресла, подсел к столу начальника. Он работал в этой фирме уже пять лет, участвовал во всех корпоративных вечеринках, несколько раз присутствовал на совещаниях, но до сих пор был уверен, что шеф вряд ли узнает его при случайной встрече на улице.

Игорь Петрович разлил ароматную жидкость по рюмкам и спросил:

— За что выпьем?

Славка пожал плечами и робко улыбнулся:

— За что хотите...

Шеф залпом, как водку, проглотил коньяк и зашуршал обёрткой конфеты. Славка послушно последовал его примеру.

— Зачем тебя вызывала Алла Михайловна? — вдруг жёстко поинтересовался шеф.

Славка растерялся, не зная, что ответить.

— Она назначила тебе свидание, — уверенно произнёс Игорь Петрович, вновь наполняя рюмки.

Славка не знал, как быть. Опровергать? Подтвердить? Чёрт его знает, какие у шефа отношения с этой Аллой Михайловной. То, что Игорь Петрович регулярно пользует прямо в кабинете секретаршу Людочку, знали все. Но почему он уволил прежнего главбуха, работавшего в фирме с момента её основания, и взял на его место Аллу Михайловну, не знал никто.

— Молчишь? — вдруг улыбнулся шеф. — И правильно! Одобряю. А то я боялся, что ты — трепач. После всех этих сплетен о твоих шашнях с официантками кафе. — Пояснил он в ответ на возмущённый взгляд Славки. — Ты пей, не стесняйся. Коньяк хороший, армянский. Мы теперь с тобой вроде как родственниками будем.

— В каком смысле? — поперхнулся от неожиданности жгучей жидкостью Славка.

— А через постель Аллы Михайловны! — засмеялся Игорь Петрович.

Кашляя, Славка невнятно промычал что-то протестующее.

— И не вздумай сопротивляться! — вдруг становясь серьёзным, властно прорычал шеф. — Только себя погубишь.

— О чём это Вы?

— Ведьма она! — перегнувшись через стол к ошалевшему от всего происходящего Славке, прошептал Игорь Петрович. — Самая настоящая ведьма. Питается нашими эмоциями и соками. Энергетический вампир! Отказать ей — всё равно, что у голодного кусок хлеба отобрать. Не простит.

— Ведьма?

Выпитый коньяк начал действовать, и Славка расплылся в дурацкой улыбке.

— Не веришь? — Игорь Петрович достал из пачки сигарету и закурил, жестом предлагая Славке сделать то же самое. — Я тоже не поверил, когда мне год назад на своём юбилее сказал об этом сам Иван Иваныч. Он и познакомил нас тогда с Аллой Михайловной.

— Тот самый? — поразился Славка.

— Других не знаю, — развёл руками шеф. — Бывший мэр, бывший Первый секретарь горкома КПСС и тэпэ, и тэдэ. Мы с

ним — дальние родственники. Настолько дальние, что мало кто об этом знает.

«Странные вкусы у этой Аллы Михайловны, — подумал Славка. — Ну, ладно, я — высокий, спортивный, секс-машина. Но этот обрюзгший и наполовину лысый Игорь Петрович? Мы с ним рядом смотримся, как молодой Бельмондо и разжиревший к старости Депардьё. А про престарелого Ивана Ивановича и говорить нечего!»

— Так вы, значит, с Аллой Михайловной уже год... это самое? — изобразил неприличный жест Славка.

— Иван Иванычу тогда семьдесят стукнуло, и справляться с запросами Аллы Михайловны старику стало не под силу — проигнорировал Славкин вопрос Игорь Петрович.

— Да уж, — развеселился Славка. — В его-то возрасте!

— Зря смеёшься, Славик, — погрозил ему дымящейся сигаретой Игорь Петрович. — А сколько ты дашь Алле Михайловне?

— Ну, лет тридцать пять, — неуверенно промычал Славка. — Нет? А сколько же?

— Никто не знает! — торжествующе выпалил Игорь Петрович. — Когда Иван Иваныч основательно набрался на той пирушке, он по секрету сказал мне, что влюбился в Аллу Михайловну, когда ему было всего пятнадцать лет! И она тогда выглядела точно так же, как и сейчас.

— Соврал, небось, по пьяни, — недоверчиво отмахнулся Славка. — Вы её паспорт видели, когда принимали к нам на работу?

— Давай на «ты», — вновь наполняя рюмки, предложил шеф. — Ну, когда мы один на один, конечно, — уточнил он. — А насчёт паспорта, я тебе так скажу: любые документы для Аллы Михайловны — не проблема. Даже если не брать во внимание её связи в наших верхах, то какой начальник паспортного стола устоит перед её чарами? Она ж — ведьма!

— Да с чего ты взял? — возмутился Славка. — Мало ли что там сболтнул пьяный, выживший из ума старикан!

— Эх, Славик, молод ты ещё! — покровительственно похлопал его по плечу Игорь Петрович. — Сколько тебе? Тридцатник уже стукнул?

— Тридцать два! — вспыхнул Славка.

— А мне — сорок пять, — грустно сказал шеф. — И до зна-

комства с Аллой Михайловной я успел стать полной развалиной. Все эти производственные проблемы, наезды налоговой и прочих проверяющих органов... Всем дай, от всех отбейся! Государственный рэкет, что б ты знал, похлеще бандитского. К концу дня я еле таскал ноги. Приползал домой и падал в койку с единственным желанием — выспаться. Жену только по большим праздникам ублажал. Да и ублажал ли? Не уверен...

— А как же Людочка? — подмигнул шефу Славка.

— Людочка? Это так — по-быстрому дурь спустить, — отмахнулся шеф. — Бывает, возбудишься среди дня после встречи с каким-нибудь важным клиентом или озлишься на очередного жадного инспектора, нагрянувшего с проверкой... Тут либо убить кого-нибудь хочется, либо грубо трахнуть. Выбор, как видишь, невелик. И Людочка всегда тут. Поверь, никакого удовольствия при этом ни я, ни она не испытываем. Людочка, хоть и блондинка, далеко не дура. Всё отлично понимает, не жалуется и ни на что не претендует. Кроме денег, конечно!

— А причём тут Алла Михайловна? Теперь ты её вместо Людочки вызывать в кабинет будешь?

— Не пори чушь! С Аллой Михайловной всё иначе. С ней у меня для встреч назначен определённый день. И как бы я в этот день ни вымотался на работе, лишь только с ней в койку лягу, сразу чувствую себя неутомимым жеребцом. Не знаю, что так на меня действует: колдовские чары этой ведьмы или её настойки. И что самое поразительное: приду от неё домой, а у меня ещё сил хватает и собственную жену ублажить!

— Ну вот, — встрепенулся Славка. — А ты говорил, что Алла Михайловна из мужиков соки тянет! За счёт них, типа, эта ведьма и живёт.

— Думаешь, поймал меня? — усмехнулся Игорь Петрович. — Я тоже в своё время этим вопросом задался. Взял бутылку коньяка и поехал к Ивану Иванычу. И тот мне всё популярно объяснил!

Шеф, держа театральную паузу, неторопливо разлил по рюмкам остатки коньяка. И Славка не выдержал, подыграл ему, нетерпеливо спросив:

— И что же ответил старик?

— А то, — понизил голос Игорь Петрович. — Есть разные виды энергии. Во время секса люди не только свои соки смеши-

вают, но и энергетические поля. Чем нас подпитывает Алла Михайловна, я не знаю. Но вот мы её обеспечиваем тем, что позволяет этой ведьме долго жить и оставаться практически молодой. Видимо, способ этот Алла Михайловна узнала, когда ей слегка за тридцать перевалило. С тех пор она и не меняется! Ну что, выпьем за вечную молодость?

— Ну, а мне-то какая радость с ней связываться? — хмуро поинтересовался Славка. — У меня с бабами всё в порядке, не жалуются. А вечную молодость нам с тобой не видать, если судить по Ивану Иванычу.

— Каждому — своё, — зачмокал конфетой Игорь Петрович. — Алле Михайловне — молодость, нам мужскую силу и бодрость. Одно я знаю точно: отказ ведьма не простит.

— А что она сделает? — упрямо взбрыкнул Славка. — Обмениваться соками и смешивать поля я с ней не буду. Настойки её пить тоже. А станет на работе доставать, уволюсь к чёртовой матери! Хорошие программисты везде нужны.

— Дело твоё, — задумчиво пробормотал Игорь Петрович. — Решай сам. Я свой долг исполнил: тебя предупредил, как когда-то то же самое сделал для меня Иван Иваныч. А насчёт нужности хороших программистов — не забывай о связях Аллы Михайловны. Чёрные списки пока никто не отменял. Хочешь в них попасть?

— Что же это она при таких связях в нашу фирму работать пошла, а не устроилась где-нибудь при власти? — сдаваясь, пробурчал Славка.

— Дурак ты, Славик! — с сожалением взглянул на него Игорь Петрович. — Алла Михайловна всегда в какой-нибудь маленькой фирме числится. И всегда при власти! А то, что она к нам пришла... Видимо, ей так удобнее. Или прежнее место пришла пора покидать. При вечной-то молодости долго оставаться на одном месте нельзя. Окружающие не поймут.

Шеф взглянул на часы.

— Ого! Заболтались мы с тобой! Я уже опаздываю на встречу.

Игорь Петрович встал, надел пиджак. Славка предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Людочка, меня сегодня больше не будет. Прибери там всё, — на ходу буркнул шеф и ушёл, не сказав больше Славке ни слова...

— О чём задумался, милый? — Алла Михайловна закончила, наконец, косметические процедуры. — Какая-то проблема?

— Да так, ерунда, — встрепенулся Славка и придвинул поближе сервировочный столик, уставленный графинчиками и закуской. — Что тебе налить?

— Вон той, розовой, — пристально взглянула на него Алла Михайловна. — А себе плесни зелёненькой. Она тебя взбодрит и прогонит посторонние мысли.

Славка разлил по рюмкам настойки.

— За что выпьем?

— А за что ты хочешь? — беспечно рассмеялась Алла Михайловна.

— Ты — хозяйка, тебе и тост говорить, — улыбнулся в ответ Славка.

— Что ж, раз уж ты сам это предложил, — озорно блеснула ставшими вдруг чёрными от неимоверно расширившихся зрачков глазами Алла Михайловна. — За Пирата!

— За твоего кота? — неприятно поразился Славка.

— А что тебя так удивляет? — ехидно улыбнулась Алла Михайловна. — Пират со мной много лет. Искренне меня любит и беззаветно мне предан. Тебя, вот только, за что-то невзлюбил. Может, ты какие-то злые мысли на наш счёт таишь?

— Только не на тебя, — поспешил оправдаться Славка.

— Значит, на Пирата?

— Просто я с детства терпеть не могу всяких кошек, собак, хомячков и прочую домашнюю живность, — признался Славка.

— Ну, это — твоя проблема! — небрежно отмахнулась Алла Михайловна. — Тост произнесён, пора и выпить.

Славка с кислой миной хлебнул из рюмки. Настойки у Аллы Михайловны были сладкие, густые, пахли травами и цветами, алкоголь в них совершенно не чувствовался. Голова оставалась ясной, но вот ноги отказывали сразу. Танцевать после пары рюмок таких настоек Славка бы не решился. Однако через несколько минут слабость сменялась необыкновенной бодростью и эйфорией. После того, как Славка впервые отведал настоек Аллы Михайловны, всяческие вина и коньяки казались ему прокисшей брагой. А водку он теперь вообще на дух не переносил.

— Так за что же ты так не любишь животных? — спросила Алла Михайловна, с видимым удовольствием кладя в рот дольку

мандарина.

— А за что их любить? — огрызнулся Славка. — Вон твой рыжий Пират каждый раз шипит на меня, как змея и выгибает спину колесом. Того и гляди, бросится!

— Ну и что? Он просто чувствует твою враждебность, вот и всё. Кошки вообще очень чувствительные существа. Не зря их обожествляли в Древнем Египте.

— Ну да, — завёлся Славка. — У меня дома тоже есть такой божок — кошка Муська. Мой сын, Колька, души в ней не чает. Даже спит в обнимку. Однажды, под Новый Год, я пришёл домой с корпоратива. Подвыпивший, конечно. Праздник же! Эта чёртова кошка попала мне тогда под ноги в прихожей. В раздражении, я выкинул её за дверь, на лестничную клетку. И забыл об этом. Дел-то до полуночи надо было сделать полно: ёлку нарядить, стол праздничный накрыть и так далее. Сама знаешь.

Славка нервно закурил.

— За полчаса до курантов, сын хватился своей любимицы. Обыскали всю квартиру, Колька поднял рёв. И тут я вспомнил о том, что произошло ранее, и посоветовал проверить лестничную клетку. Что тут началось! Как только меня жена не обзывала.

Дрожащей от возмущения рукой Славка налил себе ещё рюмку настойки и залпом выпил. Алла Михайловна не сводила с него странного взгляда, молчаливо побуждая продолжить рассказ.

— Одним словом, когда все нормальные люди праздновали, мы втроём обыскивали все подъезды и дворы близлежащих домов. Под все кусты заглянули, все подвалы и чердаки облазили. Люди кругом веселятся, поют и пляшут, петарды в небо пускают, а мы, как идиоты, ищем паршивую кошку!

— Нашли?

— Нашли. На следующий день. В нашем же подъезде! На седьмом этаже молодёжь гуляла. Вытащили из квартиры диван, чтобы не мешал. Ну и на этом диване, конечно, курили и всячески оттягивались ночью. А наша поганая кошка забилась под этот диван и сидела там почти сутки, хотя мы все этажи обошли и звали её по имени. Ну, не сволочь?!

Славка от возмущения подавился сигаретным дымом и закашлялся.

— И причём же здесь кошка? — удивилась Алла Михайловна. — Ты сам испортил праздник и себе, и своей семье. А бедная кошечка просто впала в ступор от страха и окружающего шума. Неудивительно, что мой Пират тебя не любит.

— Ладно, — Славка затушил сигарету и встал. — Вы все умные, один я — дурак. Мне уже пора.

Он вышел из спальни и пошёл в ванную комнату, чтобы под душем смыть с себя посторонние выделения и запахи. Славка не хотел давать жене лишних поводов для ревности и скандала. И тут ему на пути попался кот Аллы Михайловны. Всё ещё находясь под впечатлением новогодних воспоминаний, Славка, недолго думая, с наслаждением пнул Пирата, и тот шипящим шариком улетел в прихожую.

Когда чисто вымытый и успокоенный Славка вышел из ванной комнаты, он опять увидел Пирата. Кот терпеливо ожидал его на пороге прихожей. Нагло усмехнувшись Славке в лицо, Пират лениво проследовал в кухню.

«Что это он? — удивился Славка. — Не шипит, не угрожает напасть».

Славка включил в прихожей свет и задохнулся от ярости. Из его новеньких туфель на линолеум сочилась вонючая жёлтая жидкость.

— Ах, ты, гадёныш! — прорычал Славка. Обезумев от ненависти, он бросился на кухню, схватил за шкирку не ожидавшего нападения кота и выкинул того в раскрытое окно...

Пытаясь отмыть в роскошной раковине умывальника воняющие кошачьей мочой туфли, Славка громко матерился. Услышав звонок во входную дверь, он закрылся в ванной, чтобы неожиданный гость не увидел его из прихожей. Сквозь шум воды Славка слышал какие-то невнятные возгласы и жалобный кошачий мяв. «Услужливые соседи притащили рыжей ведьме её поганую тварь», — понял Славка. Вдруг дверь в ванную резко распахнулась. На пороге стояла разгневанная Алла Михайловна со взъерошенным котом на руках. Её вид был страшен. Под наспех накинутым коротким халатиком штормовыми волнами колыхались груди. Длинные пряди рыжих волос извивались, как змеи Медузы Горгоны. Засохшая на лице «маска» блестела в лу-

чах лампочки. Глаза Аллы Михайловны вновь изменили цвет и красными угольками яростно буравили Славку.

— Как ты посмел? — прошипела Алла Михайловна.

— Ты посмотри, что этот гад сделал! — возмущённо закричал Славка, доставая из раковины испоганенные туфли. Он держал их между собою и Аллой Михайловной, то ли предъявляя улику, то ли отгораживаясь ими, как щитом, от грозной парочки.

— Если Пират что-то и сделал, то это ты спровоцировал его, — решительно отмела Славкины оправдания Алла Михайловна. — Любишь выбрасывать всех на улицу? Что ж, испытаешь это на себе. А для начала — убирайся из моего дома, живодёр!

Позднее Славка так и не смог вспомнить, как он оказался на лестничной клетке. Рядом валялись его вещи и раскисшая от воды обувь. Торопливо одеваясь, Славка оглянулся и увидел в дверях знакомой квартиры страшную рыжую ведьму со столь же рыжим, злобно взъерошенным котом на руках. Две пары одинаково горящих ненавистью глаз пригвоздили Славку к месту. Алла Михайловна выдернула у Пирата несколько шерстинок и, пробормотав что-то невнятное, сдула их со своей ладони в сторону Славки.

— Ты ещё поплатишься! — услыхал он злобное шипение. Кто произнёс эти слова: ведьма или её кот, Славка так и не понял...

С той проклятой пятницы налаженная жизнь Славки рухнула под откос. В понедельник, как только он пришёл на работу, к нему подошла Людочка и, молча, положила на стол приказ о его увольнении по собственному желанию.

— Что это? — возмутился Славка. — Я не подавал заявление!

— Тебе виднее, — с любопытством взглянула на него секретарша шефа. — Мне приказали, я напечатала. Давай: или подписывай, что ознакомился, или иди сам разбирайся с Игорем Петровичем.

Схватив лист приказа, Славка ринулся в кабинет шефа.

— Что это значит? — хрипел он, потрясая бумагой.

— А чего ты ждал? — хмуро взглянул на Славку Игорь Петрович. — Я же тебя, дурака, предупреждал: не зли Аллу Михайловну.

— Так это она?.. — всё ещё не веря в происходящее, рухнул в кресло Славка.

— Нет, это генсек ООН настоял на твоём увольнении! — заорал Игорь Петрович. — Ты что, действительно, такой тупой или притворяешься? Скажи спасибо, что я тебя «по собственному желанию» увольняю, а не по статье, как она хотела. Чем это ты так её разозлил? Еле уговорил смягчить формулировку. Впрочем, подозреваю, она согласилась только потому, что тебе эта поблажка вряд ли поможет.

— Это мы ещё посмотрим! — расписался на приказе Славка. — Меня давно в две таких фирмы зовут — не чета вашей.

— Ну — ну, — холодно ответил шеф.

Он сразу как-то посуровел, эмоционально отстранился и официальным тоном сказал:

— Расчёт и трудовую книжку получите в бухгалтерии. Я уже распорядился. А теперь покиньте мой кабинет.

Игорь Петрович оказался прав. Перед Славкой закрылись все двери. Его не брали даже дворником. В отчаянии, Славка устроился в бригаду гастарбайтеров-узбеков. Их бригадир, Фархад, пять лет назад женился на местной женщине, много старше него. Жили они в том же доме, что и Славка, только в соседнем подъезде. Фархад получил российское гражданство, открыл пару овощных палаток. В начале дачного сезона к нему с родины приезжала толпа молодых «родственников», из которых он сколачивал несколько бригад, и те до самой поздней осени ставили дачникам заборы, ремонтировали сараи и крыши, мостили дорожки, рыли колодцы. Словом, не брезговали никакой работой.

Фархад явно обрадовался, когда Славка попросился в одну из его бригад. Тем более что тот готов был работать наравне с узбеками и за такую же, как у них, мизерную зарплату. Бригадир нахватал так много заказов, что ему не хватало рабочих рук, хотя узбеки работали практически от зари до зари. К тому же, большинство из них почти не понимали русский язык, и Фархад целыми днями разрывался между разбросанными по всему району бригадами, объясняя своим работникам пожелания и замечания заказчиков. Одним словом, Фархад был рад русскому рабу, а Славка хоть какой-то работе и пусть маленьким, но

деньгам.

Работа, конечно, была временной, до конца дачного сезона оставалось не больше двух месяцев. Но не прошло и недели, как бригадир неожиданно появился на даче, где Славка с парой узбеков меняли крышу сарая, и, отозвав его в сторону, мрачно сказал:

— Кончай работу, Слава. Не знаю, кому и где ты перешёл дорогу, но подставил ты меня сильно!

— Что случилось, Фархад? — похолодел Славка, уже догадываясь, что проклятая ведьма достала его и здесь.

Бригадир долго мялся, оглядываясь по сторонам. Потом всё же тихо ответил:

— Меня сегодня вызвали в одно важное учреждение. Там мне прямо сказали, что если я немедленно не избавлюсь от тебя, моим людям отменят регистрацию здесь и выгонят из России. И больше никогда не пустят. А меня привлекут за нелегальную предпринимательскую деятельность, неуплату налогов и... Ну, ты понимаешь?

— Понятно... — протянул Славка, снимая рабочие рукавицы.

— Вот держи, — вынул из пухлой сумочки-визитки несколько купюр Фархад. — Это тебе за работу.

— Спасибо, — Славка, не считая, сунул деньги в карман джинсов, махнул на прощанье рукой усердно стучащим молотками под критическим взглядом бригадира узбекам и пошёл прочь...

И в личной жизни у Славки тоже был полный абзац. Ещё тогда, в ту злополучную пятницу, когда он злой, в вонючих мокрых туфлях пришёл домой, прозвенел первый колокольчик тревоги.

С тех пор, как Славка начал проходить науку любви под руководством Аллы Михайловны, он стал потихоньку применять полученные знания и навыки к собственной жене. Вскоре он совершил невероятное открытие. Оказалось, что все восемь лет совместной жизни Анька всегда притворялась, что получает от секса с ним удовольствие, часто просто имитируя оргазм. Нет, жена вовсе не призналась ему в этом, не сказала открытым текстом и даже не намекнула. Просто теперь он сам, как говорится,

опытным путём убедился, что Аньке вовсе не нравится, когда Славка с силой сжимает и мнёт её небольшие, полужидкие после родов грудки или засасывает их в рот чуть ли не целиком. До него ясно дошло, что, сколько бы он ни трудился над женой в рабоче-крестьянской «позе миссионера», та при этом не ощущает ничего, кроме тяжести его тела и скуки. Когда же ей окончательно надоедает вся эта бессмысленная возня, Анька по примеру всяческих кино-див начинает тяжело дышать, стонать, имитировать судороги оргазма, приближая желанный конец неприятной процедуры. А он-то, дурак, гордо считал себя сексмашиной, был на седьмом небе от того, что полностью удовлетворяет жену.

Теперь же Славка точно знал, что стоит ему долго и нежно поцеловать жену в ямку между шеей и ключицей, и кожа Аньки покроется мурашками. А если он ласково проведёт кончиком языка по внутренней поверхности Анькиного бедра, та задрожит от возбуждения, маленькие плоские соски её грудей вдруг вырастут, набухнут и превратятся в высокие розовые столбики, а из нижних губ начнёт сочиться терпкая влага смазки.

Когда Славка впервые подложил под плоский зад жены подушку и забросил её длинные ноги себе на плечи, изменив тем самым угол проникновения, глаза Аньки широко распахнулись, а с губ, наконец, сорвался настоящий стон. Главная эрогенная зона жены вдруг стала доступна, и вскоре Славка узнал, как выглядит и ведёт себя Анька во время настоящего оргазма. С тех пор Славкина жена перестала избегать секса.

Раньше, когда Славка задерживался на работе или проводил приятный часок с очередной официанточкой, его встречали дома либо скандал, либо темнота и спина отвернувшейся к стене якобы спящей жены. Теперь, как бы поздно Славка ни пришёл, Анька его ждала. И он всегда делом доказывал ей, что ожидание было не напрасным.

Вот и в ту злополучную пятницу всё начиналось вроде, как всегда. Анька ждала его, лёжа в постели в красивом новом пеньюаре. Славка бросил испорченные туфли в мусорное ведро, быстро принял душ, вымыл душистым мылом ноги и пошёл в спальню. Вскоре Анька вся горела и трепетала, а вот Славка никак не мог возбудиться. Что бы он ни делал, как бы ни ласкала его жена, перед глазами у Славки стояла оскалившаяся в злоб-

ной гримасе рыжая морда Питата, а в ушах звучало это шипящее «поплатишься».

В конце концов, отчаявшийся Славка, чтобы хоть как-то утихомирить начинавшую злиться жену, вынужден был использовать язык и пальцы. А когда всё, наконец, закончилось, пробурчал, что сильно вымотался на работе. А вот завтра, в выходной, они с Анькой всё наверстают.

Но, ни завтра, ни в последующие дни и ночи ничего не изменилось. Главный Славкин секс-орган не желал работать. Он мог проснуться и даже налиться силой во время прелюдии. Но, как только Славка решался перейти к активной фазе, перед глазами у него возникала оскалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Питата, и его «дружок» тут же сдувался и повисал вялым, бессильным куском плоти.

Сначала Анька Славке сочувствовала. Она даже водила его по врачам, но те ничего патологического не находили.

— Наверно, на тебя так подействовал стресс увольнения, — сказала Анька. — Ничего, вот устроишься на работу, успокоишься, и всё опять наладится.

Ещё зимой они планировали взять в августе отпуск и махнуть вдвоём к морю: съездить по путёвке в Египет, Турцию или Болгарию. Сын Колька в начале июня был отправлен на всё лето в деревню к бабушке. Но неожиданное увольнение Славки свело все их планы на нет.

Шли дни, недели, вот уже и август наступил. Ни работы, ни секса. Понимание и терпение у жены закончились. Отношения между супругами достигли критической «точки невозврата».

— Я уезжаю к маме, в деревню, — объявила в первый день своего отпуска сквозь злые слёзы Анька, собирая чемодан. — Вернусь с Колькой недели через три. А ты постарайся к нашему приезду решить все свои проблемы.

Сашка молча проводил Аньку на вокзал. Когда, перед входом на перрон, он отдал жене чемодан и потянулся поцеловать её на прощанье, та резко отстранилась и сквозь зубы процедила:

— Не забывай поливать цветы и кормить кошку. Если с Муськой что-нибудь случиться... Мне не нужен бездельник-импотент, не способный позаботиться даже о кошке.

2. Личный враг

Оставшись совсем один после отъезда жены, Славка бросил бесполезные попытки найти хоть какую-нибудь работу. Он целыми днями валялся на диване и слушал старые записи советских бардов: Анчарова, Визбора, Высоцкого. Из дома выходил только в магазин, чтобы купить еду себе и кошачий корм Муське. Кошку Славка почти не видел: та тщательно избегала любых встреч с хозяином. Славкины дни слились в однообразный хоровод: спальня, кухня, магазин, диван. Течение времени Славка отмечал по уменьшению оставленных женой денег. Он перестал бриться и следить за собой. Соседи при встрече с ним брезгливо сторонились, некоторые даже перестали здороваться.

Однажды, в зоомагазине вместо долговязой невзрачной девицы за прилавком оказалась маленькая сухонькая старушка. Подавая Славке пакет кошачьего корма, она вдруг тихо сказала:

— Большая беда у тебя, сынок. Кто-то наложил на тебя порчу.

— Знаю, — безразлично ответил Славка и отвернулся, собираясь уйти.

— Подожди, — попросила старушка.

Она быстро вышла из-за прилавка, подвела Славку поближе к окну и стала внимательно рассматривать.

— Нет, — наконец с сожалением покачала она седой головой. — Такое заклятие я не могу снять.

— А вы что, тоже ведьма? — равнодушно спросил Славка.

— Знахарка я, — ничуть не сердясь, ответила старушка. — Травками всякими лечу, заговорами.

— А ведьму какую-нибудь знаете? — загораясь надеждой, спросил Славка. — Ну такую, которая смогла бы мне помочь.

— В вашем городе только одна ведьма живёт, — задумчиво ответила знахарка. — Она, видать, и наложила на тебя заклятие, больше некому. Но заклятие это какое-то странное...

— Странное? — теряя надежду, спросил Славка.

— Тут, видать, не только ведьма постаралась. Ещё чьё-то злое влияние проглядывает. Но вот чьё?

— Что же мне делать?

— Приходи завтра, сынок, — сказала старушка. — Я тебе одну травку дам. Заваришь её вместо чая и выпьешь на ночь.

— И что это даст?

— Может, ничего не даст, — спокойно ответила знахарка. — Но, если повезёт, ты увидишь во сне своего врага...

— Я и так знаю своего врага! — махнул рукой Славка.

— Ты о ведьме? — усмехнулась старушка.

— О ком же ещё?

— Ведьма — только инструмент, — разделяя слова паузами, чтобы до Славки лучше дошло, произнесла знахарка. — Узнай своего истинного врага, тогда и средство борьбы с ним поискать можно будет.

Всю дорогу до дома Славка твердил, как молитву:

— Только инструмент, только инструмент...

Бросив нераспечатанный пакет с кошачьим кормом рядом с пустой кормушкой, Славка бросился в ванную и впервые за дни одиночества взглянул на себя в зеркало. С удивлением он увидел в отражении грязного бомжа, в неровной пегой щетине бороды и нечёсаных лохмах которого серебрились в свете лампы седые прядки волос.

Когда чисто вымытый, гладко выбритый и аккуратно причёсанный Славка вывалился из ванной, благоухая дезодорантом и дорогим шампунем, в нос ему ударил застарелый запах кошачьей мочи. Он заглянул в туалет. Рядом с переполненным кошачьим поддоном растекалась вонючая лужица.

— Вот ведь тварь! — выругался Славка. — И когда только успевает? Я ж вот только недавно за ней убирал. Или это было вчера?

Пришлось в срочном порядке мыть Муськин поддон и пол туалета, потом заново принимать душ и к знакомому зданию некогда родной фирмы Славка подошёл уже к концу рабочего дня.

— Игоря Петровича нет! — вскинула на Славку удивлённые глаза Людочка.

— Я не к нему, — пробурчал тот в ответ и решительно распахнул дверь в кабинет главного бухгалтера. — Разрешите, Алла Михайловна?

Не ожидая ответа, Славка вошёл и плотно закрыл за собой дверь. Им двигала надежда узнать имя своего настоящего врага. Терять было уже больше нечего, а приобрести можно многое.

— А, это ты, — ничуть не удивилась Алла Михайловна, с лю-

бопытством осматривая Славку. — Проходи, садись.

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказал Славка. — Впрочем, как всегда.

— Ну и ну, — рассмеялась Алла Михайловна. — Так хорошо начал! Зачем же сводить комплимент на нет?

— Это не комплимент, а констатация факта, — Славку начала бить мелкая дрожь. Он быстро терял уверенность в себе, а разговор всё более уходил не в то русло.

— Ладно, не будем блуждать в определениях, — взмахнула холёной рукой Алла Михайловна. — Зачем пожаловал?

— Ты победила, — с горечью выдавил из себя Славка, бессильно сгорбившись на неудобном стуле. — Я дошёл до точки: работы нет, денег нет, моя семья на пороге распада.

— И кто в этом виноват? — холодно спросила Алла Михайловна.

— Я! — в отчаянии выкрикнул Славка. — Только я. Признаю. Но причём здесь мои близкие? Они-то за что страдают? Аля, я не прошу у тебя снисхождения для себя, но пожалей моих жену и сына. Они же ни в чём перед тобой не виноваты!

Алла Михайловна с удивлением взглянула на Славку.

— С каких это пор ты стал заботиться о других?

Славка сполз со стула и бухнулся перед рыжей ведьмой на колени.

— Умоляю тебя!

Неожиданно горячие слёзы хлынули у Славки из глаз. Алла Михайловна вскочила, бросилась к нему, легко подняла и усадила на стул.

— Ты что, совсем ополоумел? — сказала она. — Что это за бабские истерики?

— Прости меня, — всхлипывал Славка. — Я больше не могу так жить...

— Дурак! — Алла Михайловна достала из холодильника графинчик с розовой жидкостью, плеснула немного в стакан и сунула Славке в руку. — На, выпей и успокойся.

— Аля, Алая моя! — застучал зубами о край стакана Славка. — Прости...

— Тьфу! — брезгливо отодвинулась от него Алла Михайловна. — Терпеть не могу таких мужиков.

Она вернулась за свой стол и холодно сказала:

— Ладно, успокойся, наконец. Твои близкие, действительно, не должны страдать. Возвращайся завтра на своё прежнее место. Я распоряжусь. Сможешь здесь работать или предпочитаешь поискать себе место в другой фирме?

— Смогу! — благодарно кинулся к ней Славка.

— Не надо! — жестом руки остановила его порыв Алла Михайловна. — Оклад будет тот же. А вот про пятницы забудь, — внушительно добавила она. — Слово кому скажешь и... Второй раз прощения не жди.

— Я всё понял, Алла Михайловна, не сомневайтесь, — униженно закивал Славка. — Спасибо вам!

Домой Славка летел, как на крыльях. Жизнь опять налаживалась. По пути он зашёл в парикмахерскую и почти час развлекал девушек анекдотами, пока те приводили в порядок его голову и ногти. Дома Славка полил, наконец, на подоконниках почти засохшие цветы, щедро насыпал Муське корма и сменил воду в её блюдце. Потом плюхнулся на диван и включил телевизор.

На экране шла какая-то эротическая сцена, и Славка неожиданно почувствовал возбуждение.

— Неужели, и эта напасть прошла? — с радостной надеждой подумал он. — Чёрт! Я ж на радостях забыл узнать у рыжей ведьмы, кто мой враг. Плевать! Кажется, теперь это не важно.

Любовная сцена сменилась перестрелкой, и Славка, зарычав от нетерпения, стал рыться в тумбочке под телевизором, отыскивая диск с порнухой. Найдя искомое, он застыл в раздумьях.

— Может, лучше к Катьке толкнуться?

Нет, он уже один раз нарушил принцип, заведя роман на работе. И чем это кончилось? И кончилось ли? Славка решительно сунул диск в плейер и плюхнулся на диван.

— Что ж, за неимением реальной бабы, придётся довольствоваться «Дунькой Кулаковой», — засмеялся он. — Как говорится: здоровый онанизм укрепляет организм!

Через час бесплодных усилий, злой и разочарованный Славка выключил видик. Проклятая ведьма вернула ему работу, но не сняла заклятие!

Утром следующего дня сослуживцы встретили Славку двусмысленными улыбками, шуточками и настойчивыми расспросами о произошедшем с ним. Славка на вопросы отмалчивался, а на подколки отшучивался. Игорь Петрович при случайных встречах его не замечал, смотрел куда-то «сквозь» Славку, на приветствие не ответил. Одна только Людочка ни о чём Славку не спрашивала, не подшучивала над ним и держалась, как и прежде.

Пару дней Славка полностью отдавался работе, разгребая накопившиеся за время его отсутствия завалы. Наконец, всё срочное было сделано, и мысли Славки вновь стала занимать его проблема. Он набрался смелости и, дождавшись конца рабочего дня, пошёл в кабинет Аллы Михайловны. Увидев его, та сначала удивлённо вскинула брови, потом нахмурилась.

— Я, кажется, тебе уже всё сказала насчёт пятниц, — сказала она.

— Сегодня пятница? — удивился Славка. — Нет, я к вам по другому вопросу.

— По какому же?

Славка замялся, не зная, как приступить к делу. Алла Михайловна выразительно посмотрела на часы.

— Как ваш Пират? — наконец, выдавил из себя Славка.

— Пират? — с интересом взглянула на него Алла Михайловна. — Прекрасно! Ему, а значит и тебе, повезло: второй этаж, мягкая земля цветочной клумбы. Так что Пират пострадал больше морально, чем физически. Будь всё иначе, ты бы так легко моё прощение не получил.

— Алла Михайловна, — решился, наконец, перейти к главному Славка. — Раз уж ваш кот жив и здоров, может, вы окончательно меня простите?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это...

Славка оглянулся на дверь, убедился, что та плотно закрыта и прошептал:

— Снимите заклятие.

— Ах, это! — засмеялась Алла Михайловна. — Нет, дружок, тут я тебе помочь не могу.

— Почему? — похолодел Славка.

— Ты сказку про Аленький цветочек знаешь? — насмешли-

во спросила Алла Михайловна.

— Причём здесь эта сказка?

— А там описано именно это заклятие, — откинувшись в кресле, начала объяснять Алла Михайловна. — Прекрасного принца превратили в отвратительное чудовище, и снять заклятие могла только девушка, которая бы искренне полюбила принца в этом страшном обличье. Так что, Славик, всё в твоих руках. Вернее, в сердцах твоих многочисленных баб. Обратись за помощью к своим официанточкам, к жене, наконец. Неужто, никто из них тебя не полюбит и таким?

— Стерва! Ведьма!

В ослеплении ярости Славка чуть не шагнул с тротуара под проезжающую мимо машину, но его вовремя удержал какой-то старичок.

— Куда ж ты на красный свет прёшься? — сердито выговорил он Славке. — На тот свет торопишься?

— Бабка! — вспомнил Славка, глядя в морщинистое лицо спасителя. — Знахарка!

Запыхавшись, он влетел в знакомый зоомагазин за пять минут до его закрытия. За прилавком уныло прихорашивалась долговязая девица.

— А где старушка, что здесь работала недавно? — тяжело дыша, спросил её Славка.

— Баба Вера? — удивлённо взглянула на него девица. — Назад, в деревню уехала.

— Как уехала? — пал духом Славка.

— Она меня всего пару дней подменяла, — равнодушно пожала узкими плечами девица. — А вам она зачем?

Славка безнадёжно махнул рукой.

— А как называется её деревня?

— Мне-то откуда знать? — щёлкнула косметичкой девица. — У хозяина спрашивайте. Покупать что-нибудь будете, а то мне пора закрывать?

Славка побрёл к выходу.

— Эй, мужчина, — окликнула его девица. — Баба Вера тут для кого-то кое-что оставила. Не для вас, случайно? Хотя, тот, она говорила, на бомжа должен быть похож...

— Для меня! — ожил Славка. — Не сомневайтесь, это я был

тем бомжом ещё недавно.

Девица вынула из-под прилавка небольшой газетный свёрточек и отдала его Славке.

— Спасибо! — горячо поблагодарил тот. — Сколько с меня?

— Нисколько, — нетерпеливо подтолкнула его к выходу девица. — Баба Вера за помощь денег не берёт.

Дома, сидя на любимом диване, Славка бережно развернул свёрток. В нём оказалась маленькая баночка из-под детского питания. В нетерпении, Славка открыл крышечку и заглянул внутрь. Он увидел смесь каких-то мелко порубленных растений. Пахло из баночки так, что Муська, забыв страх, вылезла из-под кресла и даже попыталась залезть к Славке на колени. Отмахнувшись от обнаглевшей кошки, Славка поспешил на кухню и поставил на огонь чайник. Никакой записки в свёртке не было, и Славка, вспомнив, что говорила ему знахарка, достал из серванта заварной чайничек праздничного сервиза и высыпал в него всё содержимое баночки...

Барсик уморительно шипел, пушистым чёрным шариком катался по ковру, гоняясь за «мышкой». Мальчик громко смеялся, дёргая нитку, к концу которой был привязан яркий фантик от конфеты. Котёнок жмурил янтарные глазки, вставал на задние лапки, пытаясь передними схватить пляшущий над головой фантик. Его короткий, пушистый как у белки хвостик нервно дрожал.

— Светик, пойди вынеси мусор! — послышался из кухни голос мамы.

Мальчик сделал вид, что не слышит. Пусть папа выносит это противное ведро и вываливает его содержимое в вонючий мусоропровод. Всё равно он ничего не делает, только сидит рядом с мамой и курит в раскрытую форточку.

— Светик, Я кому сказала? — голос мамы из ласкового стал строгим. — Немедленно вынеси мусор! Я сейчас буду картошку чистить, а ведро полное.

Мальчик нехотя встал с ковра и поплёлся на кухню. Барсик пантерой набросился на неподвижную «мышку», впился в неё зубами и когтями всех четырёх лап и начал упоённо рвать на куски, отплёвываясь и фыркая.

— Перестань называть его Светиком, — недовольно пробурчал папа. — Сколько раз тебе говорить: он — мальчик, а не девочка!

— А как мне его называть? — привычно огрызнулась мама. — Святослав Сергеевич, что ли?

— Святослав — это «святая слава», — выбрасывая окурок в форточку, тоже повысил голос папа. — Святая, а не светлая!

— Ну, что встал? — повернулась к сыну мама. — Забыл, где у нас мусорное ведро?

Мальчик вытащил из-под раковины тяжёлое ведро и поплёлся к выходу.

— Святая, светлая — какая разница? — услышал он раздражённый мамин голос. — У всех святых на иконах над головой нимб светится...

«Как же надоели эти постоянные споры! — грустно подумал мальчик. — Ну почему меня не назвали Петькой или Сашкой?»

— Святослав — знаменитый русский герой! — гремел сзади папин голос. — Он до Царьграда дошёл...

Мальчик перешагнул порог квартиры и с силой захлопнул за собой дверь. Болезненный писк заставил его выронить ведро. Дверь не закрылась! Глупый верный Барсик, всегда ходивший за хозяином по пятам, бился в судорогах между косяком и дверью.

На крик сына из кухни прибежала мама. Она подхватила трепещущий пушистый комок в руки, что-то успокоительно лепетала, дула Барсику в мордочку. Всё было напрасно. Через минуту котёнок умер. Удар двери сломал ему шею. Мама заплакала, сжав в объятиях бьющегося в истерических рыданиях Светика. Папа, молча, достал с антресоли в прихожей старую коробку из-под обуви и бережно уложил в неё безжизненное тельце котёнка.

— Мы похороним Барсика во дворе, под нашими окнами, — сказал он. — Ты сможешь его навещать...

— Нет! — закричал Светик. — Никогда! Ни за что! Как он мог? Зачем?...

Когда Славка вынырнул из ужасного сна-воспоминания, на груди у него лежала Муська и слизывала слёзы, обильно струящиеся из его глаз. Увидав, что Славка открыл глаза, кошка

продолжила спокойно «умывать» хозяина и даже как-то успокоительно заурчала. К собственному удивлению, Славка и сам почему-то не испытывал ни малейшего желания шугануть кошку. Наоборот, было несказанно приятно ощущать на себе тёплый вибрирующий комок. Он осторожно поднял руку и впервые погладил Муську. Та довольно выгнулась и громко замурлыкала.

Давно забытая, насильно заглушённая волна любви к ласковому домашнему существу накрыла Славку. В его руках сейчас млели от удовольствия и бедный глупый Барсик, и выкинутая на мороз и ужас маленькая Муська, и даже злобный Пират.

«Каким же бесчувственным чудовищем я был всё это время! — поразился Славка. — Это же я убил тогда Барсика. Пусть нечаянно, случайно, но убил. И переложил собственную вину на несчастного котёнка. Обвинил в предательстве и осудил как самого Барсика, так и всех, кто мог бы его заменить, а потом так же «предать», оставив меня в одиночестве, наедине с горечью утраты. Муська и Пират хотели и ждали от меня внимания и любви. А что получили? Знахарка права: ведьма — только инструмент, а враг мой всегда был со мною рядом — это я сам!»

Славка зарыдал громко, в голос, как в детстве. Муська встревожилась и напряглась.

— Не бойся, маленькая, — сквозь слёзы и сопли выдавил Славка, ласково удерживая кошку у себя на прыгающей от плача груди. — Это скоро закончится. Просто из меня выходит то зло, что копилось все эти годы.

Они мирно лежали, глаза в глаза, нос к носу. Славка постепенно успокаивался. Наконец, слёзы закончились, и он впервые ясно рассмотрел свою новую четырёхлапую подружку. Странно, и почему это Муська раньше казалась ему какой-то серой, бесцветной? Славка с удивлением увидел, что короткая кошачья шёрстка переливается тремя, а то и четырьмя цветами. Тут были и чёрные пятна на спинке, и чистый белый животик, и рыжие разводы по всему телу и голове, и серые «носочки».

— Какая же ты у меня, оказывается, красавица! — восхитился Славка.

Муська довольно щурила янтарные глазки и чувствительно покалывала голую Славкину грудь, ритмично выпуская и пряча острые белые коготки.

— Бедная, как же ты отощала со мной, — виновато сказал

Славка, ощущая под мягкой шкуркой кошки выступающие рёбра. — Ничего, теперь у нас всё будет иначе. Вот увидишь!

Муська что-то мяукнула в ответ и встала, довольно потягиваясь и зевая. Потом слезла со Славкиной груди, села с ним рядом и начала старательно «умываться», не прекращая довольно мурлыкать.

— Намёк понял, — засмеялся Славка. — Хватит страдать и рыдать! Не баба, ведь, и не ребёнок давно. Пора начинать жить по-взрослому.

Он бодро вскочил с постели и пошёл в ванную.

Довольный и расслабленный, Славка пил на кухне кофе. Муська рядом со своей кормушкой, жмурясь от наслаждения, грызла придерживая лапой размороженную тушку минтая. Вдруг раздался дверной звонок.

— Кто бы это мог быть? — спросил Муську Славка. Та в ответ даже ухом не повела.

— Привет, сосед! — ароматным пёстрым вихрем ворвалась к ним в квартиру Катька. — У тебя соль есть?

— Соль? Какая соль? — опешил Славка.

— Ну, соль! — нетерпеливо потрясла перед его носом пустой солонкой соседка. — Белая такая, на сахар похожа, только не сладкая.

— Есть, наверно, а что? — не желал выходить из нирваны покоя Славка. Им так хорошо было с Муськой вдвоём, пока не ворвалась эта чокнутая.

— Ты что, совсем отупел? — разозлилась Катька. — Неужто, импотенция и мозги отшибает?

— Ты о чём это? — возвращаясь в грубую реальность, спросил Славка.

— Всё о том же! — насмешливо сверкнула синими глазами Катька. — Анька мне всю грудь прорыдала перед отъездом, жалуясь на свою беду.

— Её беду? — поразился Славка.

— А то чью же? — заржала Катька. — Все наши бабы её жалеют.

— Какие бабы? — приходя в ярость, прохрипел Славка. — Ты что, всему дому уже растрепала?

— А я обет молчания никому не давала, — подбоченилась

Катька.

Её короткий халатик распахнулся. Тяжёлые, молочно-белые груди и полоска гладко выбритого лобка чётко выделялись на загорелом Катькином теле.

— Ну, что уставился? Давно голой бабы не видел? — вошла в раж соседка. — Может, потрогать хочешь? Тебе, импотенту, ничего другого и не остаётся: только смотреть и трогать.

— Ах, ты!..

Не помня себя от ярости и унижения, Славка схватил наглую бабу, развернул и бросил грудью на стол, чудом не попав её лицом в чашку с горячим кофе. Он задрал Катькин халатик ей на спину и...

Очнулся Славка, когда всё уже было кончено. Он отпустил сладко стонущую Катьку и, тяжело дыша, прислонился к прохладной стене кухни. Катька сползла на табуретку и изумлённо взглянула на Славку.

— Вот так импотент! — наконец, усмехнулась она. — Ну, Анька! Ну, артистка! Как разыграла-то меня, а? Это она что, специально что ль придумала, что б я, типа, тебя не соблазняла, пока её нет?

— Извини, — счастливо улыбаясь, сказал Славка. — Я не хотел...

— Не хотел он! — перебила его Катька. — Все б мужики меня так «не хотели». Раз уж ты так по бабе истосковался, взял бы бутылку, букет цветов да...

Славка достал с кухонной полки пакет и подал Катьке.

— Вот, ты спрашивала соль, — поспешил он закончить разговор.

— Батюшки! — подхватилась Катька, поспешно наполняя свою солонку. — У меня ж там суп на плите кипит, и дверь нараспашку...

Проводив соседку, Славка вернулся на кухню. Муська сидела рядом с полу съеденной рыбой и, улыбаясь, смотрела на него.

— Вот так вот! — подмигнул ей Славка. — Жаль только, что опять принцип пришлось нарушить. А я и не знал, что кошки умеют улыбаться. Хочешь молочка?

В дверь снова позвонили. Муська бросилась в прихожую. Удивлённый Славка пошёл за ней.

— Славик, живой! — кинулась ему на шею с порога Анька. —

А я там, в деревне, чего только ни передумала. Сегодня всю ночь не спала, боялась, как бы ты здесь над собой чего не сделал. Ты прости меня, эгоистку глупую. Чёрт с ней, с работой! Проживём как-нибудь, с голоду не умрём.

Славка обнимал жену, целовал мокрое от слёз лицо и млел от радости и счастья.

— Собирайся, Славик, — лепетала Анька. — Поедем со мной в деревню. Ну что тебе тут одному маяться?

— А как же Муська? — улыбаясь, спросил Славка. — А твои цветы?

— Попрошу Катьку присмотреть, — ответила Анька, улыбаясь в ответ сквозь слёзы. — Собирайся. Там в соседней деревне знахарка одна живёт, баба Вера. Правда, к ней запись — на полгода вперёд...

— Я не могу сейчас ехать, — усаживая Аньку на диван, сказал Славка.

— Как, не можешь? — встревожилась та. — Почему?

— Потому что мой «отпуск» уже закончился, — развёл руками Славка. — В понедельник мне с утра надо быть на работе.

— На работе? — всё ещё не веря, спросила Анька. — На какой?

— Меня взяли назад, в ту же фирму, на то же место. А бабу Веру мы как-нибудь потом навестим, — улыбнулся жене Славка. — Обязательно навестим. Меня она примет без очереди, — заверил жену Славка. — Ты скоро узнаешь, почему.

Под изумлённым взглядом Аньки он взял на руки трущуюся об их ноги радостную Муську.

— Ну, что, девочки, идёмте на кухню? Позавтракаем, наконец, все вместе...

Мои невесты

— Привет, невеста! — улыбаюсь я. И получаю в ответ осуждающе недоумённый взгляд. — Взвесьте мне десяток бананов. — Убираю с лица улыбку и перехожу на «Вы».

Она меня не узнала. Конечно, прошло тридцать лет, но я-то её узнал! Разглядел в этой раздобревшей мрачной и усталой бабе ту шестилетнюю девочку, которую целую жизнь назад звали моей невестой. Она не была первой. До неё у меня уже были две-три невесты.

Я рос без отца. Мама работала в две смены на двух станках, училась на заочном в педагогическом, и поэтому до школы я часто неделями, а то и месяцами, жил у бабушки, особенно, летом. Во дворе бабушкиного дома я и нашёл свою первую невесту. Сейчас уже я даже не могу припомнить её имя. Нам было где-то по три-четыре годика. У неё были смуглое от природы лицо, коленки в болячках от ушибов и какой-то дефект речи. Этот дефект, а также пара белых пигментных пятен на одной из щёчек что-то затронули в моей душе.

Короче, однажды, когда мама пришла меня навестить, я торжественно представил ей свою невесту и заявил, что мы с ней поженимся, как только подрастём. Мама с бабушкой, конечно, всецело поддержали нас в столь важном намерении и тут же устроили торжественный обед. На обычный обед меня зазвать было весьма затруднительно. Между прочим, у нас с моей первой невестой даже был свой собственный дом — под старой рассохшейся лодкой, лежащей в палисаднике под чьим-то окном.

Однако вскоре родители моей суженой куда-то переехали, и наш роман был прерван, а разлука омыта обильными слезами. Я грустил, не хотел жить у бабушки, и мама отдала меня в детсад. По крайней мере, мне приятнее думать, что причина была в этом. Это романтичнее, чем какие-либо бытовые или семейные неурядицы.

В детском саду у меня скоро появилась новая, вторая, невеста. Её звали Оля, и она была совершенно не похожа на первую. Чистенькая, коротко стриженая (чтобы не заводились вши), с нормальной дикцией.

Я до сих пор удивляюсь: кому пришла в голову идея одевать мальчиков и девочек в детских садах в одинаковую одежду?

Конечно, в тогдашних магазинах не было особого выбора, но... Вот я гляжу на старое чёрно-белое фото, где наш отряд, взявшись за руки попарно, куда-то идёт, ведомый лохматой воспитательницей, и не могу определить, кто мальчик, а кто девочка. У всех одинаковые трусики, майки, фартучки, панамки и «мальчишеская» стрижка — унисекс тех давних лет.

Мы быстро подружились с Олей. После первого «брачного» опыта меня совершенно не трогали насмешки мальчишек и дразнилки типа «жених и невеста», и потому они быстро прекратились. Мы с Олей постоянно были вместе и даже спали, можно сказать, в одной постели, так как наши кровати стояли посреди спальни и были сдвинуты вместе. От меня Оля узнала, чем мальчики отличаются от девочек, а я от неё, что такое глисты. Однажды она просто затащила меня в девчачий туалет, чтобы показать их, так сказать, в натуре, потому что это проще, чем пытаться объяснить словами. Как ни странно, необычность места, предмет разглядывания и отвратительный запах меня совершенно не смущали, а вот вид глистов и сам факт возможности их жизни внутри человека, видимо, поразили изрядно, раз я помню этот ликбез до сих пор!

После садика у меня появились сразу две невесты. Так как мама целыми днями работала, я свободно выбирал место игр: наш двор или двор бабушки. Между этими дворами было всего семь трамвайных остановок. Заблудиться я не мог — достаточно было просто идти вдоль трамвайных путей, никуда не сворачивая. Столь огромное расстояние между дворами моего детства гарантировало то, что мои невесты не знали друг о друге. Кто из них был третьей, а кто четвёртой, сейчас судить трудно. Помню только, что их обеих звали «Наташа», что для меня было весьма удобно.

Раз моя первая невеста была с бабушкиного двора, то вполне допустимо считать третьей невестой ту Наташу, которая была какой-то родственницей тёти Шуры, бабушкиной соседки по квартире. Эта Наташа часто приходила со своей мамой в гости к тёте Шуре, а я навещал бабушку. Так мы и познакомились. С этой невестой мы пошли дальше предыдущих — стали учиться целоваться «по-взрослому». Начали мы сеанс, конечно, на природе, в густой, высокой и душистой траве палисадника, а потом обнаглели и расположились прямо на дедушкином диване. Там

нас и застукал Виталька, сын тёти Шуры, которого выставили из соседской комнаты «гулять», дабы не мешал взрослым разговорам и сплетням. К этому времени мы с Наташкой уже практически пресытились поцелуями, да и распухшие губы начали ощутимо побаливать. Поэтому громкие Витальки насмешки я с облегчением воспринял как сигнал к окончанию урока. В дальнейшем, при встрече, мы старались оторваться от ревниво надзиравшего за нами Витальки и, уединившись где-нибудь, повторить урок.

Другая Наташа жила в нашем подъезде на первом этаже и была младшей сестрой моего друга Кольки. Как-то так получилось, что в нашем доме я был единственным ребёнком-«безотцовщиной». Мои родители развелись, когда я был совсем маленьким. Отношение к матерям-одиночкам в то время было очень недоброжелательным. Так как моя мама вынуждена была работать с утра до позднего вечера, я целыми днями торчал во дворе, и, соответственно, шипение и яд дворовых кумушек целиком доставались мне. Наверно, ещё и поэтому я так часто убегал к бабушке. Там я был просто внук, а здесь «сын этой», с которым «нормальным детям» дружить запрещали родители.

По выходным в нашем дворе появлялся ещё один «изгой». Тот самый Колька. У него были мать и отец, старший брат Вовчик и младшая сестра Наташка. Почему родители отдали своего среднего ребёнка в интернат на пятидневку, я не знаю. Жили они в отдельной трёхкомнатной квартире, зарабатывали достаточно. Отец, плюгавенький пьянчужка, которого все звали просто Шмулька, потому что никто не знал и не хотел знать его настоящего имени, работал шофёром и дважды падал вместе с машиной в реку с Щуровского моста. Мать, тётя Маня, работала посудомойкой в рабочей столовой, поэтому с продуктами у них никогда не было проблем. Они даже завели в сарайчике свиней, а когда одна опоросилась, принесли четырёх поросят домой, и те бегали по всей квартире, пока не подросли. Тётя Маня вёдрами носила с работы пищевые отходы, и из их квартиры несло, как из свинарника.

Видимо, Колька чувствовал некоторую свою отторгнутость от семьи. Мы сдружились и постоянно старались защищать друг друга в дворовых стычках. Колькин старший брат, Вовчик, почему-то старался задирать нас обоих. В будни защитить меня

было некому, зато по выходным мы с Колькой, объединившись, несколько раз от души «объяснили» ему, что младших обижать нехорошо. Вскоре Вовчик перестал сам колотить нас, но постоянно старался натравить кого-нибудь из дворовых хулиганов.

Тётя Маня была очень рада, что мы с Колькой подружились. Она никогда не отзывалась о моей маме плохо и всегда ругала Вовчика, когда тот обижал меня или Кольку. Часто, заигравшись со мной во дворе, Колька отмахивался от зовущей обедать матери. Тогда тётя Маня выходила во двор, хватала нас обоих за уши и тащила за стол. Вскоре я бежал на её зов, как к себе домой. Мы вместе обедали, играли с поросятами, чистили их и за ними. А когда Шмулька начинал «воспитывать» сыновей, ремня доставалось и мне.

Шмулька вообще часто буянил в пьяном виде. Тётя Маня была выше его почти на голову и массивнее, наверно, вдвое. Но почему-то никогда не сопротивлялась, когда муж распускал руки. Однажды мама зашла за мной в один из таких моментов. Она была с подругой. Тётя Лида ворвалась в комнату, зажала Шмульку головой между ног, спустила с него штаны и начала охаживать тем самым ремнём, которым тот только что бил жену.

— Лидка! Что ж ты делаешь? — выл буян. — Ты ж всё моё хозяйство наружу вывалила!

— Какое там хозяйство? — басила тётя Лида. — Я вообще не вижу, чем ты сумел трёх детей настрогать!

— Лидка! Хватит!

— Терпи. Я тебе покажу, как жену бить!

— Она сама виновата! Я её прикрыл, а она бражку прячет.

— Как это прикрыл? Она что: от другого детей нагуляла?

— Нет. Дети мои. Но жили-то мы до свадьбы, а я на ней всё же женился, не бросил!

— Ах ты, гад! Так вот тебе ещё и за это!

Так мы и жили. Когда тётя Маня стирала, то, не слушая возражений, сдирала с меня одежду, давая взамен что-нибудь чистое из вещей своих детей. Когда у них был «банный день», тётя Маня запихивала в ванну сначала братьев, а потом нас с Наташкой. Наташка была года на три младше меня, и поэтому её мать не видела причины для меня стесняться. Она тёрла нас по очереди мочалкой, а потом вытирала одним огромным полотенцем. Именно после первого подобного купания нас с Наташкой и ста-

ли звать женихом и невестой.

И вот теперь, через тридцать лет, я улыбнулся ей и сказал: «Привет, невеста!», а она меня не узнала...

Гибель Анархии

— Сожалею, капитан, но ничем не могу вам помочь, — жирное лицо Кубышки, главного интенданта Анархии, сморщилось в сочувственной гримасе.

— Я заплачу столько, сколько вы скажете, — отбросил дипломатию Крафт.

— Конечно, заплатите, капитан, — снисходительно усмехнулся Кубышка. — Через пять стандартных дней состоится аукцион...

— Я не хочу, чтобы мою жену выставляли на торги! — резко прервал главного интенданта Крафт. — Она и так много пережила. Назовите сумму.

— Вы знаете, капитан, почему наша станция называется «Анархия»? — вкрадчиво спросил Кубышка.

— Мне это безразлично, — нервно взмахнул рукой Крафт. — Не уходите от ответа: ваша цена?

— Я и пытаюсь вам ответить, капитан, — укоризненно развёл пухлые руки Кубышка. — Наша космическая станция, как вам известно, находится в нейтральной зоне между Солнечной Федерацией и Веганской Империей. На Анархии нет правительства, но есть законы, за нарушение которых полагается только одно наказание — смерть на арене в гладиаторских боях. Мне нравится моя работа, капитан. Смертельные схватки я предпочитаю наблюдать из личной ложи, участвовать в них у меня нет ни малейшего желания.

— Сколько? — угрюмо спросил Крафт.

— Вы не слышите меня, капитан, — скорчил печальную мину Кубышка. — По закону любой товар, попавший на Анархию, должен быть продан на аукционе. Речь, разумеется, не о товарах первой необходимости — те напрямую поступают в магазины, рестораны и прочие заведения. А вот контрабанда и добыча пиратов выставляются на торги. У нас нет правительства, а, значит, нет налогов. Но есть расходы: хранение товара, его реклама, охрана и множество иных. Все мы, граждане Анархии, заинтересованы в том, чтобы продать поступивший товар как можно дороже, так как каждый из нас получает свой процент.

— Сколько вы, лично вы, планируете получить с... продажи моей жены? — с трудом сдерживая ярость, прорычал Крафт. —

Я удвою вашу долю. Половину сейчас, остальное — когда вы доставите Марию на мой корабль.

— У нас нет коррупции, капитан, — вздохнул главный интендант. — Я мог бы взять ваши деньги и ничего не делать взамен. Вам всё равно некому жаловаться. Конечно, мне пришлось бы разделить взятку с остальными гражданами Анархии. Таков закон: любые денежные поступления идут в общий котёл. Нарушителя, как я уже сказал, ждёт арена.

— Вы такой честный, или вам нужно что-то ещё, кроме денег? — язвительно процедил Крафт. — Почему вы тратите на меня своё время, если не можете помочь?

— Меня вполне устраивает моё нынешнее положение, капитан, — холодно ответил главный интендант. — Я навёл о вас справки. Вы впервые у нас и, к тому же, состоите на службе в вооружённых силах Солнечной Федерации. А на вашу жену уже подало заявку одно очень влиятельное лицо из Веганской Империи. Мне бы не хотелось, чтобы вы каким-нибудь необдуманным поступком нарушили сложившееся равновесие и втянули Анархию в разборки между федеральными и имперскими силами. Нейтралитет — основа нашего существования. Поэтому я и пытаюсь вежливо объяснить вам местные законы и порядки. Будь вы обычным покупателем или пиратом, доставляющим товар на Анархию, этой беседы вообще бы не было.

— Прошу прощения, главный интендант, если мои слова обидели вас, — заставил себя извиниться Крафт. — Я просто ищу способ поскорее вернуть жену.

— Я понимаю, капитан, — удовлетворённо расслабился в своём вместительном кресле Кубышка. — Но, как уже сказал, ничем не могу вам помочь. Дождитесь аукциона и предложите самую большую цену. Это единственный способ.

— А, может, если вы назовёте мне имя продавца, я смогу договориться о выкупе напрямую с ним? — не сдавался Крафт.

— Увы, — с притворным сочувствием покачал головой Кубышка. — Закон это запрещает. Как только товар поступает в моё ведение, Анархия автоматически становится его совладельцем. На равных паях с поставщиком. Аукцион и гласность упрощают расчёты и исключают махинации, одновременно гарантируя максимальную прибыль. Обман и мошенничество практически исключены. Надеюсь, теперь я ответил на все ваши

вопросы, капитан? У меня, как вы понимаете, много дел. В таком случае, до встречи на аукционе!

Линда закрыла глаза, чуть повернула голову направо и плотнее притянула Рыжего Пайка к себе, чтобы избежать его слюнявых поцелуев. Хриплое зловонное дыхание потного верзилы обжигало ей шею и левое плечо. Линда с мстительным удовольствием вонзила ногти в заросшую жёсткой рыжей щетиной спину пирата, имитируя нарастающую страсть. Рыжий Пайк зарычал и ускорил темп. Его едкий горячий пот стал заливать грудь и живот Линды. Простыня под ней вскоре стала влажной.

«Почему я продолжаю жить? — с тоской подумала Линда, автоматически издавая страстные стоны в такт движениям клиента. — На что надеюсь?»

Вдруг Рыжий Пайк замер и, обмякнув, тяжёлой грудой навалился на неё. Линда в последний раз вскрикнула, имитируя оргазм, и тоже расслабилась.

«А этот боров сегодня быстро управился», — удивилась она. Вонючая туша продолжала давить, выжимая остатки воздуха из груди. Пират и не думал вставать. «Что-то не так!» — вдруг дошло до Линды и, отбросив притворство, та начала отчаянно выбираться из-под внезапно потерявшего сознание клиента. Но её руки беспомощно скользили по щедро смазанному потом телу Рыжего Пайка, и рабыня с ужасом поняла, что ещё немного, и она сама начнёт задыхаться. Неожиданно тяжесть исчезла, и Линда жадно втянула в себя воздух. Смерть опять прошла мимо.

— Извините, что помешал, но нам надо срочно обсудить кое-что, — услышала Линда незнакомый мужской голос.

Она села и повернула голову на звук. Рядом на смятых простынях навзничь лежал Рыжий Пайк. Глаза его были широко открыты и бессмысленно пялились в низкий потолок комнаты. Незнакомая коротко стриженная белобрысая девица в военной униформе без знаков различия что-то вводила одноразовым шприцом в набухшую вену руки пирата. Рядом с девицей стоял невзрачный седой мужичок в такой же униформе без погон и с участием смотрел на шумно дышащую Линду.

— У нас мало времени, — сказал седой. — Ваш клиент будет без сознания минут десять, потом он просто уснёт, а когда проснётся, ничего не будет помнить.

— Кто вы, и что вам надо? — прохрипела Линда.

— Я тот, кто может освободить вас из этого пиратского вертепа и доставить домой. Это единственное, что вам надо знать. Ваша история мне известна, потому я и обратился к вам. Год назад вы были стюардессой на туристическом лайнере. Пираты взяли ваш корабль на абордаж, так вы попали на Анархию, пытались покончить с собой, вас вылечили и оставили работать в местной тюрьме. Правильно?

— Да, — кивнула Линда. — Что вам надо от меня?

— Сейчас я хочу получить чёткий ответ на простой вопрос: вы хотите вернуться домой или предпочитаете остаться здесь?

— Но... — Линда в нерешительности замолчала.

— Не бойтесь, — понял её колебания седой. — Нас никто не видит и не слышит: аппаратура слежения в этой комнате сейчас не работает. Моя помощница отключила её прежде, чем мы вошли сюда. Поэтому я и сказал, что у нас мало времени — охрана борделя скоро будет здесь. Итак, ваш ответ?

«Что я теряю? — подумала Линда. — Даже если это провокация, хуже, чем сейчас, уже не будет».

— Да, — решительно сказала она. — Я хочу домой!

— Прекрасно, — с явным облегчением выдохнул седой. — В ближайшее время я или моя помощница свяжемся с вами, чтобы обсудить условия и детали.

Рыжий Пайк внезапно дёрнулся и громко захрапел. Глаза его плотно закрылись, по подбородку потекла струйка слюны.

— Крепкий парень, — усмехнулся седой. — Быстро очухался, и пяти минут не прошло.

— Уходите, а то столкнётесь с охраной, — встревожилась Линда.

— Не волнуйтесь об этом, — спокойно ответил седой. — Главное — вы твёрдо запомните, что нас тут не было, и что случилось с видеокамерами, вы не знаете. Анна, нам пора!

Белобрысая девица положила использованный шприц в карман куртки и подошла к напарнику. На глазах у изумлённой Линды они обнялись и исчезли. Только воздух с шумом занял освободившийся объём, словно лопнул воздушный шарик. За дверью, в коридоре, раздался топот приближающихся охранников, и Линда быстро легла на ритмично вздымающуюся грудь Рыжего Пайка, притворившись, что тоже спит...

— Опять ты! — скривилась Белая Крыса. — Что на этот раз: жалоба клиента или очередная попытка самоубийства?

Линда, молча, пожала плечами.

— Что-то случилось в номере, где она работала, — доложил Главной надсмотрщице охранник борделя. — Почему-то сгорела вся электроника и, соответственно, личный датчик вашей рабыни. Вот и пришлось мне сопровождать её сюда, чтобы она могла без помех миновать все пункты охраны.

— Ладно, ты можешь возвращаться в бордель, — махнула ему мускулистой, совсем не женской рукой Белая Крыса.

— А нельзя ли в награду за услугу побаловаться часок с одной из ваших девочек? — просительно осклабился охранник. — Всё ж моя смена давно закончилась, и я потратил своё личное время...

— У тебя полчаса, — презрительно сверкнула на него своими жуткими красными глазками огромная альбиноска и приказала маленькой тощей помощнице. — Гиена, проводи этого в тюремную комнату свиданий и дай ему какую-нибудь шлюху.

Поигрывая плетью, главная надсмотрщица вновь повернулась к Линде. Её грубое мясистое лицо налилось злобой, от приземистой мужеподобной фигуры веяло опасностью.

— А теперь займёмся тобой, — прошипела Белая Крыса. — Как ты это сделала?

— Мне было так хорошо с клиентом, — усмехнулась ей в лицо Линда. — Внутри меня будто атомная бомба взорвалась, вот вся электроника и сгорела!

— Шутишь, значит, — зловеще процедила Белая Крыса. — По плётке моей соскучилась?

— Что вы, мадам, — испугалась Линда. Сейчас, когда столь неожиданно забрезжила надежда на освобождение, попасть в лазарет было бы опрометчиво. — Простите меня, я просто хотела поднять вам настроение безобидной шуткой.

— Да? — удивилась главная надсмотрщица. — Это на тебя не похоже, — задумчиво протянула она и, приподняв кончиком плети лицо Линды за подбородок, испытующе посмотрела той прямо в глаза. — Рассказывай! Что там случилось?

— Я была с клиентом, мадам, — с неподдельным страхом глядя в хищные красные глаза главной надсмотрщицы, дрожащим голосом ответила Линда. — С Рыжим Пайком. И вдруг в

комнату ворвались охранники. Они всё обыскали, мадам, даже Рыжего Пайка и его вещи, но ничего не нашли. Это всё, что я знаю, мадам! Спросите охранника, что меня сюда привёл, он вам подтвердит, что я говорю правду.

— Ладно, — отпустила её Белая Крыса. — Иди в медпункт, пусть тебе заменят личный датчик.

Когда Линда поспешно убежала, главная надсмотрщица повернулась к вернувшейся Гиене и приказала:

— Найди в гостевом отсеке пирата по имени Рыжий Пайк и узнай у него все подробности...

— Вот, сволочь! — выругался Крафт, покинув кабинет главного интенданта. — Ты всё слышал, Майк?

— Да, Пит, — лейтенант Смит убрал наушник в нагрудный карман мундира и поспешил вслед за капитаном, в ярости устремившимся прочь.

— Этот жирный ублюдок строит из себя законопослушного гражданина, а сам — обычный скупщик краденого и, вдобавок, работорговец! — рычал на ходу Крафт.

— Тише, Пит, — попытался вразумить разошедшегося капитана Смит. — Мы здесь с частным визитом, на чужой территории. Кругом наверняка «глаза» и «уши» Кубышки.

Они, молча, преодолели остаток пути до гостиницы, но как только за ними закрылась дверь их номера, Крафт вновь взорвался:

— Этот пиратский притон давно нужно было уничтожить! Ты просмотрел архив прошлых торгов? Какие были цены на женщин?

— Посмотрел...

— Ну, и...?

— Видишь ли, Пит, — глядя в сторону, решился, наконец, сказать правду Смит. — Нам вряд ли удастся спасти Машу.

— Почему? — хмуро посмотрел на него Крафт. — Ну, не мямли, лейтенант, говори чётко и точно!

— Потому что главный интендант не соврал: на Машу уже подал заявку Халид-бей.

— Ну и что? — откинулся на спинку кресла Крафт. — Кто это такой?

— Главный евнух гарема султана Баязета Великолепного, —

уныло ответил Смит.

— Повелителя Альтаира?

— Да, — виновато посмотрел на капитана Смит. — Я просмотрел архивы, как ты просил. За всю историю торгов не было случая, чтобы Халид-бей кому-нибудь уступил. Анархия, действительно, не скупится на рекламу. Видеоролики, демонстрирующие в голом виде женщин, выставленных на продажу, уже неделю крутят по галактическому каналу.

— И Машу тоже? — в ярости стиснул кулаки Крафт. — Обнажённой?

Смит, молча, кивнул.

— Раз Халид-бей сделал заявку на неё, значит, Маша понравилась султану. Главный евнух лишится головы, если проиграет аукцион. У нас нет ни единого шанса...

— Шанс всегда есть! — стукнул кулаком по подлокотнику кресла Крафт. — Надо только найти его.

— Где? — безнадёжно вздохнул Смит. — У нас нет столько денег, чтобы тягаться в торгах с Халид-беем. Султан, говорят, богаче самого Императора!

— А мы и не будем, — взмахнул рукой Крафт. — Как говорили мои предки: с волками жить — по волчьи выть!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Смит.

— Подкараулим его корабль на обратном пути и возьмём на абордаж, — успокаиваясь, ответил Крафт. — Раз уж мы в пиратской зоне...

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Смит.

Неожиданно дверь распахнулась, и в номер вошли двое: тщедушный седой мужчина лет пятидесяти, одетый в потёртые джинсы земного производства и толстый коричневый свитер ручной вязки из натуральной шерсти, и молодая девушка в стандартном военном комбинезоне имперского флота без знаков различия.

— Какого чёрта? — Смит мгновенно подскочил к ним, преграждая путь. — Что вам надо?

— Могу я поговорить с капитаном Крафтом? — неожиданно низким голосом спросил седой.

Смит вопросительно обернулся. Крафт кивнул.

— Проходите, — посторонился лейтенант и закрыл за вошедшими дверь.

— Я сильно сомневаюсь, капитан Крафт, что ваша авантюра удастся, — усаживаясь в предложенное кресло, сказал седой. — Корабль Халид-бея хорошо охраняют, это целый караван на самом-то деле, — но даже если каким-то чудом вам повезёт, вы освободите свою жену и скроетесь от погони, вас всё равно выдадут султану свои же. Президент не захочет нарушать с таким трудом заключённое с Империей перемирие из-за пиратского нападения. Не забывайте, господа: вы здесь неофициально, за вами никого нет! Вы для всех будете не офицерами федерального флота, а уголовными преступниками.

— Вы нас подслушивали? — хладнокровно произнёс Крафт. — Работаете на Кубышку?

— Секундочку, господа, сейчас я вам всё объясню, — прогудел седой и, повернувшись к девушке, спросил: — Как дела, Анна?

— Четыре микрофона и три видеокамеры, — бесстрастно ответила та. — Глушилку я включила ещё на пороге.

— Вот теперь мы можем поговорить откровенно, — повернулся к Крафту седой. — Средства слежки, установленные в этом номере, нейтрализованы.

— Вы уверены? — спросил Смит. — Я не видел, чтобы ваша спутница включала какой-нибудь прибор.

— Анна — андроид, — усмехнулся седой. — Все необходимые мне приборы и устройства встроены в её тело.

— Удобно, — кивнул Крафт. — Так кто вы такой, зачем нас подслушивали, и что привело вас ко мне?

— Профессор Иванов Иван Иванович, — представился, наконец, гость. — Прибыл на Анархию, как и вы, три дня назад, но не из Солнечной Федерации, а из Веганской Империи. На подходе к вашему номеру Анна перехватила сигналы следящей аппаратуры. Так мы узнали ваш безумный план. Ну, и Кубышке, а может, и не только ему он, как вы понимаете, теперь тоже известен.

— Крафт Пётр Андреевич, — привстал в кресле капитан. — А это — мой друг, Майкл Смит. Но вы, очевидно, и так уже знаете, кто мы, раз пришли сюда?

— Да, — кивнул профессор. — Я навёл о вас справки.

— Иванов Иван Иванович? — недоверчиво усмехнулся лейтенант.

— Это имя ничуть не хуже любого другого, — невозмутимо ответил странный гость.

— Так что привело вас к нам, господин профессор? — резко спросил Крафт. — На кого вы работаете?

— На себя, — развёл руками Иванов. — У нас общая беда, капитан. Моя младшая дочь летела на один из курортов Империи, пираты захватили её яхту и теперь Елену тоже выставили на торги.

— Сочувствую, — сжал кулаки Крафт. — Я так понимаю, у вас, господин профессор, есть какой-то более реальный план освобождения дочери, чем нападение на караван Халид-бея?

— Есть, капитан, — нервно потёр ладонь о ладонь Иванов. — Но одному мне не справиться. Нужны, как минимум, ещё один корабль и пара помощников. Я уже думал, что за дни, оставшиеся до аукциона, мне их не найти, как вдруг мы засекли вашу недавнюю беседу с главным интендантом. Видите ли, господа, в первый же день нашего прибытия на станцию я приказал Анне подключиться на всякий случай к записывающей аппаратуре, установленной в рабочих кабинетах и личных апартаментах Кубышки и других правителей Анархии.

— Других правителей? — удивился Смит. — Разве у анархистов есть правительство?

— Не будьте столь наивны, господин лейтенант, — рассмеялся профессор. — Главный интендант, конечно, лукавил, утверждая, что в этой пиратской республике нет правительства. Официально — нет. Анархизм — всего лишь мечта об идеальном обществе. Но на самом деле все важные решения совместно принимают пятеро самых богатых и влиятельных граждан Анархии. Кубышка — один из них. Все они — бывшие пираты, но имеют тайное гражданство как в Солнечной Федерации, так и в Веганской Империи. И, конечно, неусыпно следят друг за другом, что и позволило мне с помощью Анны узнать эти подробности.

— Но как нам всё это поможет? — нетерпеливо спросил Крафт. — Что конкретно вы предлагаете? Шантаж?

— У меня была такая мысль, — признался профессор. — Но эта пятёрка никого и ничего не боится. Они просто уничтожат нас, а президент и император в лучшем случае выразят сожаление гибелью неразумных граждан, опрометчиво сунувшихся в

пиратские владения. Видите ли, господа, Анархия тайно финансировала прошлую избирательную кампанию вашего президента и императору не раз ссужала средства на войну с Солнечной Федерацией. А почему, вы думаете, Федерация и Империя терпят у себя под боком пиратский притон?

— Как-то не очень верится в то, что вы говорите, профессор, — раздражённо отмахнулся Крафт. — Султан Альтаира, говорят, несметно богат и вполне мог бы предоставить своему брату-императору нужные тому средства. Насколько мне известно, Федерации и Империи необходимо безопасное место в нейтральной зоне для тайных встреч и переговоров представителей их правительств. По слухам здесь, на Анархии, были согласованы условия перемирия, которое потом было с помпой в прямом эфире галактического телеканала подписано президентом и императором. И я точно знаю, что именно здесь, в этом пиратском притоне, мы иногда обменивались пленными.

— Султан и император не очень-то ладят между собой, капитан, — вздохнул профессор Иванов. — Трон один, а братьев двое. Баязет родился раньше, но его мать была простой рабыней из гарема...

— Оставим политику политикам, господин профессор, — прервал гостя Крафт. — Давайте вернёмся к нашей проблеме.

— Что ж, не будем терять время на споры, — согласился Иванов. — Анна, покажи нам план станции.

Глаза андроида вспыхнули, из них ударили лучи, и посреди комнаты появилась голограмма вращающегося колеса.

— Внешний «обод» — это космопорты, склады товаров, гостиницы, рестораны, бордели и прочие заведения, обслуживающие гостей, — голос Анны был мелодичен, но лишён каких-либо интонаций и чувств. — В «спицах» расположены казармы охраны, военные склады, боевые лазеры, оранжереи и прочие службы обеспечения жизнедеятельности станции. В центральном шаре находятся жилые помещения граждан Анархии, атомная электростанция, центр космической связи и телевидения, банк, больница, кабинеты управленцев и специалистов, а также конференц-зал для всеобщих собраний и обсуждений возникающих проблем и принятия решений.

— Чёрт! — воскликнул Смит. — Эта станция — настоящая крепость.

— Живой товар и прочих рабов держат вот в этой «спице», — показала Анна, и выделенная часть макета резко увеличилась, демонстрируя подробности. Остальные части станции исчезли. — У соединения «спицы» с «ободом» находятся защитный шлюз и бункер с десятком вооружённых до зубов солдат. Сразу за пунктом охраны находится аукционный зал с подиумом для демонстрации живого товара. Посторонних пропускают сюда только на время торгов. Из зала короткий коридор ведёт ко входу в тюрьму, в камерах которой раздельно держат мужчин, женщин и детей, предназначенных на продажу. Здесь же находятся жилые комнаты рабов, обслуживающих живой товар. Вот это кухня и прачечная, в которых рабы готовят пищу и стирают. Помещение рядом с общей дверью в тюрьму — ещё один контрольно-пропускной пункт охраны. Здесь постоянно находятся два десятка человек, следящие за мониторами, на которые выведены видеокамеры, установленные в аукционном зале, коридоре и внутри тюремных камер. Другие помещения этой «спицы» для нас не представляют интереса.

— Похоже, штурмовать тюрьму нашими скудными силами — самоубийство, — мрачно сказал Крафт.

— Кубышка жаден, — невозмутимо ответил профессор. — Он заставляет своих рабынь, живущих в тюрьме, в свободное от работы на кухне или в прачечной время ублажать клиентов в борделях развлекательных отсеков станции. Там я вчера и подкупил одну из рабынь, обслуживающих женскую камеру, Она нам поможет.

— Каким образом? — хмыкнул Смит.

— Она найдёт среди сотен пленниц мою дочь и вашу жену, капитан Крафт, и в определённый момент приведёт их в помещение женского туалета, к двери в самую дальнюю кабинку, и тогда Анне не придётся искать их по всей тюрьме. Чтобы ваша жена поверила этой рабыне и пошла с ней, вы, капитан, должны сообщить нам сейчас «маячок» — слово или выражение, по которому Мария поймёт, что незнакомая ей девушка работает именно на вас. Понимаете меня?

— Да, — кивнул Крафт. — Но каким образом Анна проникнет в тюрьму и, тем более, благополучно выберется оттуда, да ещё не одна?

— Телепортация, — улыбнулся Иванов.

— Что? — не поверил Крафт. — Вы — сумасшедший? Телепортация — сказка для легковерных идиотов.

— Не сомневайтесь, капитан, — успокаивающе поднял руку профессор. — Сейчас вы должны поверить в то, что Анна заберёт в назначенное время пленниц и помогающую нам рабыню из тюрьмы и доставит на мой корабль.

— А чем мой не подходит?

— Тем, что Кубышка первым делом обыщет именно его. Надеюсь, не надо объяснять, почему? Кроме того, вашему другу, лейтенанту Смиту, придётся навестить в борделе подкупленную мною рабыню, незаметно показать ей фотографии наших пленниц и столь же незаметно, на ушко, во время ласк объяснить ей, что надо делать. Я обещал девушке, что сделаю это сам, но нам лучше не рисковать — вторичное посещение мною или Анной борделя и конкретно этой рабыни может привлечь преждевременное внимание главного интенданта ко мне и моему кораблю. Учтите, господин лейтенант, комната нашпигована телекамерами и микрофонами. Рекомендую совместный душ — шум воды заглушит ваши слова. Надеюсь, это задание вам по плечу?

Смит скривился.

— Эта шлюха хоть не очень страшна?

— На вкус и цвет... — усмехнулся Иванов. — А так как рабыня исчезнет из тюрьмы одновременно с вашей женой, капитан Крафт, и практически на следующий день после визита к ней лейтенанта Смита, это будет ещё одной из причин для обыска в первую очередь именно вашего корабля. Я здесь, как вы правильно заметили, под чужим именем, и, к тому же, интересуюсь контрабандой, а не живым товаром. Никто не знает, что Елена — моя дочь. Поэтому после исчезновения трёх пленниц из тюрьмы мой корабль обыщут не скоро, и когда до него дойдёт очередь, Анна перебросит беглянок на ваш, очищенный к тому времени от подозрений. Для этого вы и нужны мне, иначе бы я уже давно освободил свою дочь. Но вряд ли смог бы беспрепятственно покинуть Анархию...

— А как же тюремные видеокамеры? — встрепенулся Крафт. — Вашу Анну засекут и первым делом кинутся проверять именно ваш корабль, профессор!

— Анна проверила — в помещении тюремного туалета нет аппаратуры наблюдения. Ведь оно общее и для пленниц, и для

обслуживающего персонала, среди которого есть не только рабыни вроде Линды, о которой я вам рассказал, но и свободные гражданки Анархии: надсмотрщицы, кухарки и охранницы, например. Поэтому было бы желательно в назначенное время свести к минимуму вероятность появления случайных свидетелей похищения, отвлечь их внимание на что-нибудь иное. Анна, конечно, справится с любой ситуацией, но хотелось бы избежать лишних жертв. Вы согласны?

— Да, — кивнул Крафт, обменявшись взглядом со Смитом. — Что вы предлагаете?

— Гладиаторские бои на Анархии — самое массовое и любимое развлечение! А вам, капитан Крафт, очень кстати будет алиби, которое сможет подтвердить множество людей. Уверен, и сам Кубышка не пропускает подобные зрелища.

— Вот и для меня у вас работа нашлась, — усмехнулся Крафт. — Бой, но с кем?

— Это ваша проблема, господа, — встал профессор. — И решить её необходимо как можно скорее — сроки поджимают!

— Есть один момент, профессор, который может свести на нет весь ваш хитроумный план, — вдруг вмешался Смит. — Вы засветились, придя сюда, и если похищение удастся, люди главного интенданта первым делом придут с обыском к вам, раз уж у нас с Питом будет алиби.

— Нет, лейтенант, как я уже сказал, следящая аппаратура в этом номере выведена из строя. Коридор был пуст, и нас никто не видел, входящими сюда.

— Зато увидят выходящими! — воскликнул Смит. — Наверняка там уже дежурят шпионы Кубышки, ожидая, когда мы покинем номер, чтобы заменить сгоревшую аппаратуру.

— Не увидят, — улыбнулся профессор. — Вы должны верить в успех нашего замысла, а потому...

Иванов подошёл к Анне, обнял её за талию, и с гулким звуком лопнувшего воздушного шарика они исчезли.

— Итак, капитан, что на этот раз привело вас ко мне? — растянул в любезной улыбке пухлые губы Кубышка.

— Опять личное дело, главный интендант, — не менее доброжелательно улыбнулся в ответ Крафт. — В прошлый раз вы продемонстрировали мне отменное знание местных законов,

поэтому я и решил обратиться за помощью именно к вам.

— Сделаю всё, что в моих силах, капитан, — Кубышка радушно указал гостю на кресло. — И в чём же ваша проблема?

— Я хочу отомстить капитану пиратского корабля, похитившему мою жену, — сразу перешёл к делу Крафт.

— Прекрасно понимаю вас, капитан, — не удивился услышанному Кубышка. — Но, чем же я могу вам помочь? Как вы знаете, я не могу открыть вам его имя. Таков закон!

Главный интендант с притворным сожалением развёл в стороны свои пухлые короткие руки.

— Да, я помню, — спокойно улыбнулся в ответ Крафт. — Но на Анархии есть и другой закон, и он позволяет вам обойти первый.

— Какой же? — заинтересованно подался к нему Кубышка.

— Тот самый, что позволяет мне вполне легально и публично отомстить своему обидчику. Вы же не будете отрицать, главный интендант, что похищением моей жены и выставлением её на торги мне нанесена обида?

— Вы требуете дуэли? — поразился Кубышка.

— Вот именно! — весело подмигнул ему Крафт. — И вы не можете мне в этом отказать.

— Вы — храбрый человек, капитан, — усмехнулся Кубышка. — Не наведи я о вас справки ранее, заподозрил бы сейчас в глупости. Надеюсь, вы хорошо подумали? Наши гладиаторские бои — не шоу. На арене сражаются насмерть.

— Я это знаю, главный интендант, — холодно ответил Крафт. — Потому и обратился прямо к вам. Я хочу, чтобы поединок состоялся послезавтра.

— К чему такая спешка, капитан? Надо же уведомить вашего противника, оповестить зрителей, провести рекламную кампанию на нашем канале телевидения. Все бои транслируются в прямом эфире, капитан.

— Это ваши проблемы, главный интендант, — невозмутимо ответил Крафт. — Бой должен состояться до аукциона. Если победит пират, мне не придётся смотреть, как продают мою жену. А если победа достанется мне, этот негодяй не получит своих денег и больше уже никому и никогда не причинит горя.

— И, к тому же, по закону победитель получит всё имущество побеждённого, — алчно потёр руки Кубышка. — А вы —

хитрец, капитан! Я вас недооценивал.

— О чём это вы? — нахмурился Крафт.

— Если победит пират, ему ничего не достанется, — усмехнулся главный интендант. — Потому что всё, что у вас тут есть, принадлежит Космофлоту Солнечной Федерации, даже форма, что сейчас на вас. Пират, как говорится, останется при своих. Зато в случае вашей победы, капитан, вам достанется первоклассный корабль и доля от продажи не только вашей жены, но и всей прочей добычи. Конечно, за вычетом долей команды. Учитывая всё это, ваши финансовые возможности в предстоящих торгах значительно возрастают. Вы, видимо, захотите, чтобы вашу жену выставили на продажу последней?

— Вы весьма проницательны, главный интендант, — процедил Крафт. — Я могу надеяться на вашу помощь?

— Конечно, капитан! — расплылся в довольной улыбке Кубышка. — Я не могу нарушать законы Анархии и лишать её жителей развлечений. Гладиаторские бои, можно сказать, святое для нас. Готовьтесь, поединок состоится послезавтра, в полдень по местному времени. Вы обязаны прибыть на арену за час до этого, чтобы наши врачи и юристы могли проверить ваше здоровье, засвидетельствовать отсутствие принуждения и тому подобные формальности. Вы всё же здесь гость, капитан, и нам не нужны неприятности с Космофлотом Солнечной Федерации в случае вашей гибели или увечья. Правила боя вы уже знаете?

— Правила? — удивился Крафт. — Разве есть какие-то правила?

— Только одно — никаких правил! — захохотал Кубышка. — Кто останется жив, тот и победил. Ничьих не бывает.

— Что ж, меня это вполне устраивает, — встал Крафт. — Не буду отнимать у вас время, главный интендант.

— Желаю удачи, капитан, — прощально махнул ему пухлой рукой Кубышка. — Она вам понадобится. Не волнуйтесь, организацию поединка я беру на себя. Задействую все свои возможности.

— Я надеюсь на это, — усмехнулся Крафт и вышел.

Кубышка тут же нажал кнопку на селекторе.

— Белую Крысу ко мне! Быстро!

Открылась потайная дверь в комнату охраны, и вошла главная надсмотрщица.

— Хорошо разглядела его? — всё ещё улыбаясь каким-то своим мыслям, спросил главный интендант.

— Да, господин, — кивнула альбиноска.

— Уверена, что не видела этого человека раньше? Он не пытался проникнуть в женскую тюрьму?

— Уверена, господин. Никогда его не видела.

— Просмотри все уцелевшие записи борделя, где недавно сгорела аппаратура наблюдения. Проверь, не посещал ли его этот федерал или его напарник. В их номере вчера точно так же отказала аппаратура. Не нравятся мне такие совпадения. Всё поняла?

— Да, господин.

— И не спускай глаз с той шлюхи, как её?

— Линда, господин.

— С Линды. И с жены этого федерала тоже!

— Да, господин.

— Убирайся!

Когда массивная фигура главной надсмотрщицы скрылась за дверью, Кубышка задумчиво пробормотал:

— Что же ты задумал, капитан Крафт? Не думай, что обманул меня. Я не спущу с тебя и твоего лейтенанта глаз, пока вы здесь, на Анархии. А потом, если выживешь, можешь брать на абордаж караван Халид-бея...

Победить в честной схватке у Крафта не было ни единого шанса. Пока плюгавый рефери в модном синем костюме-тройке, ослепительно белой рубашке и галстуке-бабочке, радостно скалясь, неожиданно зычным голосом объявлял зрителям имена и физические данные гладиаторов, капитан внимательно рассматривал своего противника. По сведениям, найденным Смитом в космонете, собранных в барах Анархии и дополненных профессором Ивановым, Рыжий Пайк был опытным и безжалостным бойцом. Гориллоподобное тело пирата бороздили шрамы, полученные не только в смертельных абордажных схватках. Ещё подростком Рыжий Пайк не раз участвовал в уличных разборках молодёжных банд Нью-Йорка. Да, он родился на Земле, в одном из величайших городов колыбели Солнечной Федерации.

Повзрослев, Рыжий Пайк с успехом выступал на подполь-

ных аренах Земли в нелегальных боях без правил. В конце концов, он однажды убил своего противника прямо на арене на глазах многочисленных зрителей. Его судили и приговорили к десяти годам тюрьмы. Но в это время войска Веганской Империи значительно потеснили Космофлот, захватили несколько звёздных систем Солнечной Федерации, и Рыжему Пайку предложили искупить вину кровью на передовой. Так этот отморозок оказался в десантных частях Космофлота, где его быстро обучили всем тонкостям абордажного боя, владению холодным и огнестрельным оружием, управлению десантными видами транспорта и прочим солдатским премудростям.

Однако жестокость и кровожадность Рыжего Пайка вскоре дали себя знать, и тот вновь попал под суд за зверские пытки и убийства пленных веганцев. Молодому десантнику грозил военный трибунал. Рыжий Пайк не стал его дожидаться. Он голыми руками убил конвоиров и с несколькими такими же отморозками, завербованными в армию в тюрьмах Федерации, захватил военный корабль и бежал на Анархию, где со временем и превратился в одного из самых рисковых и безжалостных пиратских капитанов.

И вот теперь этот негодяй стоял в десяти шагах от Крафта и приветственно махал знакомым на трибунах могучей ручищей. Оба гладиатора вышли на арену совершенно обнажёнными, чтобы зрители были уверены в отсутствии у них какого-либо иного оружия, кроме десантных ножей в руках. Как офицер Космофлота Крафт довольно неплохо владел приёмами рукопашного боя, но его умения и навыки, конечно, не шли ни в какое сравнение с мастерством Рыжего Пайка. А уж с ножом пират виртуозно обращался с раннего детства.

«Вам надо продержаться всего минуту, — вспомнил Крафт слова профессора Иванова. — Пусть охранники и узники женской тюрьмы прильнут к телеэкранам. Анна не должна засветиться».

«Легко ему говорить «всего минуту», — вдруг с раздражением подумал Крафт, воочию увидев своего врага. — Целую минуту! Так будет точнее. Шестьдесят секунд, которые во время смертельного боя растянутся на часы».

Капитан постарался подавить ненужные сейчас чувства, не дать ярости и ненависти заглушить голос разума, и, успокоив-

шись, вновь оценивающе посмотрел на врага.

Рыжий Пайк был весь в предвкушении боя. Он весело скалил крупные кривые зубы, приветственно махал знакомым на зрительских трибунах, словом — явно был в своей стихии. Его огромное, заросшее рыжим волосом тело, поражало первобытной мощью, бугрилось узлами мышц. Крафт рядом с пиратом смотрелся худосочным карликом, хотя на самом деле был вполне гармонично сложён и под два метра ростом. Регулярные упражнения в тренажёрном зале укрепили его тело, а участие в боях с веганцами закалило дух.

Наконец рефери убежал, и гладиаторы остались на арене один на один...

Входная дверь распахнулась, и в туалет ворвалась разгневанная Белая Крыса. За ней семенила, торжествующе ухмыляясь, Гиена.

— Какого чёрта вы тут делаете? — рявкнула главная надсмотрщица, подлетая к замершим в ужасе беглянкам и, не дождавшись ответа, приказала Гиене: — Проверь, нет ли здесь ещё кого-нибудь?

Та быстро пробежалась вдоль ряда дверей, проверяя кабинки.

— Итак, — вперила полный ярости взгляд в жмущихся друг к другу рабынь главная надсмотрщица. — Сейчас вся Анархия смотрит гладиаторский бой. Вы оторвали меня от любимого зрелища. Этого я вам не прощу! Ты! — Белая Крыса концом рукояти плети ткнула Линду в живот. — Отвечай, что вы тут замышляете?

— Ничего, — согнувшись от боли, с трудом выговорила рабыня. — Просто нам не нравятся кровавые зрелища. В камере очень шумно, вот мы и пришли сюда, чтобы спокойно поговорить.

— Ты! — повела плетью в сторону Марии главная надсмотрщица. — Отвечай!

— Девочки хотели узнать, что сейчас носит молодёжь Федерации...

— Ты! — кончик плети коснулся груди Елены.

— Да, — пролепетала та в испуге. — Я хотела рассказать об имперской моде.

— Никого нет, — подбежала, возбуждённо поблескивая маленькими чёрными глазками, Гиена.

— Зови охрану, — приказала ей главная надсмотрщица. — Пусть запрут эту троицу в карцер. Я потом с ними разберусь. Может, успею ещё увидеть концовку гладиаторского боя.

— Да, госпожа, — угодливо склонилась в поклоне Гиена и направилась к выходу.

— Стой, подлая шпионка! — вдруг в отчаянии крикнула Линда. — Ты никуда не пойдёшь.

Она подскочила к остановившейся в удивлении Гиене, схватила её за узкие плечи и несколько раз с силой ударила головой о стену. Глаза надсмотрщицы закатились, тонкие ноги подкосились, и Гиена, потеряв сознание, сползла на пол.

— Ах, ты!.. — Белая Крыса, опомнившись, в ярости взмахнула могучей ручищей. Свистнула плеть, и Линда рухнула рядом с Гиеной.

Взвизгнув, Мария прыгнула главной надсмотрщице на спину. Обхватив длинными ногами поясницу звероподобной бабы, она по-борцовски зажала сгибом правой руки в локте её толстую короткую шею и начала душить. Белая Крыса взревела и завертелась на месте, пытаясь сбросить с себя оседлавшую её рабыню, но та держалась крепко.

Елена подбежала к Линде и склонилась над ней. Глаза несчастной были широко открыты, но жизнь из них уже ушла. На виске алел след от удара свинчатки, вплетенной в кончик плети главной надсмотрщицы. Елена села на пол, взяла в ладони безжизненную руку Линды и заплакала. За спиной что-то кричала Мария, жутко хрипела Белая Крыса, но девушка никак не могла заставить себя встать и покинуть остывающее тело Линды.

— Лена! — звала Мария. — Помоги мне!

Белая Крыса ударила ею о стену.

— Лена! — в отчаянии вскрикнула в последний раз Мария.

Белая Крыса разжала ослабевший захват ошеломлённой ударом рабыни, и та кубарем покатилась по полу, сброшенная, как неопытный наездник со вставшей на дыбы лошади. Главная надсмотрщица жадно глотала раскрытым ртом воздух. Багровое лицо её перекосила злобная гримаса, сквозь растрепавшиеся белесые космы люто горели красные глаза.

— Я покажу вам... — невнятно прохрипела Белая Крыса,

потирая левой рукой горло. Потом в ярости взмахнула правой. Вновь раздался свист плети, и Мария завопила от боли, схватившись за лицо. Елена с ужасом увидела, как из-под пальцев подруги потекли ярко-красная кровь и остатки того, что ранее было красивым зелёным глазом.

Главная надсмотрщица продолжала хлестать корчившуюся у её ног Марию, как вдруг за её спиной распахнулась дверь последней кабинки и оттуда вышла короткостриженная блондинка в военном имперском камуфляже без знаков различия. Елена, вздрагивавшая от каждого удара, достававшегося Марии, смахнула слёзы и с облегчением всхлипнула:

— Анна! Наконец-то!

Главная надсмотрщица резко обернулась, её злобно сощуренные кроваво-красные глазки широко распахнулись от удивления.

— А ты ещё кто такая? Откуда взялась?

Блондинка, не отвечая, протянула изящную руку, небрежно взяла ошеломлённую Белую Крысу за горло и легко повернула кисть. Раздался громкий хруст, и главная надсмотрщица безжизненной грудой рухнула на пол. Анна легко подняла потерявшую сознание Марию и протянула руку Елене.

— Пора домой.

...«Я должен продержаться шестьдесят секунд, — напомнил себе Крафт и начал мысленный отсчёт. — Потом я убью эту гориллу».

Громко прозвучал сигнал гонга, и Рыжий Пайк ринулся вперёд. Крафт отскочил в сторону и бросился бежать. Зрители разочарованно завопили. Раздался оглушительный свист. Капитан остановился. Пират и не думал преследовать его. Он хохотал, картинно кланялся публике и делал оскорбительные жесты в адрес Крафта.

«Двенадцать, тринадцать... — считал про себя капитан. — Что ж, сволочь, покрасуйся пока. Это хорошо, что ты за мной не побежал. Не торопись в бой, время пока не вышло».

Крафт стоял и, не обращая внимания на презрительные выкрики зрителей, ждал нападения. Поняв, что противник не собирается атаковать сам, Рыжий Пайк вразвалочку двинулся к нему.

— Куда бежишь, капитан? — прорычал он. — Я думал, ты не трус, раз бросил мне вызов.

Не отвечая, Крафт попятился. Он старался сохранить дистанцию в пять метров между собой и надвигающимся пиратом. Тот ускорил шаг, капитан тоже, и вскоре оба бежали вокруг арены. Над трибунами стояли оглушительный вой и свист. Наконец Рыжий Пайк остановился. Крафт тоже. Оба тяжело дышали и с ненавистью смотрели друг на друга. Рыжая шерсть пирата потемнела, от него несло животным мускусом и едким потом. Рыжий Пайк больше не улыбался.

— Чего же ты всё бегаешь, капитан? — прохрипел он. — Рассчитываешь загнать меня до смерти?

«Сорок восемь, сорок девять...» — продолжал мысленно вести счёт Крафт.

— Ну же, капитан, — продолжал хрипеть Рыжий Пайк. — Мужчина ты или нет? Не позорь Космофлот!

«Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, пора!»

Крафт попытался плюнуть на лезвие ножа, но рот был пуст, горло пересохло от волнения и бега.

«Вам не победить Рыжего Пайка в честном бою, — всплыл в памяти Крафта спокойный голос профессора Иванова. — Но я увеличу ваши шансы. Мы отравим пирата ещё до дуэли.

— Но будет медосмотр перед боем...

— Врач ничего не обнаружит, — лукаво улыбнулся профессор. — В крови Рыжего Пайка будет только одна из составляющих яда, сама по себе совершенно безвредная. Вторую часть, тоже совершенно безвредную, вы, капитан, выпьете перед боем. Продержитесь одну минуту, а затем просто плюньте на лезвие своего ножа. Если вам удастся хотя бы поцарапать им Рыжего Пайка, обе части яда соединятся, и пират потеряет сознание на несколько секунд. Это ваш единственный шанс, капитан, уйти с арены живым. Не упустите его. Помните, через несколько секунд яд разложится на безвредные составляющие, и пират очнётся».

— Дьявол! — выругался Крафт, безуспешно пытаясь вызвать слюноотделение. Хитроумный план профессора летел к чёрту. — Иди ко мне, горилла! — вызывающе крикнул капитан поигрывающему ножом пирату. — В любом случае, я уже победил.

— Неужели? — хищно оскалился Рыжий Пайк и бросился на Крафта.

Атака была столь стремительна, что капитан с трудом увернулся. Пират был чудовищно силён и невероятно проворен. Серии ударов следовали одна за другой, Крафт с трудом успевал их парировать и вскоре, выронив нож, кубарем покатился по земле. Вскочив на ноги, капитан замер в бойцовской позе. Но пират не спешил его убивать. Широко раскинув могучие ручищи, он красовался перед восторженно орущей публикой.

Крафт огляделся в поисках своего ножа, но увидел только красные пятна на белом пластике арены.

«Кровь? — удивился он. — Чья?»

И вдруг почувствовал жжение в левом боку. Там тянулась длинная, обильно кровоточащая полоса.

— Ну что, капитан, продолжим? — насмешливо крикнул ему Рыжий Пайк и картинно лизнул длинным языком кровь с лезвия ножа.

Крафт, не отвечая, ждал скорой смерти. Пират бросился на него. Капитан поднырнул под ручищу с ножом, перехватил её и попытался заломить за спину врага. Он приложил все силы на то, чтобы вырвать у пирата нож. Но Рыжий Пайк вдруг сам небрежным движением кисти отбросил нож, легко освободился от захвата и сжал Крафта могучими руками в борцовском объятии так, что у того затрещали рёбра.

— Мне не нужен нож, чтобы убить тебя, капитан, — насмешливо прорычал пират, обдавая лицо Крафта зловонием изо рта. — Я раздавлю тебя, как клопа. Сломаю хребет, потом ноги и руки и в конце сверну шею.

Крафт не собирался сдаваться. Он попытался ударить головой пирата в лицо, но тот легко увернулся. Капитан напряг все мускулы, стараясь вырваться из чудовищных объятий и вдруг понял, что с Рыжим Пайком что-то не так. Пират просто повис на нём, дыхание его прервалось, в выпученных глазах застыло удивление.

«Яд! — догадался Крафт. — Этот кретин слизнул с лезвия ножа мою кровь и тем самым отравил себя!»

Не теряя времени, капитан классическим броском швырнул безвольное тело Рыжего Пайка через себя. Мгновенно оседлав врага, Крафт нанёс сильный удар раскрытой ладонью тому в

лицо, вогнав кости носа в мозг. Рыжий Пайк умер мгновенно. Капитан с трудом встал. Его тошнило, все мышцы тела мелко вибрировали, в глазах стоял туман, а в ушах морским прибоем шумела кровь. Крафт впервые убил человека голыми руками.

На арене вдруг появилось множество людей. Лейтенант Смит подхватил Крафта с одной стороны, с другой — тряс его руку, задрав её вверх, и что-то верещал плюгавый рефери. Рядом с телом Рыжего Пайка копошились врачи и охранники. На трибунах бесновались зрители...

В коридоре загрохотали солдатские сапоги, дверь резко распахнулась, и в номер ввалились пятеро вооружённых автоматами охранников. Двое из них немедленно взяли на мушку замерших на месте Крафта и Смита, остальные профессионально проверили спальню и ванну.

— Чисто! — громко крикнул охранник с сержантскими нашивками, и в комнату быстро вошёл главный интендант Анархии. Потный от спешки и красный от злости, Кубышка удивительно плавной и лёгкой для его заплывшего жиром тела походкой прошёл к ближайшему свободному креслу и сел.

— Мне сообщили, что вы решили немедленно покинуть нашу станцию, капитан, — нарочито спокойно сказал он и взмахом руки пригласил хозяев номера сесть. — А как же ваша красавица-жена? Торги уже завтра.

— Я вряд ли смогу победить Халид-бея, — хмуро ответил Крафт. — А что у вас случилось, главный интендант? Нашу гостиницу всего полчаса назад обыскали, как говорится, сверху до низу.

— Сбежало несколько рабов, — злобно усмехнулся Кубышка. — Поэтому сейчас охрана обыскивает всю станцию, а не только вашу гостиницу.

— Вот как? — сделал удивлённое лицо Крафт. — А зачем вы пришли к нам, да ещё лично?

— Вы же подали заявку на вылет, — хищно взглянул на него Кубышка. — Ответственность перед гражданами Анархии за сбежавших рабов лежит на главном интенданте, то есть — на мне. Поэтому никто не покинет станцию без моего разрешения. Так что, капитан, мои люди должны обыскать ваш корабль.

— Это незаконно! — вполне искренне возмутился Крафт,

хотя и ожидал подобного развития событий. — Мой корабль — это территория Солнечной Федерации.

— Только не здесь, капитан, — злобно усмехнулся Кубышка. — Не забывайте, где вы находитесь. Впрочем, если вы передумали улетать и решили подождать, пока мои люди найдут беглецов...

— Нет, — сдаваясь, пробурчал Крафт. — Вынужден подчиниться насилию. Вы же всё равно обыщите мой корабль, не так ли, главный интендант?

— Приятно иметь дело с разумным человеком, — легко поднял своё массивное тело из низкого кресла Кубышка, и Крафт впервые подумал, что тот отнюдь не случайно стал одним из пяти тайных правителей пиратской республики. Очевидно, под слоем жира у главного интенданта имеются стальные мускулы, а за простоватой внешностью скрывается недюжинный ум.

— Пит, смотри, кого я к тебе привёл! — весело вскричал лейтенант Смит и, посторонившись, пропустил в комнату двух девушек.

Давно небритый, измученный бессонными ночами Крафт вскочил с кресла.

— Анна! Госпожа Иванова!

— Просто — Лена, — смущённо улыбнулась ему стройная девушка в серебристом облегающем платье.

— Какими судьбами в наших краях? — спросил Крафт, любезно предлагая гостям сесть.

— Проездом.

Елена непринуждённо расположилась в кресле и с интересом начала разглядывать явно запущенную, давно не видевшую женской руки гостиную. Анна осталась стоять у входной двери, зорко следя за происходящим. Лейтенант Смит по-хозяйски открыл бар, достал бутылки с напитками, быстро расставил бокалы на круглом столе, стоящем посреди комнаты как гигантский гриб.

— Что вам налить? — обратился он к Елене.

— Какой-нибудь сок.

— Ну, а твои вкусы я знаю, — хмыкнул в сторону Крафта Смит и быстро наполнил бокалы. — Анна, может, всё же присоединитесь к нам?

Андроид отрицательно качнула головой.

— Жаль, — ничуть не расстроившись, сказал Смит и поднял бокал. — Итак, за встречу!

— Как ваши дела, Пётр Андреевич? — участливо спросила Елена, когда все выпили. — Как себя чувствует Маша?

— Всё хорошо! — бодро ответил Крафт.

— Ну, зачем ты врёшь? — с досадой воскликнул Смит. — Какой смысл скрывать то, что всем известно?

— Майк! — предостерегающе поднял руку Крафт.

— Ты забыл, чья Елена дочь?

— Это ты забыл...

— Не волнуйтесь, Пётр Андреевич, — вмешалась в спор гостья. — Анна нейтрализовала все шпионские штучки в вашем доме, прежде чем я вошла в него.

— Но...

— Всё в порядке, Пётр Андреевич, аппаратура работает, Анна не стала жечь её. Но наблюдатели видят запись, как вы сидите в своём кресле и читаете книгу.

— Вот как? — успокоился Крафт. — Это радует. И давайте отбросим этот официоз и перейдём на ты. Думаю, то, что мы пережили на Анархии, связывает гораздо крепче, чем выпитый на брудершафт бокал вина.

— Согласна! Так как твои дела?

— Честно говоря, не очень, — нахмурился Крафт. — По возвращении меня сначала тайно повысили в звании сразу до полковника, а потом публично наградили за уничтожение Анархии орденом «Герой Солнечной Федерации». Ведь не мог же простой капитан уничтожить пиратскую крепость, которую и генералы не рисковали штурмовать! Я устроил Машу в лучшую клинику, где ей должны на днях имплантировать новый глаз и привести нервы в порядок.

— Поздравляю, господин полковник! — радостно улыбнулась Елена.

— Не спеши, — отмахнулся Крафт. — Через неделю после того, как отгремели торжества, меня лишили звания, всех наград и вышибли из Космофлота с «волчьим билетом» за превышение полномочий, чуть не приведшее к срыву перемирия с Веганской Империей, и недостойное офицера поведение — дуэль с известным пиратом в голом виде. Все мои сбережения ушли на

оплату врачей. Этот домик на окраине города, куда мы с Машей были вынуждены переехать из центра, тоже выставлен на продажу. Новый глаз для Маши уже выращен в генетической лаборатории больницы, но денег на операцию всё равно не хватает. Спасибо вот Майку — даёт недостающую сумму.

— А, ерунда! — криво улыбнулся Смит. — Предки оставили мне кое-какие средства. Я пока не женат, получаю жалованье — Пит показал на следствии, что это он приказал мне сопровождать его на Анархию. Так что денег мне пока хватает. Конечно, карьеру мне теперь в Космофлоте не сделать, но, по крайней мере, у меня есть работа.

— Что ж, — сочувственно улыбнулась Крафту Елена. — Мой папа так и предполагал, когда увидел, что твоё имя вдруг исчезло из списков офицерского состава Космофлота.

— Не надо меня жалеть! — вспыхнул Крафт. — Мне плевать на ордена и должности. Главное — моя Маша жива, скоро будет здорова, и мы с ней снова будем вместе.

— А как дела у профессора? — поинтересовался Смит, гремя кубиками льда в своём бокале.

— Прекрасно! — ответила Елена. — Он тоже ушёл со службы. Нет, папу не выгнали, ведь никто не знал о его участии в событиях на Анархии. Официально мы всё то время отдыхали с ним на одном из отдалённых курортов Империи. А когда вернулись домой, папа попросился на пенсию. Плохое здоровье, и всё такое...

— Жаль это слышать, — сказал Смит. — Мне профессор показался довольно бодрым и...

— О, вы меня не так поняли, — засмеялась Елена. — Папа совершенно здоров! Он просто больше не хочет работать на военные проекты Империи. Оборудовал себе небольшую лабораторию в одном из зданий нашего имения и занимается в ней теми исследованиями, которые интересны ему самому.

— Очень рад за него, — искренне сказал Крафт. — А как ты себя сейчас чувствуешь?

— Хорошо, — бодро ответила Елена. — Я очень смутно помню последние дни на Анархии. Смерть бедной Линды и ужасная рана Марии так потрясли меня, что папа вынужден был держать меня с помощью лекарств в полусонном состоянии. Вы, наверно, и сами это знаете?

— Конечно, — кивнул Крафт. — Ты же провела несколько часов на нашем корабле, когда люди Кубышки обыскивали ваш.

— Мы действительно полетели потом на ту отдалённую планету, где я вынуждена была провести пару недель в одном из санаториев, пока окончательно не пришла в себя. Анна подправила тамошние регистрационные записи так, будто мы с папой находились на этом курорте и во время событий на Анархии. Пришлось, конечно, и заплатить кое-кому за молчание и поддержку. Словом, когда к нам позднее, уже дома, пришли люди из соответствующей имперской службы с вопросом, почему одна из выставленных пиратами на торги рабынь очень похожа на меня, папа просто пожал плечами.

— В мире много похожих людей, — ответил он. — Потому и столь популярны шоу двойников.

Елена рассмеялась и сделала несколько глотков из бокала, который нервно сжимала во время рассказа в ладонях.

— Не знаю, поверили ли нам, — продолжила она. — Но больше пока не беспокоили, и когда папа в очередной раз попросился на пенсию, его не стали удерживать, хотя ранее всегда отклоняли такие просьбы.

— Мы с Майком, конечно, никогда не упоминали о вас с профессором во время многочисленных допросов и интервью, — сказал Крафт. — Да нам до сих пор так и неизвестны ваши настоящие имена!

— Спасибо вам за это, — горячо поблагодарила Елена. — Нас с папой легко бы вычислили, и никакие курортные записи бы не спасли! А зовут меня, действительно, Лена. Точнее — Элен. Но это же неважно?

— Конечно! — поддержал её Смит, наполняя опустевшие бокалы. — А фамилию ты всё равно скоро сменишь.

— Зачем? — удивилась Лена.

— Так замуж выйдешь! Как тебе нравится, например — Элен Смит?

Все, кроме Анны, засмеялись.

— Не могли бы вы рассказать мне о гибели Анархии? — попросила Елена. — Я ж тогда была, можно сказать, растением: спала, ела и ничего не соображала. А папа старается избегать эту тему, боится тревожить меня. Я, конечно, видела официальные репортажи, но кто же им верит?

— Да, в общем-то, всё было почти так, как показывали в телерепортажах, — нерешительно начал Смит, вопросительно посмотрев на Крафта. Тот пожал плечами и кивнул — продолжай, мол. — Торги прошли в намеченный срок. Вас с Машей на них, конечно, не было. Объяснили это «резким ухудшением здоровья из-за неудачных попыток самоубийства». Такие случаи на Анархии случались и раньше. С бедной Линдой, например. Так что никто не удивился.

Люди Кубышки раз за разом безуспешно обыскивали станцию и корабли, власти Анархии никого не выпускали, даже Халид-бея. Люди начали роптать, всеобщее недовольство действиями главного интенданта нарастало. Мы тоже сильно нервничали, опасаясь за твоё и Машино здоровье. И профессор приказал Анне выложить в космонет от имени Кубышки секретные сведения о том, как пираты финансировали избирательную кампанию нашего президента и военные походы вашего императора. Оказалось, что такие записи действительно хранились среди секретных файлов личного компьютера Кубышки.

— Так это сделала ты, Анна? — с удивлением посмотрела на андроида Елена.

— Нам всем очень хотелось отомстить Кубышке, — смущённо пояснил Крафт.

— Что тут началось! — с воодушевлением продолжил рассказ Смит. — Президент заявил, что обнародованные документы — фальшивка, и приказал Космофлоту уничтожить Анархию. Император тоже отрицал любые связи с пиратами и в свою очередь объявил им войну. Два сильнейших военных флота двинулись к Анархии, и на станции начался сущий ад! Буквально все гости и даже некоторые пиратские экипажи хотели как можно скорее убраться подальше от обречённой станции, но охрана никого не выпускала. Боевые лазеры держали под прицелом всех и вся.

Мы с помощью Анны, подключившейся к тайным сетям наблюдения пятёрки главарей Анархии друг за другом, были в курсе всех происходящих событий и планов пиратской верхушки. О беглых рабынях все забыли, даже Кубышка. Главари спорили о том, использовать ли им гостей в качестве живого щита или нет? Кроме Халид-бея, главного евнуха Императора, на Анархии, как оказалось, в это время тайно находился и Андрэ

Кикумори, личный представитель президента Солнечной Федерации, прибывший просить очередную порцию спонсорской помощи! Пиратам было заманчиво иметь на руках два таких козыря.

С другой стороны, именитые гости имели при себе немалую охрану. Их люди могли стать пятой колонной, и поэтому придётся отвлечь значительные силы на нейтрализацию возможного удара в спину, когда к Анархии приблизятся военные корабли Федерации и Империи. То же самое касалось и всех остальных гостей и ненадёжных пиратских экипажей.

В конце концов, главари решили пригласить к себе на совет Халид-бея и Кикумори. Кубышка клялся им, что это не он вбросил в космонет секретные материалы, но ему никто не верил. Главари Анархии попросили Халид-бея и Кикумори донести до их властителей, что война никому не принесёт пользы. Надо как-то привести возникшую ситуацию ко взаимовыгодному состоянию. Пиратская республика в лице главного интенданта обязуется публично подтвердить, что обнародованные документы о связях глав Империи и Солнечной Федерации с пиратами Анархии — фальшивка, провокация, направленная на то, чтобы ввергнуть мир в бессмысленную войну.

— Мы даже готовы пойти на материальную компенсацию за причинённый моральный ущерб, — выдавил из себя на этой встрече Кубышка. — В разумных пределах, конечно.

Короче говоря, ворота Анархии открывались для кораблей Халид-бея и Кикумори. Все остальные гости должны были остаться в качестве заложников. Нас это никак не устраивало. Опять затяжка времени. А если пираты договорятся о мире и компенсациях, то опять вспомнят о сбежавших рабынях и начнут их поиск. Но даже если этого не произойдёт, и пираты на радостях всех выпустят, любой корабль, покидающий Анархию, наверняка обязательно проверят либо федералы, либо имперцы. А профессор не мог допустить, чтобы его захватили и узнали, и поэтому он предложил нам новый план побега. Кровавый план. Но только в хаосе всеобщей битвы могла появиться возможность скрыться без досмотра. И мы организовали такой хаос...

Смит закашлялся и потянулся к своему бокалу.

— И что же вы сделали? — нетерпеливо спросила Крафта Елена.

— Мы с Анной отправились на корабль Рыжего Пайка, — нехотя продолжил рассказ Крафт, давая Смиту возможность отдохнуть и смочить пересохшее горло. — Ведь теперь это был мой законный трофей. Команда собралась в кубрике и как раз занималась выборами нового капитана. Пираты не собирались отдавать корабль мне. Думали, война с Федерацией спишет им нарушение законов Анархии. Они хотели свергнуть меня и захватить в плен, как представителя вражеской армии. Анна перенесла нас прямо в рубку, и мы слышали споры пиратов по включенной трансляции.

Я заблокировал дверь в рубку, и как только ворота космопорта открылись, выпуская караван Халид-бея и личную яхту Кикиморы (другого имени этот подонок не достоин), Анна запустила двигатель, мы вклинились в строй выходящих в космос кораблей, благо находились с ними в одном ангаре. На вызовы охраны мы не отвечали, в дверь рубки колотили чем-то тяжёлым, она стала краснеть, раскаляясь — видимо, пираты палили в неё из бластеров. Как только мы вышли в открытый космос, я включил связь и увидел на экране разъярённого Кубышку.

— Капитан Крафт! — в ярости прорычал он. — Так это вы? Немедленно вернитесь. Ели вы попытаетесь покинуть Анархию без разрешения, я прикажу боевым лазерам порезать ваш корабль на мелкие кусочки.

— Мы в мёртвой зоне, главный интендант, — ответил я. — Ваши лазеры меня не достанут. И я вышел с вами на связь только для того, чтобы вы не искали больше ни меня, ни мою жену. Этот пиратский корабль вовсе не собирается покидать Анархию. Ждите нас!

Я отключил связь. Анна быстро запрограммировала бортовой компьютер, и мы телепортировались назад, в мою каюту, где нас с нетерпением ожидали Мария и Майк. Сдав меня с рук на руки, Анна исчезла. Видимо, вернулась на ваш корабль.

Дальнейшее не раз транслировали все телеканалы как Федерации, так и Империи. Пиратский корабль, ведомый запрограммированным Анной автопилотом, всё более ускоряясь, полетел прямо на центральный шар станции. Халид-бей записал эту атаку и неплохо заработал на продаже телеканалам. Взрыв атомной электростанции Анархии уничтожил правящую верхушку пиратской республики и превратил боевые лазеры в груду бес-

полезного металла. Сверкающее огнями «колесо» станции погасло. Пленённые на космодромах корабли разнесли ракетами двери ангаров и вырвались в космос. Началось массовое паническое бегство. Мы тоже не стали ждать и рванули навстречу армаде Космофлота. Теперь от вас мы узнали, что и профессору удалось незаметно скрыться. Вот так вот всё и произошло.

Разумеется, на допросах мы с Майком говорили, что я в последний момент покинул пиратский корабль на спасательной шлюпке. Про Анну, конечно, никогда не упоминали. Как и про телепортацию, в тайну которой профессор нас так и не посвятил.

— Ну, думаю, я могу теперь немного приоткрыть вам завесу, — смущённо взглянула на Анну Елена. — В общих чертах, конечно, потому что все подробности папиного изобретения мне тоже неизвестны. Что вы знаете о теории суперструн, о бранах?

— Ничего, — в замешательстве признался Крафт и вопросительно взглянул на Смита.

— Я тоже в музыке не очень разбираюсь, — пожал плечами Майкл.

— Музыка тут ни при чём, — улыбнулась Елена. — Теория суперструн утверждает, что кроме известных нам трёх измерений — длины, ширины и высоты — должны существовать и другие.

— А как же время? — оживился Смит. — Оно же вроде считается четвёртым измерением.

— Речь о пространственных измерениях, — пояснила Елена. — А время — это из другой оперы. Так вот, по теории струн мы, трёхмерные существа, живём в трёхмерном пространстве-бране, которое в свою очередь погружено в четырёх, пяти или более мерное пространство. Но эти дополнительные измерения нам пока недоступны. Предполагается, что там действуют совершенно иные энергии и поля.

— Параллельные миры? — с умным видом спросил Смит.

— Можно и так сказать, — кивнула Елена. — Есть мнение, что так называемые «летающие тарелки», которые люди часто наблюдают в космосе и на планетах, как раз и есть гости из соседних измерений.

— Всё это, конечно, интересно, — вздохнул Крафт. — Но я не вижу связи...

— Ладно, оставим теории, — с облегчением сдалась Елена. — Мой папа занимался в одной из секретных лабораторий Империи изучением остатков потерпевшей крушение «летающей тарелки». Прорваться в соседнюю брану не удалось. Видимо, не хватает энергии. Создаётся некий канал, но из-за недостатка мощности он загибается петлёй и ведёт назад, в нашу брану, но в другое место. Чем не телепортация?

— Но нас перемещала Анна! — в недоумении ответил Крафт. — Неужели в её теле профессору удалось поместить мощнейший источник энергии?

— А это и есть папин секрет, который он не открыл никому! — торжествующе воскликнула Елена. — В корпусе Анны вмонтирован аккумулятор совершенно иной, пока неизвестной в официальной науке энергии. Именно она позволяет перемещаться между бранами. Но, конечно, этот аккумулятор недостаточно ёмок и позволяет создавать канал не более ста километров. Будь иначе, друзья, папе не понадобилась бы ваша помощь для моего спасения. А заряжает этот аккумулятор установка, разработанная папой в его домашней лаборатории. Она спрятана в двигательном отсеке нашего корабля. Прорваться в параллельный мир, побывать в соседней бране — заветная папина мечта.

— Что ж, — сказал Крафт. — Желаю профессору успеха в его работе. Я твоему отцу по гроб жизни обязан: без его помощи мне никогда не удалось бы освободить Машу. А все наши денежные проблемы в сравнении с этим — ерунда! Раз мы вместе, то преодолеем и их.

— Так для этого я и нашла вас! — воскликнула Елена. — Ведь и папа без вашей помощи вряд ли бы смог спасти меня.

Она обернулась к стоящей у дверей Анне и нетерпеливо махнула ей рукой. Та подошла, вынула из внутреннего кармана комбинезона два маленьких конверта, отдала их Елене и вернулась на свой пост.

— Вот, это папа просил передать вам, — Елена положила конверты на стол. — Здесь номера счетов в некоторых трансгалактических банках и пароли к ним. Счета номерные, на предъявителя, так что у вас не будет никаких проблем с получением денег.

— Не понимаю, — нахмурился Крафт. — Профессор решил

заплатить нам, как наёмным работникам, что ли?

— Конечно, нет, — смутилась Елена. — Как ты мог такое подумать?

— Тогда, что это за деньги? — требовательно спросил Крафт.

— Эй, друг, полегче! — примирительно вмешался Смит. — Я уверен, профессор не хотел нас оскорбить. Просто он узнал о наших проблемах и решил помочь. Так ведь, Леночка?

— Конечно! — горячо откликнулась девушка. — Отцу и в голову бы не пришло обижать тех, кто помог спасти меня.

— Спасибо, — нехотя взял один из конвертов Крафт. — Передай профессору: мы обязательно вернём всё, что потратим. Я не знаю, когда это будет, но...

— Вы меня опять неправильно поняли, — смущённо перебила его Елена. — Это — ваши деньги. Вы ничего моему отцу не должны!

— Наши? — удивился Крафт. — Не понимаю...

— Папа просил вам напомнить о счетах, на которых главари Анархии держали свои личные деньги. А также о тайных счетах, с которых финансировались предвыборные кампании вашего президента и военные походы нашего императора. После гибели Анархии, эти средства лишились своих хозяев. А Анна, как оказалось, успела во время слежки за Кубышкой и его партнёрами узнать и скопировать в свою память не только личные тайны пиратской верхушки, но и их финансовые секреты. В конвертах — ваши доли. Можете считать эти деньги законным трофеем или компенсацией за потери и пережитое.

Смит вскрыл свой конверт и присвистнул.

— Ай, да профессор! Да тут столько, что и мои будущие внуки не смогут полностью потратить.

Он в возбуждении вскочил и бросился к бару.

— За это надо обязательно выпить! И не вздумай, Леночка, настаивать на соке. Такую новость надо отмечать хорошим вином.

— Так ведь вино, Майк, это тоже в своём роде сок! — весело рассмеялся Крафт. — Леночка, а Анна когда-нибудь пьёт?

«Холодной буквой трудно объяснить...»

...Арбузно пахло свежескошенной травой, а мы сидели в стогу и пили шампанское...

Я лежу в тёмной грязной халупе, но аромат разрезанного арбуза на столе возвращает меня в прошлое.

Ах, Михайло Юрьич, я внимательно прочёл Ваши повести обо мне. Вы сделали из меня героя, этакий пример для подражания. И, возможно, сочтёте моё послание к Вам проявлением чёрной неблагодарности. Однако по воле Божьей я стою на пороге смерти. Дни мои сочтены. И поэтому я хочу исповедаться, но не равнодушному и чуждому мне священнику, коий тоже позже получит свою часть моих излияний, а Вам — человеку, изучившему мои дневники, знающему меня лучше кого-либо, попытавшемуся «отмыть чёрного кобеля добела» в глазах света.

Я благодарен Вам за всё, что Вы сделали и продолжаете делать для восстановления моей репутации в свете. Я понимаю, что делаете это Вы вовсе не для меня, а исключительно из любви к моей сестре, Вареньке. И всё же, примите мою искреннюю благодарность.

Вы, конечно, не могли не заметить, что дневники мои, волей случая попавшие к Вам, весьма не полны? Возможно, Вас терзали мысли, что же было на вырванных страницах? Рассказы Вареньки, людей, знавших меня, а главное — Ваша необыкновенная фантазия заполнили пробелы, но я должен теперь открыть всю правду обо мне.

Как Вы знаете, мне было девятнадцать лет, когда я впервые влюбился в девушку, которую знал с самого детства — в Верочку Ростову. Сей факт довольно подробно описан в моём юношеском дневнике. Мы тогда жили в Москве. Наше сближение и тайные встречи мною подробно описаны, я не буду повторяться. Расскажу Вам лишь то, чего не посмел доверить дневнику.

В те сладостно-безумные дни я жил только любовью к Верочке. Забросил Университет, забыл не только про занятия, но и даже про экзамен и, как следствие, остался без аттестата. Но меня сей факт нисколько не озаботил, а на все вопросы матушки я отговаривался, что экзамен перенесён на несколько недель. Что мне было до Университета, когда мы с Верочкой уже нача-

ли постигать науку объятий и поцелуев! Однако обман вскоре вскрылся. Собравшийся консилиум дядюшек и тётушек завершился решением отправить меня в Петербург, в Юнкерскую школу. Там, говорили дядюшки, меня приучат к дисциплине.

Уехать в Петербург, расстаться с Верочкой — это было выше моих сил. Почти на коленях я вымолил у матушки позволение вступить в Н... гусарский полк, стоявший под Москвой. Мы с Верочкой продолжали встречаться, обмениваться признаниями и поцелуями.

И вдруг открылась Польская кампания! Наш полк должен был принять в ней самое активное участие. И вот, однажды, я приехал проститься. Верочка была очень бледна. Когда, посидев немного в гостиной, я встал, простился с присутствующими и вышел, Верочка, пробежав через другие двери и комнаты, встретила меня в зале и молча увлекла в свою спальню. Крепко сжимая мою руку, она произнесла неверным голосом:

— О, Жорж, я хочу быть твоею! Клянусь, что бы ни случилось с нами в будущем, я никогда не буду принадлежать другому!

Бедная, она дрожала всем телом. Я, впрочем, тоже. Предстоящее было ново для нас обоих. Именно этот момент и перевернул всю мою жизнь.

У меня ничего не получилось. Совершенно. Не буду вдаваться в подробности, да это и не требуется: Вы должны прекрасно догадаться сами, Михайло Юрьич, что именно я тогда испытал, и почему ничего не написал в дневнике. Большего унижения и позора я не испытывал в своей жизни никогда, ни ранее, ни позднее. Опрометью сбежав с лестницы, я вскочил на коня и поскакал домой. А вечером к матушке пришёл от Ростовых лакей просить склянку с какими-то каплями и спирту. Он сообщил, что «барышня очень нездорова и раза три была без памяти».

Произошедшее было страшным ударом для меня. Я целую ночь не спал, чем свет сел на коня и отправился в свой полк.

Говорят, я храбро дрался. Никто не знал, почему я так безрассудно рвусь в бой. Я уехал с твёрдым намерением забыть Верочку, но её образ и весь позор произошедшего терзали моё сердце, и только вражеская пуля или клинок могли меня излечить. Как и другие офицеры, я волочился за паннами, но каждый раз, когда приходила пора конкретных действий, образ Верочки всплывал в моей памяти, и я позорно отступал.

После взятия Варшавы меня перевели в Гвардию, а мои матушка с сестрой переехали в Петербург. Там я тоже вовсю волочился за барышнями. Но только волочился. Особенно усердно и публично я имитировал увлечение уже несколько перезревшей Лизаветой Николавной Негуровой. Ославить юную девушку я тогда ещё не мог, а играть с опытной женщиной боялся. Лиза была ни то и ни другое. Высокая самооценка, и как результат, отказ нескольким женихам, привели к тому, что свататься к ней уже никто не пытался. Так что перейти кому-либо дорогу в своих ухаживаниях за Лизой я не мог. И опытной женщиной она не была. Прекрасная ширма!

Проблема была в том, что долго так продолжаться не могло. По Петербургу поползли слухи о нашей скорой свадьбе. Скоро они дошли и до Москвы, до Верочки. Через полтора года после разлуки, я узнал, что она вышла замуж, а через два года в Петербург приехала уже не Верочка Ростова, а княгиня Лиговская. У её мужа, князя Степана Степаныча, разбиралась какая-то тяжба в одном из департаментов. Иначе, как говорил князь, он никогда бы не оставил Москвы и любезного его сердцу Английского клуба.

Приезд Верочки был весьма кстати. Я не мог жениться на Лизавете Николавне. В то же время наш разрыв должен был в глазах света иметь какую-либо достойную причину. Ставить на карту репутацию ещё одной барышни я не хотел. А вспыхнувшая с новой силой любовь к Верочке — прекрасное объяснение разрыва с Негуровой. К тому же Верочка, теперь — княгиня Лиговская, замужняя дама. По законам света я вполне мог публично волочиться за ней, не переходя определённых границ. Да и сами эти границы меня вполне устраивали.

Вы спрашиваете себя, зачем мне репутация ловеласа? Не проще ли мне было прослыть женоненавистником? Проще, конечно, тем более что даже не пришлось бы притворяться. Однако мне нужна была ширма, как я Вам уже писал ранее. Не знаю, как сейчас, но в то время, Михайло Юрьич, в свете не было ничего страшнее, чем попасть в «историю». Благородно или низко вы поступили, правы или нет, но раз ваше имя замешано в «историю», вы теряете всё: расположение общества, карьеру, друзей, уважение! Говорить о вас будут два дня, но страдать за это вы будете двадцать лет. Так вот, мне нужна была ширма,

чтобы скрыть от глаз света мою «историю». А имя этой «истории» — Станислав Красинский.

Тут мне придётся вернуться назад, во времена Польской кампании. После одного жаркого боя наш эскадрон остановился на отдых в усадьбе Красинских. Сам пан был недавно убит в бою, и его вдова и сын Станислав носили траур. Однако это не помешало нашим офицерам устроить в их доме пирушку. В подвалах нашлось шампанское, в амбарах — закуска. Когда на коленях победителей стали повизгивать дворовые паненки, я вышел во двор.

Стояла тихая южная ночь. Не было слышно ни выстрелов, ни взрывов. Воздух был чист от пороховой гари и трупной вони. Я вышел за ворота усадьбы и пошёл в поле. Поступок, конечно, глупый, но жизнь, как Вы знаете, в то время мне была совсем не дорога. Я упал в стог свежескошенной травы и заплакал.

И тут появился он, Станислав Красинский. Я думал, он пришёл мстить за отца, порубленную шляхту, разорённые усадьбы, но это оказалось не так.

Мы проговорили почти до рассвета. Недалеко курился дымком плохо затушенный косарями костерок, а мы сидели, обнявшись, в стогу, окружённые запахами свежего сена, в котором почему-то отчётливо присутствовал аромат свежего арбуза, и пили шампанское прямо из горлышек бутылок. Я рассказал Станиславу всё — мне давно необходимо было выплеснуть из себя этот сгусток боли. Странно, я совершенно не помню, что мне отвечал Станислав. Помню только, что его слова действовали на меня исцеляюще, но смысл их совершенно стёрся из моей памяти.

Под утро выпитое шампанское стало искать выход. Помогая друг другу, мы выбрались из стога и отошли к серому пепелищу угасшего костра. Восходящее солнце осветило два журчащих ручейка, вспенивших холодный пепел. Наша моча смешалась, как и наши жизни. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Тяжесть ушла из моей души. Встретившись прошлым утром врагами, этот рассвет мы приветствовали самыми близкими друзьями.

Мы вернулись в стог, ставший нашим брачным ложем. В эту ночь я стал мужчиной. Вы прекрасно знаете, Михайло Юрьич,

наши учителя: древние греки и римляне, не считали такую любовь за преступление или нечто постыдное. Однако наше общество, узнав правду, тут же отвергло бы «уродцев». Вот почему сей факт никогда не был отражён в моих дневниках.

Наш эскадрон простоял в усадьбе Красинских несколько дней, и каждую ночь «наш» стог становился единственным свидетелем родившейся любви.

Именно Станислав рассказал мне историю испанского ловеласа дона Хуана.

— Выбирай самую известную и неприступную красавицу, — говорил Станислав. — Чем известней и неприступней она будет, тем лучше. Пусть окружающие убедятся в твоей «любви» к ней. Если и когда крепость всё же падёт, ты просто выберешь себе новый объект «страсти». Все будут уверены, что ты проучил зазнавшуюся красотку. Вы даже можете говорить окружающим правду, что ничего меж вами не было. Всё равно никто не поверит. Ты получишь репутацию дона Хуана, а это отличная ширма для нас.

По окончании Польской кампании, Станислав с матерью перебрались в Петербург. Я помог им устроиться, через знакомых матушки сделал протекцию Станиславу в один из департаментов. Наши интимные встречи возобновились. Для их сокрытия мне и нужна была ширма, коей стала, сама не подозревая об этом, Лизавета Николавна Негурова.

И вот когда наши отношения с Лизой подошли к грани, за которой необходимо было решаться на брак либо разрыв, в Петербург приехали Лиговские. Наши отношения со Станиславом были настолько прочны и безоблачны, что он посоветовал мне убить двух зайцев одновременно: сменить ширму и имитировать возрождение старой страсти к Верочке. Роман с замужней дамой избавлял от каких-либо разговоров о грядущем браке.

Однако тут Станислав промахнулся. Не зря говорится, что первая любовь не ржавеет. Встреча с Верочкой вновь перевернула мне душу. И ранее меня самого это почувствовал Станислав. Его ревность была страшна. Она превращала этого красивого, как греческий бог Аполлон, юношу в сущего демона, уродливого Гефеста. Он почти забросил службу, преследуя меня по пятам. Красинский добился в департаменте передачи ему дела князя Лиговского и тем самым получил доступ в дом князя, где я бывал

практически ежедневно. Он растратил почти все свои сбережения и деньги, вырученные от продажи усадьбы, лишь бы быть рядом со мною в Александринском или какой-либо ресторации. Его постоянное присутствие и безумные взгляды стали замечать окружающие. С таким трудом сотканная ширма грозила рухнуть. Наши всё более редкие встречи стали отравлять жаркие споры и глупые упрёки. Всё это постепенно убило мои чувства к нему. Я стал избегать Станислава, и даже однажды специально публично высмеял его в ресторации у Феникса, когда он, как обычно, попытался устроиться за соседним столиком. Я умышленно провоцировал дуэль, хоть это и грозило «историей». Всё же вляпаться в дуэль — гораздо меньшая история, чем если б открылась вся правда наших отношений.

Станислав, наконец, понял и поверил, что между нами всё кончено. Я ждал от него публичных истерик, подмётных писем, согласия на дуэль, но... Его любовь ко мне оказалась сильнее. Однажды вечером, когда, окрылённый вновь расцветшим чувством к Верочке, я летел к Лиговским, торопя кучера тычками в спину и обещанием «на водку», какая-то фигура вдруг бросилась под копыта рысака...

Смерть Станислава Красинского была долгой и мучительной. И все ужасные часы агонии я провёл у смертного ложа, держа его за руку и слушая хрипы раздавленной груди. После похорон я подал рапорт о переводе на Кавказ. Такова, Михайло Юрьич, моя тайна, которую Вам так хотелось узнать.

Мои кавказские приключения, столь увлекательно описанные Вами в «Герое нашего времени», весьма меня позабавили. Однако исповедь моя должна быть продолжена. И тут я могу, уже не вдаваясь в излишние подробности, просто поведать суть поступков, кои в основе своей имели весьма мало общего с описанными Вами.

Мой путь на Кавказ лежал через Тамань. Да, было всё: халупа на берегу, старуха с дочкой, Янко-контрабандист, слепой мальчишка, обокравший меня. Но дочка хозяйки вовсе не была красавицей. Тощая, чёрная от загара и грязи белобрысая девица с выступающими передними зубами и неразборчивой речью. Я никогда бы не смог увлечься подобной особой. И даже не удосужился узнать её имя. Причина нашего возможного сближения

крылась в другом.

В полку и позднее в Петербурге я много покуролесил с друзьями, но никогда не участвовал в оргиях с девицами определённого сорта. Во-первых, я просто не знал, как вести себя с женщинами, а во-вторых, в среде гуляк было принято обсуждать подробности подобных развлечений, и я боялся, что, в случае повторения моего позора, сей факт сразу же станет достоянием всеобщего обсуждения и насмешек. Если Верочка Ростова никогда никому ничего не рассказывала о том роковом вечере, то общедоступные девицы вряд ли будут молчать.

Но в Тамани всё было по-другому. Я был там проездом, меня никто не знал, и к тому же наутро я уезжал и никогда больше не собирался туда возвращаться. Поэтому я решил сделать ещё одну попытку сближения с женщиной.

Идя на свидание с подружкой Янко, я дрожал, как и в тот первый роковой день у Ростовых. Однако меня ободряло то, что дочка хозяйки, в отличие от Верочки, явно не была неопытной целомудренной девушкой, и я решил предоставить ей всю инициативу действий. Это решение чуть не привело к моей гибели. Моё счастье, что Янко опоздал на наше свидание, и коварная девица не стала его дожидаться, попытавшись в одиночку меня утопить. Эти обстоятельства и моё напряжённое состояние (девица, по-видимому, считала, что я расслаблен и усыплён её примитивными ласками и бессвязным лепетом) спасли мне жизнь, но совершенно не прибавили мне уверенности и опыта в отношениях с женщинами.

Потом была Бела. Вы, Михайло Юрьич, красиво всё описали в своей повести. Но в основе похищения черкешенки была совсем не любовь, а всё то же моё желание «стать как все». Это была третья попытка. Бела идеально подходила для моих целей. Похищение оторвало её от родных и знакомых. Азамат — единственный человек, могший увидеть Белу у меня, сам вынужден был скрываться. Бедняжка общалась только со мной и Максим Максимычем, которому, конечно, не стала бы ничего рассказывать.

Я не буду описывать Вам подробности, но, в конце концов, третья попытка увенчалась успехом. У меня, ведь, было достаточно времени и желания для приобретения соответствующего

опыта. Мои неуверенность и страх перед женщинами прошли. А так как у Белы не было никакого опыта в данной области отношений, а для меня она была лишь инструментом, то скоро рядом с нею я стал испытывать только скуку и чувство вины за содеянное. Наша общая неопытность внушила мне мысль, что я знаю отныне всё, что бывает меж женщиной и мужчиной. Между тем, внушив Беле привязанность ко мне, я не смог разбудить и развить в ней женщину. Но тогда я этого ещё не понимал. Трагический конец этой истории Вы прекрасно описали в своей повести.

И, наконец, мы подходим к ещё одному ключевому моменту, круто изменившему мою жизнь. Я говорю о нашей третьей встрече с Верой, столь интригующе описанной Вами. Это самая слабая часть Вашей повести обо мне, Михайло Юрьич. Но здесь нет Вашей вины, просто Вы не знали глубинных причин моих поступков. Трагедия в том, что в желании обелить меня Ваш талант писателя превратил прекраснейшего человека, Сашу Грушницкого, в дурака и подлеца. Увы, это так, и именно сия несправедливость, а вовсе не Ваши настойчивые просьбы, подвигла меня на эту исповедь.

Я любил Сашу Грушницкого. В нём смешались русская кровь с польскою, и, видимо, поэтому он сразу же по нашему знакомству напомнил мне Станислава Красинского. Грушницкий был столь же юн и красив внешне, и даже фигуры у них были одинаковы. Только первый был блондином, а второй — брюнетом.

Скоро я почувствовал, что влюблён в Грушницкого. Будучи его непосредственным командиром, я постарался стать в его глазах героем. Скоро Саша меня просто боготворил. Я был счастлив. Единственное, что вызывало у меня тревогу — это безрассудная храбрость молодого юнкера. Он так мечтал отличиться передо мною, что буквально лез под пули. Я стал его идеалом, другом и наставником во всех делах, как военных, так и личных.

В одной из стычек с горцами, Грушницкий закрыл меня от черкесской пули своим телом и был тяжело ранен. И уже мне теперь пришлось, рискуя жизнью вытаскивать его из боя. К счастью, всё окончилось хорошо. После госпиталя Грушницкому вручили за храбрость солдатский георгиевский крест. Не каждый офицер имеет сию награду. Мечта Грушницкого сбылась:

он стал героем. Чтобы окончательно залечить ранение, его отправили на воды, в Пятигорск. Там лечились многие наши офицеры.

Я ужасно скучал по Грушницкому. Тут как раз пришёл приказ о присвоении ему офицерского звания, и я, отпросившись в отпуск, тоже отправился в Пятигорск, чтобы вновь соединиться с ним и сообщить радостную новость.

Наша встреча прошла не так, как я ожидал. Вот когда я вновь вспомнил Станислава Красинского! На сей раз уже мне пришлось побывать на его месте: Грушницкий влюбился в Мери, княжну Лиговскую, и в первые же минуты нашей встречи смущённо признался мне в этом.

— Ты поймёшь и простишь меня, как только её увидишь, — лепетал он.

А я, ещё не будучи знаком с княжной, уже яростно ненавидел её.

— Саша, опомнись, ни одна женщина не будет любить тебя так, как я!

Но он не желал слушать. Наконец, в отчаянии, я прокричал:

— Ладно, давай держать пари, что не пройдёт и двух недель, как твоя Мери влюбится в меня, человека не юного и внешне довольно неказистого, а с тобою даже разговаривать не захочет?

Грушницкий только рассмеялся и с жалостью посмотрел на меня.

Дальнейшие события описаны Вами, Михайло Юрьич, не слишком далеко уходя от внешней правды. А теперь я сообщу Вам внутреннюю.

Неожиданный приезд Веры перевернул все мои замыслы. Как всегда в её присутствии я совершенно забыл свои прошлые привязанности и планы. Грушницкий, княжна Мери, оказавшаяся родственницей Веры по первому мужу, глупое пари — всё это стало вдруг совершенно не важно для меня, превратилось в ширму, скрывшую от чужих глаз нас с Верой. Мы уже не были, как ранее, юными и неопытными. Вера была вторично замужем и столь же несчастно, как и в первый раз. Я тоже познал к тому времени женщин, страх перед близостью с ними давно покинул меня. Но ни с одной из них мне так и не удалось испытать счастия взаимной любви.

Я перестал волочиться за княжной и даже прямо сказал ей,

что не люблю её. Однако было уже поздно. События тянули меня в бездну, я перестал их контролировать. И вот настала та ночь, когда Грушницкий с драгунским капитаном застигли меня, выходящим из дома Лиговских. Дуэль с Грушницким разрушила моё горькое счастье с Верой.

Я убил его! Хладнокровно и намеренно убил храброго честного юношу, у которого вся жизнь была впереди. И все вокруг это знали. Знал я сам, в первую очередь.

Дорогой, Михайло Юрьич, как же Вы с Вашим умом и талантом рассказчика могли так бездарно описать нашу с Грушницким дуэль? Ведь любому здравомыслящему читателю сразу бросится в глаза, что Грушницкий вовсе не лгун и не подлец, как Вы изволите уверять от моего лица. И он, и драгунский капитан говорили чистую правду: они были искренне уверены, что я на их глазах выходил ночью от княжны Мери. И, несмотря на все гадости, что я сделал Мери и Грушницкому, последний яро спорил с капитаном и долго не соглашался на дуэль со мною. И вовсе, как Вы понимаете, не из трусости. Это я настоял на поединке.

Даже перед самой дуэлью Грушницкий всё ещё готов был на примирение. Вы сами пишете, как на предложение доктора Вернера окончить поединок миром, Грушницкий отвечает:

— Объясните ваши условия, и всё, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...

Это я отверг мир и выставил неприемлемые условия прекращения дуэли: потребовал от Грушницкого публичного признания во лжи, в то время как и он, и его соратники были полностью уверены в своей правоте!

Несмотря на всё то гадкое, что я сделал и продолжал делать Грушницкому, тот нашёл в себе силы не возненавидеть меня и выстрелить мимо. Вы сами офицер, Михайло Юрьич, и должны знать, что промахнуться в тех условиях было невозможно даже штатскому, впервые взявшему пистолет в руки. И уж тем более не мог дать промах боевой офицер, почти год проведший в стычках с черкесами, награждённый «георгием» за храбрость. Грушницкий пощадил меня, врага, разрушившего его счастье, предавшего былую дружбу, опозорившего его любимую. Грушницкий пощадил меня, а я его нет. Я просто убил его, сделав одновременно всех присутствующих соучастниками хладнокров-

ного и подлого убийства, а не свидетелями благородной дуэли.

Зачем я это сделал? Я спасал Веру. Её имя никто не трепал, но, ведь, Мери тоже знала, что я в ту ночь выходил не от неё. Во всём доме никого, кроме Веры и княжны не было. Моё последнее объяснение с княжной и её матерью, отказ от брака, всё расставили по своим местам. Муж Веры был отнюдь не глуп и поспешил увезти её в неизвестность.

В одночасье я лишился всего, стал изгоем. Даже доктор Вернер избегал меня, а когда мы всё же случайно где-либо встречались, я читал ужас в его глазах. Все двери для меня были закрыты. Я вновь попал в «историю», причём в такую, из которой не было выхода.

Вскоре пришёл приказ о моём увольнении из армии, и я покинул Россию. Дальнейшая моя жизнь прошла в азиатских странах, где я не мог встретить никого из знакомых. Меня там никто не знал, и мои наклонности и пороки не могли никого погубить...

Прощайте, Михайло Юрьич, берегите Вареньку. Вряд ли моя исповедь поможет Вам в намерениях сделать из меня героя нашего времени.

Искренний Ваш почитатель, Георгий Александрович Печорин.

Чёрный следопыт

...В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

— Бластер! — изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белесый туман облака. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали струи раскалённого пара — Горгона наугад резала укрывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание, и Быстрову конец. Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела из пистолета расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и ту тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

— Чёрт возьми! — выругался Быстров. — У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара — держать её на прицеле в болтанке полёта было весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся невдалеке берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил вдогонку удирающему врагу заряд из парализатора. Опомнившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

— А, вот и ты, — шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. — Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем, Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени, значит дело — дрянь.

— Знакомьтесь, — продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив него незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. — Это — наш коллега из Уголовного розыска, полковник Романов. А это — наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени, лейтенант Быстров.

— Николай, — чуть привстав, протянул через стол руку Романов.

— Сергей.

— Ну, вот и познакомились, — жизнерадостно промурлыкал шеф, и у Быстрова от его довольной улыбки заныли зубы. — Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

— Знаешь, кто такие чёрные археологи? — спросил Быстрова Романов.

— Конечно, — кивнул тот. — Раскапывают курганы, места былых сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

— Вам с ними приходилось сталкиваться? — повернулся к шефу полковник Романов.

— Нет, — ответил тот. — Путешествие в прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма богатым людям. Чёрным археологам он не по карману. А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в прошлом сделать не может.

— К сожалению, у нас сложилось иное мнение, — хмуро сказал полковник Романов. — Кто-то летает в прошлое, минуя ваш контроль.

— Этого не может быть! — вскочил Быстров.

— Сядь, Сергей, — успокаивающе улыбнулся ему шеф. — Сядь и слушай дальше.

— В Москве есть некий антиквар — Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в интернет, — продолжил полковник Романов, когда Быстров сел на свой стул. — Жена одного из наших сотрудников работает в Налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приоб-

ретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомый предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе продаж магазина, и его практически немедленно, то есть — в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник — Горгона.

— Ну и что? — нервно спросил Быстров. — Ясно, что интернет-магазин Беридзе — просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что — легализует краденое?

— Нет, — отрицательно покачал головой полковник Романов. — Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более того, они вообще не числятся в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

— Ну и причём тут мы, Патруль времени?

— А притом, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Того самого Святослава, сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенеги на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенеги отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

— А откуда уверенность, что это именно та серьга?

— Горгона прилагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

— Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, — убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбки шефа. Но почему козлом отпущения выбран

он?

— Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время. — Вмешался шеф. — Это пока технически не возможно.

— Это ваша проблема, — развёл руками полковник Романов. — Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

— А мы-то вам зачем? — раздражённо спросил Быстров. — Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

— Пробовали, — вздохнул полковник. — Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось. Обычные почтовые коробки без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

— А деньги?

— Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из Швейцарских банков. Это номерной счёт. Горгона может управлять им по интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем — банк не даст никакой информации, так как невозможно без суда объявить Горгону преступницей.

— А за что её судить? — мрачно спросил Быстров. — Горгона никого не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

— В этом-то и проблема, — уныло ответил полковник Романов. — Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи. Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

— А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, — жёстко произнёс шеф. — Какие у тебя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался.

— На самом деле, уйти от нашего контроля очень легко...

— Вот как? — недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. — А подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

— Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защите и контролю людьми, совершающими полёт в прошлое, — медленно начал Быстров. — Но бывают моменты, когда кто-нибудь из наших подопечных исчезает с глаз патрульных.

Например, заходит за дерево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот откуда?

— Поясни, лейтенант, — прервал Быстрова полковник Романов. — Я что-то не понял, о чём ты.

— Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, — Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. — Универсальный пояс хрононавта, сокращённо — УПХ. Пряжка — сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемопереводчик со всех известных языков, рация — словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

— ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Колосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенутто Челлини, — восторженно стукнул по столу рукой полковник Романов.

— Вот именно, — крякнул от досады шеф. — А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как покинула его, и, как ни в чём ни бывало, вновь появляется перед коллегами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

— Подождите! — воскликнул полковник Романов. — Но вы же сказали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше время.

— Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, — возбуждённо ответил Быстров. — Закопать, например. А, вернувшись из прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

— Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? — озабоченно спросил полковник Романов.

— Элементарно! — небрежно взмахнул рукой шеф. — Так же, как ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у самой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной стеной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко переходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

— Повезло, что антиграв отказал уже во время приземления, а не в полёте над морем, — пробормотал Быстров, разглядывая торчащие вокруг острые зубья скал. — И всё же «посадка» была жёсткой...

Быстров вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвинтив крышку, он вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за сутки не умрёт, но и оставаться на месте падения нельзя: на равнине полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-нибудь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт от нападения местных отрядов — в запасе осталось не более двадцати парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив пистолет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к морю, Быстров стал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторожной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за которой раздавались звуки плача. Перед ним в широкой нише, прижавшись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня» — отметил про себя Быстров, разглядев короткую белую тунику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

— О, Посейдон, пощади меня! — прорыдала девушка.

«Древнегреческий» — определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по этому языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскочила, закрыв лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастная прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась меж осколков окатанных морем

валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

— Не бойся. Я — друг, — тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, приникла к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячей от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

— Сейчас я освобожу тебя, — сказал он, с сочувствием глядя на её поникшую, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

— Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

— Ты свободна, — он поднял с песка покрывало и накинул его ей на плечи. — Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

— Ты что? — удивился Сергей. — Уходи, ты свободна!

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

— Почему?

— С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

— Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

— Кто мне поверит? — грустно улыбнулась девушка.

— Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, — предложил Быстров. — А утром, когда всё будет кончено, вернёшься домой.

— Ничего не выйдет, — вздохнула та. — В двух полётах

стрелы от этого места — и на равнине, и по обе стороны берега — караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикуют к стене, а тебя либо убьют, либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрывало, села и с безнадёжной тоской стала глядеть на море.

— Да уж, положеньице, — вздохнул Быстров. — Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадёжно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бластер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что, ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дождаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнцепёке — пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

— Ты решил умереть вместе со мной?

— Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступить в заведомо безнадёжный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

— Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

— Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, — улыбнулся Быстров. — Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

— Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдаться!

— Я тоже воин, — устало ответил Сергей. — Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

— Ну что, Старшой, забьём быка? — достав из кармана монету, спросил Генка Гор. — Чур, мой «орёл»!

— Давай, — легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

— Решка! — разочарованно вздохнул Генка, поднимая монету. — Опять мне трястись на вонючей кобыле.

— Зато тебе везёт в любви, — засмеялся Быстров, бросая окурок в урну утилизатора. — Где ты только находишь своих красоток?

— Места надо знать! — самодовольно усмехнулся Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. — После вас, сударь.

Они вошли. Миновав столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

— Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? — спросил Генка, запуская «Корриду».

— Нет уж, — надевая шлем ВР, ответил Быстров. — Твои красотки мне не по карману. У меня нет папаши — олигарха!

— Да брось ты, Старшой! — заржал Генка. — Я угощаю!

— Мне хватает адреналина на работе, — не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. — А когда затишье, как сейчас, — в виртуалке.

— Не любишь ты меня сегодня, — укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем ВР. — Почему?

— Завидую, — криво улыбнулся Быстров. — Так что, поехали? Или будем и дальше лясы точить?

— Поехали! — И Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандерилий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячась от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменистой земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновенье, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подъехав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрыхлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи, и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древко, держа его почти у самого наконечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим и, когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестевшую от пота и крови шкуру, обнажая уязвимое для удара шпаги место между широкими костями лопаток — единственную «ахиллесову пяту» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взбешённый бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя во-

круг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка бандерилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого наконечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило. Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспороло толстую шкуру быка. Промах! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, поднял её вместе со всадником и, мотнув головою, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

— Торо! — взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и кричала лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злобы. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнулся: клинок вошёл в «ахиллесову пяту» быка. Тот резко остановился, шатаясь сделал пару шагов, роняя кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он, и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей от ужаса рабыни. Горячие слёзы прочертили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

— Ни хрена себе! — ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в приход чудовища. Ждал кого

угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая волна отбросила Быстрова назад, в нишу. Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновенье, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

— Ты остановил Смерть! — вдруг услышал он её удивлённый голос.

— Что? — Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне парализатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

— Почему ты его не убиваешь? — спросила девушка. — Избавь нас от этого чудовища!

— Уже, — ответил Быстров, складывая и убирая в контей-

нер плащ. — Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

— Андромеда. А кто ты?

— Ну, раз ты — Андромеда, то я — Персей, — засмеялся Сергей. — Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

— А как же наши воины?

— Теперь я их не боюсь.

— И не должен, — раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышел десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

— Кто вы? — стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. — Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

— Я — Ксанф, начальник стражи Неарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

— Днём? — удивился Быстров.

— Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг, Горгона, тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

— Что ты сказал? — воскликнул Быстров. — Горгона у вас?

— Да, — ответил Ксанф. — Он сказал, что будет говорить только с тобой.

— Ты сказал «он»? — поразился Быстров. — Горгона — мужчина?

— Да, — в свою очередь удивился Ксанф. — Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

— Горгона назвал тебе моё имя? — уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

— Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

— Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно

скорее.

— Персей... — замялся Ксанф.

— Что ещё?

— Разреши нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

— Ладно, — махнул рукой Быстров. — Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того, этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был выпить, и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада например, их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением Эрота с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

— Этот датчик ты прикрепишь к щиту Алкивиада. — Протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка, размером с ноготок. — Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя, Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя — вот

эту кнопку. Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть, сбежать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обманывают ли меня Ксанф с Неархом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооруженные мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадящие факелы. Где-то позади остались царь Неарх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распахивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

— Ну, здравствуй, Старшой, — пронзает мне сердце знакомый голос. — Дождался-таки...

— Оставьте нас, — приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнёзда, выходят.

— Генка Гор, — с горечью шепчу я. — Так это ты — Горгона?

— Я, — не отрицает очевидное мой лучший друг. — Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

— Что с тобой? — бросился я к нему.

— Не трогай! — остановил он меня. — Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не мог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег моря. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

— Завтра я доставлю тебя в лучшую больницу, — мои ноги подкосились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

— Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дождаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

— Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

— Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по рации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что защита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

— Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

— Оставь, — удержал меня Генка. — Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг — хватило остатков заряда бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь — часть этого мира.

— Эх, Генка! — со злостью ударил я кулаком об пол. — Зачем?

— Не переживай, Старшой, — хрипло ответил он. — Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

— Я не про это, — мой голос тоже звучал хрипло. — Зачем ты стал «чёрным археологом»?

— Ради денег, конечно, — криво усмехнулся Генка. — Я ж детдомовский. Как подрос, меня тут же выперли на улицу — живи, парниша, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то я и прибился к «чёрным копателям». Но вскоре Крот, наш главарь, погорел на сбыте найденного нами оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной горячей точки в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там один хмырь в штатском предложил мне перейти на службу в Патруль времени.

— Зачем же ты теперь-то подался в «чёрные археологи»? У нас жалованье побольше, чем в армии. Иль на баб не хватало?

— Я не в археологи пошёл. Скорее, в следопыты — искал конкретные вещи, затерянные во времени. Сопровождал както одну группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чин-

гисхана. Услышал спор учёных о том, каким образом в голом поле пометить место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то мне и пришло в голову, как можно модернизировать бизнес «чёрных археологов» и заработать на достойную жизнь.

— Что ты называешь достойной жизнью? — разозлился я. — Хождение по бабам и кабакам?

— Это всё внешнее, Старшой, — сплюнул сгусток крови Генка. — Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал ребятам и девчонкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я никому не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

— В Робин Гуды метишь? — горько усмехнулся я. — Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их неправедно нажитого добра.

— С какой стати? — хищно оскалился Генка. — Я же делал всё сам, один.

— Один? — в ярости закричал я. — А кто принимал на почте без должного оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по заказанным артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

— Значит, считаешь меня злом? — тихо сказал Генка. — Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

— Мы думали об этом, — вдруг сказал Генка. — Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в нашем времени, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть — время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в

двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля времени, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в нашем времени. Думаю, что они не станут столько ждать, ведь я не маньяк-убийца и не военный преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

— Не совсем, — нехотя признал я. — До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

— Найти мало, Старшой, — сжал мою руку горячими пальцами Генка. — Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты поможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

— Как?

— Ты прав, я не гений, — усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеёк потёк у него из уголка рта. — Моё время на исходе.

— Так не теряй его, говори, что надо сделать!

— Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как им надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответил я.

— Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, горячая рука вскоре начала холодеть...

Ночь и вся жизнь

— Отстань! Не тронь меня! — взвизгнула за окном очередная девица.

В ответ послышались пьяный хохот и невнятное бормотание мужских голосов.

Иван Петрович раздражённо перевернулся на другой бок. Рядом шумно вздохнула во сне жена. С тех пор, как майская температура неожиданно подскочила к тридцати градусам, ночи для Ивана Петровича превратились в мучения. Шумные пьяные компании молодёжи орали за окнами спальни чуть ли не до утра. Юнцы и девицы возвращались парочками и группками из открывшегося три года назад на берегу Оки клуба. Те из них, кому клубные цены были не по зубам, устраивали «вечеринки» на берегу реки, прямо на пляже, и уборщики по утрам выгребали оттуда мешки мусора и пустых бутылок. Громкий хохот, мат и женский визг теперь не дадут спать жильцам окрестных домов до поздней осени. Конечно, с осенним похолоданием ночные гулянки не прекратятся. Просто исчезновение удушающей жары даст возможность людям закрыть окна и тем самым хоть как-то отгородиться от пьяного орева молодёжи. И ладно бы эти ночные гульбища были по выходным, но нет: хохот и вопли за окном раздаются каждую ночь!

«Где они только деньги берут на ежедневные гулянки? — задумался Иван Петрович. — Мы вот, с Анютой, оба работаем, уже давно ничего не откладываем на сберкнижку — всё заработанное как-то незаметно уходит на еду и прочие насущные нужды. Внукам, опять же, то гостинчик, то одёжку какую везём. А эти, молодые парни и девки, явно нигде не работают — как и где можно работать после ночных пьянок-гулянок? Но деньги, судя по всему, у них всегда есть! Откуда? И чего они каждую ночь «празднуют»? Почему их не грызёт забота о завтрашнем дне?»

Мысль о завтрашнем дне заставила Ивана Петровича вновь перевернуться с одного бока на другой.

«Так что же мне ответить начальнику цеха?» — тоскливо вздохнул он. Вчера сбылись самые жуткие его опасения.

Тридцать лет назад, отслужив, как и все его друзья, в армии, вернулся Иван Петрович в родную деревню под Саранском. Женился на Анюте и затосковал. Скучно после армии показа-

лось ему дома. Все развлечения — регулярные драки стенка на стенку, русская деревня против мордовской. А тут как раз вербовщик появился. Сказал, что заводы Подмосковья объявили «оргнабор» рабочих. Обещают жильё и прописку! Своих, местных кадров растущим предприятиям не хватает.

— Можно, конечно, и в самой Москве устроиться, — рассказывал вербовщик обступившим его парням. — Но я вам не советую: не любят москвичи «лимитчиков». А у нас, в Подмосковье, совсем иной народ, примет вас, как родных. А в Москву, если уж так захочется в музей или театр сходить, можно и в выходной съездить. Электрички ходят регулярно.

Так Иван Петрович оказался в подмосковной Коломне. В московские театры и музеи он так и не попал, хотя регулярно мотался в столицу по выходным: всё время съедали очереди за мясом, колбасой, одеждой и прочими необходимыми вещами, купить которые можно было только в Москве.

Завод показался Ивану Петровичу огромным. Начал он простым формовщиком в чугунолитейном цехе. Анюта устроилась там же, крановщицей. Работа была тяжёлая, зарплата... Хватало. Не деньги в то время были главным — работали «за квартиру». И они с Анютой получили-таки свою «двушку» в новом микрорайоне. Далековато, конечно, от завода, и с транспортом поначалу была напряжёнка. Анюте приходилось вставать чуть свет, чтобы успеть отвести сына в ясли. Но постепенно всё наладилось. В быстро растущий микрорайон пустили дополнительные маршруты автобусов, протянули трамвайную ветку. Вскоре здесь появились свои магазины, детские сады и школы. Стихийный пляж на берегу Оки обзавёлся буйками, «лягушатником» для детей, кабинками для переодевания и барханами песка.

К тому времени Иван Петрович заочно окончил местный политехнический институт. Анюта заставила. Самому ему и школы хватало за глаза.

— Не век же тебе здоровье в формовщиках гробить, — сказала Анюта. — Посмотри вокруг: у одних к сорока годам «вибрация рук» или силикоз лёгких, у других вообще такая инвалидность, что на одни лекарства только и работают! Квартиру мы уже получили, теперь надо и о себе позаботиться.

Большинство заводских мастеров и начальников цехов имели точно такие же дипломы, полученные в своё время «без от-

рыва от производства». И как только Иван Петрович похвастал в цеху новой «корочкой», начальник тут же предложил ему перейти в мастера. Желающих поработать в «чугунке» «за квартиру» в то время было с избытком, на все три смены хватало, а вот в мастерах народ не задерживался — старались при первой же возможности перейти в «чистые» цеха, где шума поменьше, и воздух почище.

Когда Иван Петрович рассказал жене о полученном предложении, та откровенно обрадовалась.

— «Горячий стаж» теряю, — нерешительно пытался возражать Иван Петрович. — И в зарплате...

— «Тёплого» хватит! — решительно заявила Анюта. — Лучше чуть дольше поработать, но зато здоровье сохранить.

Жизнь складывалась. Постепенно обставили новую квартиру, сын Колька пошёл в школу, росли сбережения на заведённой в Сберкассе книжке. Анюта ушла с завода и устроилась работать на новой почте, что построили рядом с их домом. Теперь Колька был практически под присмотром матери. Той нужно было только перейти дорогу, чтобы накормить обедом сына. Будущее представлялось ясным и стабильным.

И вдруг откуда-то вынырнул Горбачёв. Ивану Петровичу сначала было забавно слушать косноязычные, пространные речи нового Генерального секретаря КПСС. Народ в цеху откровенно потешался, каждый старался обязательно ввернуть в разговор какое-нибудь «углУбить», «консенсус» или смачно произвести «плюрализм».

Потом грянул ГКЧП, затем Ельцын влез на броневик. Иван Петрович вспомнил, как радовались все вокруг, когда Ельцын объявил о запрете КПСС. Рухнул ненавистный диктат партии. Все были уверены: завтра начнётся новая, свободная и счастливая жизнь!

«Отныне мы будем получать за свой труд настоящие деньги, а не гроши, — говорили вокруг. — Мы теперь сами хозяева нашего завода».

А Иван Петрович вертел в руках бумажку, на которой было напечатано, что он является владельцем сорока трёх обычных и двенадцати привилегированных акций, и не знал, что с ней делать. Привычный, стабильный уклад жизни рухнул. Ясное ра-

нее будущее закрыл плотный туман неизвестности. В отличие от окружающих, Иван Петрович теперь уже не верил в светлое будущее. Это раньше он твёрдо знал, что никогда и нигде без работы не останется. Что каждый месяц получит за свой труд вполне конкретные деньги, которых хватит на еду, оплату жилья, и даже останется, что отложить на сберкнижку. Что в положенное время он выйдет на пенсию, которой тоже хватит на все его насущные нужды. Что если он заболеет, его будут бесплатно лечить. Что его дети и внуки бесплатно получат образование в школах и институтах, а потом их обязательно обеспечат работой.

«Чего же ещё им не хватает? — думал Иван Петрович, с недоумением глядя на ликующих сослуживцев и соседей. — Зачем они всё рушат? О каком светлом будущем кричат, если повернули всё вспять, в капитализм?»

Иван Петрович был твёрдо уверен, что его предки, как и миллионы других рабочих и крестьян, не зря пролили потоки крови, свергая капитализм, в надежде на лучшее будущее. Может быть, у них и не всё получилось так, как им хотелось и мечталось. Так исправляйте! Улучшайте! Зачем же опять всё рушить и возвращаться к тому, что уже столь кроваво и трудно отвергалось? Какое же светлое будущее может быть в тёмном прошлом?

Народ хлынул с завода. Как грибы после дождя росли вокруг всяческие фирмы и фирмочки, базары и рынки, магазины и ларьки. Торговать импортными продуктами и тряпками стало выгодней, чем «горбатиться» на производстве.

При коммунистах завод работал в три смены, при хозяевах еле осиливал одну. Вместо обещанных высоких зарплат начались месяцы задержки её выплаты. Теперь народ побежал с завода уже не в погоне за лёгкой наживой, а чтобы не умереть с голоду. Многие поспешили продать свои акции за бесценок какому-то анонимному покупателю, оклеившему объявлениями о покупке акций завода все проходные. Иван Петрович тоже продал и вновь превратился из «хозяина» в наёмного работника.

— А чего их держать? — сказал он жене. — Всё равно по ним никаких дивидендов не платят.

Вскоре оказалось, что акции скупила какая-то иногородняя фирма. Новые хозяева сменили директора и начали «реоргани-

зацию» — сокращение работников. Первым делом отправили за ворота всех работающих пенсионеров. Затем принялись за «лишних» рабочих. Значительно поредевшие участки и бригады объединили. Часть ставших ненужными мастеров и бригадиров уволили. Ивану Петровичу повезло — ему предложили занять должность энергетика цеха, пойманного незадолго до этого в проходной завода в нетрезвом виде. Новое начальство не церемонилось с пьяницами и нарушителями режима — всех их немедленно ждали расчёт и увольнение. Иван Петрович ничего не понимал в работе энергетика, но вынужден был согласиться на перевод. А куда деваться? На других предприятиях города ситуация была ничуть не лучше, а порой и хуже! Его нигде не ждали. Пришлось вживаться в новые реалии.

Но неприятности на этом не закончились. Внезапно грянул какой-то «дефолт». Все сбережения Ивана Петровича почему-то резко обесценились. Цены в магазинах стремительно обрастали дополнительными нулями. Производство практически встало. Завод остановили на два месяца, а работников «отпустили в отпуск без содержания».

Иван Петрович был в ужасе: на что жить? Сын скоро кончает школу, собирается поступать в московский институт — это ещё пять лет надо парня кормить, одевать, оплачивать дорогущее московское жильё! Где на всё это деньги взять? Да и потом что сына ждёт? При коммунистах-то каждый был уверен, что без работы и зарплаты не останется. Иван Петрович помнил, как радовался увольнению парень, на место которого его назначили мастером. Оказалось, того прислали на завод «по распределению» после окончания института и сразу же сунули в «чугунку». Три года молодой специалист был обязан отработать там, куда пошлют. Как злобствовали при коммунистах на это «обязан»...

А если вдуматься, то нынешнее «не обязан» во сто крат хуже! Да, сына не пошлют три года отрабатывать пять институтских лет бесплатного обучения в какую-нибудь дыру, но и никакой другой работы никто ему не предоставит. А на каком производстве нужен новоиспечённый инженер без опыта практической работы? То-то и оно! Сейчас вон специалистов со стажем увольняют...

Позвали Кольку. Сынок, так и так, тяжело нам будет со-

держать тебя в Москве. Поступай в наш, коломенский. Жить будешь дома и питаться домашней едой, а не в сухомятку да по столовкам.

— Нет! — отвечает. — Я уже и сам передумал в институт поступать. Кому сейчас инженеры нужны? Все мои друзья на юристов и менеджеров учиться хотят.

— А разве этому не в институтах учат? — удивились Иван Петрович с Анютой.

— В институтах. Только я ни юристом, ни менеджером быть не хочу.

— А что же ты собираешься делать?

— На шофёра пойду учиться. Шофера всегда и везде нужны.

— Что ж, — согласился Иван Петрович. — Дело хорошее. На водительские курсы мы денег наскребём.

— Не надо, папа, — ответил Колька. — Меня бесплатно обучат, от военкомата.

— Как это — от военкомата? — всполошилась Анюта.

— Так ведь всё равно скоро в армию идти, раз в институт поступать не буду, — улыбнулся сын. — Лучше уж баранку крутить, чем на подводной лодке света белого месяцами не видеть...

Отучился. В ноябре проводили, а на следующий год Чечня напала на Дагестан! И от Кольки ни звонка, ни строчки! Сколько слёз Анюта выплакала, пока весточка пришла: жив, здоров.

Отслужил, вернулся. Действительно, здоров, ни царапины. Но другой! Пули и осколки не задели, а сын изменился. В церковь стал ходить. Комнату свою иконами и лампадками обвешал. А через три месяца привёл в дом девушку. И что только в ней нашёл? Маленькая, тощая, как говорится: в чём душа держится. Рыжая, глаз ни на кого не поднимает, бледное личико всё в прыщах и веснушках. Одета простенько, но чисто.

— Знакомьтесь, — сказал Колька. — Это Света. Мы решили обвенчаться.

Иван Петрович с Анютой только переглянулись. Уже знали, что возражать сыну бесполезно. У него теперь только один авторитет — церковный батюшка. Тот и познакомил Кольку с «хорошей девушкой». Прям в церкви. Сводник в рясе!

Сноха оказалась ярой богомолкой и сразу после свадьбы уговорила Кольку бросить «полный греха город» и переехать

в деревню, где её родители «отписали» им ветхий дом с огородом, заросшим бурьяном. Раньше в нём жила Светкина бабушка. Старушка к тому времени уже год как померла, и дом пустовал, постепенно разрушаясь без присмотра. Поначалу-то Иван Петрович с Анютой в эту деревню регулярно мотались. Помогали дом в порядок приводить и огород поднимать. Потом внуки один за другим народились...

«Да, часто в то время в ту деревню сумки с продуктами и вещами пёрли, — вспоминал Иван Петрович, ворочаясь на влажной от пота простыне. — А сейчас почти и не ездим. Нет сил глядеть на их житьё! Трое внуков у нас уже, скоро четвёртый будет. Живут все в страшной нищете, в грязи!»

Сын Колька при местной церкви устроился. Всё там делает: ремонтирует что-то, попа возит на церковной машине — словом, с раннего утра до позднего вечера там. Без праздников и выходных. Денег ему церковь почти не платит. Помогает иногда обносками: люди свои ненужные вещи и одежду в церковь приносят, а поп её «распределяет» нуждающимся. Колькиной семье в том числе. И сын со снохой тому попу благодарственные гимны поют. Не людям, пожертвовавшим свои вещи, а попу! Светка, конечно, нигде не работает. Колхоз давно ликвидировали. Молодёжь вся в город перебралась. В деревне остались одни старики и алкаши. Вот и сидит сноха дома, огород развела — с него и живут. Нет, не продают выращенное на базаре, как другие, а сами, что вырастили, то и едят. Дети мяса с роду не видали! Вегетарианцы все. Анюта поначалу пыталась что-то изменить, убеждала сына со снохой вернуться в город и устроиться на нормальную работу. Колька переезжать наотрез отказался.

— В городе везде соблазны и грех, — крестясь на иконостас в углу, сказал он. — Даже церкви там жиреют. А здесь, в деревне, прихожан мало, да и те в основном одни старушки-пенсионерки. Кто ж батюшке поможет?

— Да ты не батюшку, ты своих детей пожалей! — кричала Анюта. — Грязные, вечно голодные! Что их ждёт здесь, когда вырастут? В вашей деревне даже школы давно нет.

— Бог даст, проживём как-нибудь, — благостно улыбаясь, ответил Колька. — И дети вырастут.

— Да куда вы их столько рожаете-то? — не выдержал Иван Петрович. — Самим жрать нечего, а Светка опять с пузом ходит!

— Аборт — грех! — вскинулась сноха.

— Гре-ех?! — передразнила её Анюта. — Всё у тебя — грех! И мясо есть, и в городе жить, и работать нормально, и даже стиральная машина. А детей морить голодом — не грех? В чужие обноски одеваться — не грех? Ты ж целый день дома, почему же дети у тебя постоянно немытые и неухоженные? Сама ходишь, как пугало огородное, и детей в грязи держишь!

— Это не грязь! — завизжала сноха. — Грязь в душах людских, в городах ваших. Главное душу в чистоте содержать, а тело отмоется.

Так и не нашли общего языка и понимания. Вроде и есть у Ивана Петровича с Анютой сын, сноха и внуки, а в то же время и нет. Чужие стали друг другу.

Поселилось у Ивана Петровича внутри злое существо. Грызёт день и ночь, спать не даёт, насылает приступы тошноты и комки огненной горечи к горлу. Дерёт когтями в правом подрёберье. Анюта всё советует к врачу сходить, анализы сдать, на обследование лечь. А как идти? Вдруг врачи что-нибудь такое найдут, что заводская медкомиссия запретит Ивану Петровичу работать в «горячем» цехе? Уволят моментально! Слухи о грядущей второй волне сокращений постоянно усиливаются и никем из начальства не опровергаются. Тут хотя бы до пенсии на заводе удержаться. Бог с ним, со здоровьем: безработного оно вряд ли накормит. И Иван Петрович перешёл на диету: молочные супы и кашки, минимум соли и сахара, ничего острого и жареного. Анюта обложилась книжками народных рецептов, стала поить Ивана Петровича различными травяными отварами и настоями. Иван Петрович покорно всё пил, ел кашки и салаты, худел, но ни на что не жаловался.

Вторая волна сокращений его не задела. Завод опустел почти на половину. Несколько цехов вообще закрыли, оборудование продали или распихали по другим цехам. Затем хозяин вновь неожиданно сменился. Новый директор каждое утро самолично бегал по цехам, а потом проводил бесконечные совещания. Его приказы вызвали у заводчан шок. Ликвидировались все заводские склады и цеховые запасы! Директор лично совал нос в цеховые кладовые и если находил в них какие-либо запчасти к станкам и прочему оборудованию, начальник цеха лишался пре-

мии, а «нерадивый» хозяин кладовки (механик или энергетик цеха) — работы. Иван Петрович со слезами ненависти к высокопоставленным дуракам-разрушителям поспешил ликвидировать все свои запасы. Завод уже несколько лет не приобретал запчасти к оборудованию — на зарплату с трудом наскребали! О приобретении новых станков вообще никто не заикался. А теперь и остатки того, что хранилось на складах и в кладовых ещё с советских времён, было уничтожено по приказу нового начальства. Отныне любая поломка обветшалого, дышащего на ладан оборудования грозила катастрофой дорогостоящего простоя и не менее дорогого брака продукции.

По заводу поползли слухи, что новый директор вовсе не дурак. Говорили, что он уже «успешно» обанкротил несколько заводов. Работа у него такая — банкротить и ликвидировать предприятия. Видимо, для этого его и сюда прислали. У новых хозяев есть другие заводы, которым наш — явный конкурент. В условиях всеобщего спада производства и отсутствия достаточного количества заказов дешевле наш завод разорить и ликвидировать, чем конкурировать с ним, а тем более, поддерживать на плаву. Иван Петрович слушал всё это и не знал, верить или нет. Он не понимал, как же можно вот так просто взять и закрыть «градообразующее предприятие»? Умрёт завод, умрёт и город!

Вместе с заводскими складами и цеховыми кладовыми ликвидировали за ненадобностью и их персонал. Иван Петрович смотрел, как рыдает Клавка-кладовщица, получившая уведомление об увольнении, и глотал из фляжки анютин настой, чтобы утихомирить грызущего его внутренности зверя. С Клавкой все постоянно ругались. Это была тощая склочная бабёнка, упивавшаяся своей пусть небольшой, но почти абсолютной властью. Не раз Ивану Петровичу приходилось разбирать жалобы электриков на вздорную кладовщицу, не выдававшую необходимую запчасть для срочного ремонта сломавшегося оборудования без прямого распоряжения энергетика. А ведь Иван Петрович не сидел весь день в своём кабинете. То рапорт у начальства, то совещание, то на склад надо смотаться в поисках необходимых запчастей, то по цеху носится из конца в конец — поломки и аварии порой сразу в нескольких местах происходят. Конечно, электрики его искать не будут. Не даёт Клавка запчасть, ну и пусть подавится! Сядут у себя в каптёрке и в домино «козла за-

бивают». А оборудование простаивает, а за простой начальник с Ивана Петровича «стружку снимает»! А Клавка, вроде бы, и ни при чём: порядок соблюдать надо, требования и накладные подписывать. Без них кладовщица ничего выдавать не обязана.

— Да я потом все твои бумажки подпишу! — не раз кричал ей в ярости Иван Петрович. — Ты только выдай моим людям то, что они просят сразу, без волокиты.

Клавка каждый раз кивала, соглашалась с ним, но при очередной поломке знакомая история вновь повторялась. Сколько раз Иван Петрович просил начальника цеха сменить кладовщицу! Тот только разводил руками в ответ. Та ничего не нарушает. На работу не опаздывает и раньше не уходит. Формально уволить вздорную бабу не за что.

И вот, наконец, свершилось. Клавку уволили, но никакой радости это Ивану Петровичу почему-то не доставило. Он смотрел на рыдающую женщину, которой до пенсии оставалось всего три года, и с ужасом видел в ней своё собственное будущее.

За окнами взревели моторы. Пьяные голоса завопили: «Россия, вперёд!». Гулкой россыпью брызнули в ночное небо ракеты салюта. Тревожно вздрогнув, во сне заворочалась Анюта.

«Вот тоже — сборище идиотов! — разозлился Иван Петрович. — Болельщики, типа. Видать, наши кому-то забили гол. Ну, и радуйся у себя дома, перед телевизором, раз ты — болельщик. Зачем же всей компанией носиться на машинах и мотоциклах по ночным улицам и орать во всю глотку? Люди же спят! Многим с утра на работу. Или этим «болельщикам» тоже работать не надо, как и тусующейся по клубам и пляжам молодёжи?

Что-то я совсем не понимаю, что вокруг происходит, — пригорюнился Иван Петрович. — Откуда все эти люди берут деньги? Я всю жизнь работаю. Не в офисе штаны просиживаю, а на заводе, в «горячем» цеху вкалываю! Здесь всегда зарабатывали больше, чем в других местах: как-никак доплачивают «за вредность». Почему же мне сейчас едва хватает на жизнь, а эти развлекаются, нигде не работая? Как такое возможно?»

Очередной ком горечи подкатил к горлу, и Иван Петрович стал усиленно сглатывать обильную слюну, стараясь «затушить пожар». Когда приступ утих, Иван Петрович осторожно расслабил напряжённые мышцы и вздохнул. Что же всё-таки ответить

ему утром начальнику цеха? Анюта спит и не знает, что решается их судьба. Он так и не осмелился сказать жене, что очередная волна «реорганизации» накрыла, наконец, и его. «Сокращение управленческого аппарата» заводские «верхи» начали с «низов». Вчера начальник цеха вызвал Ивана Петровича к себе и показал соответствующую «бумагу» из дирекции.

— Цеховые службы механика и энергетика объединяются, — матерно выругавшись, сказал начальник. — Мы должны сократить либо механика цеха, либо тебя. Оставшийся будет отвечать за обе службы.

— Как это? — удивился Иван Петрович. — Это же совершенно разные службы!

— Вот так! — хмуро ответил начальник. Он закурил, встал из-за стола и отошёл к окну кабинета, повернувшись к Ивану Петровичу спиной. — Мы тут посоветовались и решили оставить механика.

— А я? — обмер Иван Петрович. До него, наконец, дошло, что происходит. — Меня куда? — прохрипел он в напряжённую спину начальника.

Тот молча докурил сигарету, потом резко повернулся, вернулся за свой стол, долго мял дымящийся окурок в переполненной вонючей пепельнице.

— У тебя два варианта, — наконец, ответил начальник. — Мы тут прикинули: тебе до пенсии осталось чуть больше четырёх лет. Но, оказывается, есть закон, по которому, учитывая твой горячий стаж, ты можешь выйти на пенсию уже сейчас. И я тебе настоятельно советую, Иван Петрович, иди в отдел кадров и немедленно начинай оформлять себе пенсию. Там про этот закон знают, ты не один такой на заводе.

— На пенсию? — растерялся Иван Петрович. — Мне?

— Тебе! — раздражаясь, повысил голос начальник и задымил новой сигаретой. — Не будь дураком: сегодня у тебя такая возможность есть, а завтра её вполне могут отменить. Посмотри, что творится у нас в стране и на заводе. Дают тебе пенсию раньше срока — бери, не раздумывай! Всё лучше, чем пособие по безработице...

— А какой второй вариант? — утирая дрожащей рукой обильный пот, спросил Иван Петрович.

— Могу перевести тебя в электрики, — пожал плечами на-

чальник. — Если отдел кадров позволит. Сам знаешь, это у нас единственная вакансия. Все нормальные электрики давно по частным фирмам разбежались. Остались одни бездельники и неумехи. Потянешь электриком?

Иван Петрович сделал неопределённый жест. Голос ему отказал. Какой из него электрик? Не хватает ему только на старости лет хлебнуть позора, да ещё на глазах своих бывших подчинённых: услыхать как и о нём когда-нибудь скажут: «Бездельник и неумеха». Или всё же попробовать? Не боги же горшки обжигают!

— Ладно, — махнул рукой начальник, — Иди, думай. Только не долго: ответ мне нужен завтра. А пенсию оформляй в любом случае!

Запикал электронный китайский будильник. Бессонная ночь, наконец, закончилась. Иван Петрович поспешно отключил противный сигнал. Решение принято. Вот и начался его последний рабочий день...

Махмудыч

Виктор Иванович маялся. До конца года оставалось почти четыре часа, значит, гостей ждать ещё не менее двух часов! Придут, как обычно, сваты и соседка Зинка. Дочка с зятем приведут внука Мишку.

Виктор Иванович с завистью смотрел в окно на бредущие по тротуару весёлые, явно уже поддатые компании. Через дорогу, в офисе торговой фирмы, давно гремит музыкой и танцами праздничный корпоратив. Несколько парней выскочили из дверей фирмы и начали готовить запуск шутих. Сквозь украшенные надутыми шариками и мигающими разноцветными гирляндами стёкла окон за ними следили оставшиеся в тепле помещения остальные сотрудники фирмы. Некоторые из них при этом что-то прихлёбывали из высоких бокалов.

Виктор Иванович выругался и задёрнул шторы. Когда же, наконец, закончится это мучительное ожиданье? Все были при деле: дочка с зятем повели внука во дворец на ёлку. Жена, Клавдия Петровна, заканчивает готовить закуски на кухне. Сваты час назад завезли какие-то кастрюльки и свёртки и тут же уехали по магазинам: что-то не успели найти и купить. И только Виктор Иванович маялся не при делах. Ёлка уже давно наряжена. Гирлянды исправно горят — Виктор Иванович проверил несколько раз. Ковры выбиты на свежевыпавшем снегу и вдобавок пропылесосены. Мусор вынесен. Праздничные гирлянды развешены. Все необходимые продукты закуплены. Подарки под ёлку сложены. Посреди комнаты в ярком свете отмытой накануне Клавдией Петровной люстры сверкает хрусталём бокалов и начищенным мельхиором вилок праздничный стол. Вазы горбятся румянобокими яблоками, оранжевыми мандаринами, жёлтыми апельсинами, зелёным кишмишем и лиловым виноградом. Исходя соком, нежится под радужными кольцами репчатого лука разделанная селёдочка. В салатницах аппетитно притягивают глаз давно обрусевший «оливье» и «фирменные» салаты сватьи: рыбный, из кальмаров, крабовых палочек, с зелёным горошком, кукурузой или ананасом — всех не перечесть. Любила и умела сватья готовить салаты. Розовели тарелочки с тонко нарезанной красной рыбой и докторской колбасой. Желтел и остро пах сыр. Аппетитно блестели маринованные грибочки, манили мятыми

боками солёные помидоры, зеленели пупырчатые огурчики. Но более всего притягивали жадный взгляд Виктора Ивановича несколько разноцветных и разномастных бутылочек, сгруппировавшихся в самом центре новогоднего стола. Тут были и блестевшая золотом фольги высокая бутыль розового шампанского «Абрау Дюрсо», и почти не отличающаяся от неё бутылка безалкогольной детской шипучки (для внука), хрустальный графинчик самодельной черносмородинной наливки (Клавдия Петровна сама делала!), нестандартная бутылочка таллинского бальзама, пузатый коньячок, «огнетушитель» белого вина и две бутылки водки. Эти две последние и вызывали маету Виктора Ивановича.

— Нет, ну кто сказал, что в последний день года надо пить только по расписанию? — возмутился Виктор Иванович. — Сначала проводить старый год, потом, после речи и тоста президента, под бой курантов встретить новый. Где это написано? В каком законе? Вон, — покосился Виктор Иванович на окно, за которым шумел корпоратив, — нормальные люди давно уже празднуют!

Эх, если б не категорический запрет Клавки...

Виктор Иванович в раздражении плюхнулся на диван и начал жать на кнопки пульта, переключая каналы телевизора. Везде пили, пели и бесновались одни и те же морды, осточертевшие Виктору Ивановичу и в будни: те же бессмысленные песенки, те же идиотские шуточки. Казалось, вся эта попсовая шатия-братия и типа поёт для себя любимой, и типа шутит для себя, сама себя при этом нахваливает и награждает. А Виктор Иванович и все прочие люди ей абсолютно без надобности.

Матерясь сквозь зубы, Виктор Иванович жал на кнопки пульта, благо в цифровой приставке к телевизору было каналов за сотню, и наткнулся, наконец, на старую советскую комедию. На экране возник уставленный бутылками и закусками стол. Вдоль него шёл как всегда пьяненький артист Вицин и громко возмущался скороспелостью нынешней свадьбы. Виктор Иванович с умилением смотрел, как Вицин, игравший отца многодетной невесты, мимоходом прихватывает со стола бутыль самогонки, укрывая её от глаз жены собственным телом, щедро плещет в гранёный стаканчик и смачно выпивает. Виктор Иванович даже сглотнул набежавшую слюну, так понравилась ему

увиденная сцена. Но бдительная жена, мать невесты, уже тут как тут, и коршуном бросается на Вицина.

— Не тронь! — кричит тот, не позволяя отобрать у себя бутылку и стакан. — Не тронь моё самосознание!

— Правильно! — подхватился с дивана Виктор Иванович. — Пусть президент по расписанию принимает. А у нас своё самосознание имеется!

Виктор Иванович грозно посмотрел в сторону кухни, где жена Клавка заканчивала варить в кастрюле картошку, жарить на сковороде мясо и тушить в духовке кролика. Ароматы с кухни доносились сногсшибательные. Виктор Иванович решительно цапнул со стола бутылку водки и резко крутанул пробку. Пробки на нынешних бутылках стали хитрые. Их не надо теперь выдёргивать штопором или снимать, разрывая алюминивую крышечку. Виктор Иванович взял фужер и потряс над ним бутылкой. Не вылилось ни капли! В нетерпении, Виктор Иванович крутанул пробку в другую сторону. Раздался оглушительный хлопок, вылетевшая пробка больно ударила Виктора Ивановича прямо в лоб, и из бутылки повалил густой белый дым. Виктор Иванович в панике выронил бутылку и рухнул на диван. Дым быстро уплотнился в тощую фигуру седобородого старика в зелёном восточном халате и чалме.

— Хоттабыч, блин! — растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая зудящий лоб.

— Махмудыч, — строго поправил его старик.

— Один хрен, — махнул рукой Виктор Иванович.

— Раба любой может обидеть, — скорбно промолвил джинн.

— Раб, значит? — усаживаясь поудобнее, начал соображать Виктор Иванович. — Любое моё желание исполнишь?

— Почти, — обречённо вздохнул Махмудыч. — Я — специалист по удовольствиям. Что желает хозяин?

— Для начала восполни недостачу на столе, — потёр руки Виктор Иванович.

— Понял, — сказал старик, вырывая волосок из своей длинной бороды. — Я читаю желания хозяина без лишних слов.

На столе появилась новенькая бутылка водки.

— Ну, раз без слов... — довольно улыбнулся Виктор Иванович и взял со стола фужер.

— Извини, хозяин, — развёл руками Махмудыч. — Я обе-

спечиваю удовольствия, а не отравление. Алкоголь — яд!

— То есть как? — удивился Виктор Иванович. — Что ты несёшь, старик? Что же тогда, по-твоему, удовольствия?

— Удовольствия бывают трёх видов, и все они связаны с мясом, — взмахнул широкими рукавами халата джинн. — Можно ездить на мясе, вкушать мясо и вводить мясо в мясо. Начнём с первого?

Старик дёрнул волосок из бороды, и перед Виктором Ивановичем возник живой конь. Виктор Иванович ойкнул и запрыгнул с ногами на диван.

— Настоящий арабский жеребец! — восхищённо прищёлкнул языком джинн.

Конь шумно вздохнул, взял губами яблоко из ближайшей вазы и смачно захрустел им.

— Каков красавец! — приплясывал рядом Махмудыч, гордо поглядывая на очумевшего Виктора Ивановича.

От жеребца, мягко говоря, пахло. В брюхе коня громко заурчало, он потянулся за вторым яблоком и начал задирать хвост...

— Убери его! — завопил Виктор Иванович, поняв, что сейчас произойдёт. — Немедленно!

— Хорошо, хорошо, — разочарованно дёрнул из бороды следующий волосок джинн.

Конь исчез. На вычищенном и пропылесосенном два часа назад Виктором Ивановичем ковре парила и воняла кучка свежего навоза.

— И это убери! — истерично взвизгнул Виктор Иванович. — И запах!

Махмудыч безропотно вырвал ещё один волосок.

Виктор Иванович слез с дивана и осторожно потрогал ковёр. Тот был чист и сух.

— Что случилось? — на крик Виктора Ивановича из кухни прибежала Клавдия Петровна. — Кто это?

— Дед Мороз, — отмахнулся от неё Виктор Иванович.

— Махмудыч, — обиженно поправил хозяина джинн.

— Какой ещё Махмудыч? — грозно спросила Клавдия Петровна. И тут она углядела в руке Виктора Ивановича фужер и валяющуюся на полу пустую водочную бутылку. — Та-а-ак! — протянула Клавдия Петровна. — Гостей дождаться не можешь? С первым встречным водку пьёшь! Алкаш несчастный!

— Объясни ей, — устало махнул рукой Махмудычу Виктор Иванович.

— Понял, — кивнул тот и дёрнул волосок из бороды.

Клавдия Петровна застыла на полуслове, переваривая информацию.

— Что, настоящий джинн? — вытаращилась она на Махмудыча.

— Второе удовольствие и без меня уже готово, — принюхался к кухонным ароматам Махмудыч. Клавка охнула и убежала на кухню. — Может, перейдём к третьему?

— Ты думай, что говоришь, — показал глазами на вновь появившуюся в комнате жену Виктор Иванович.

— А в чём проблема? — удивился джинн и дёрнул из бороды волосок.

На глазах Виктора Ивановича толстенькая полуседая Клавдия Петровна преобразилась в молодую фигуристую красотку, везде, где надо кругленькую и аппетитную.

— Ну, как? — гордо спросил Махмудыч и распахнул дверь спальни.

— Ой, — потрясённо воскликнула Клавдия Петровна, разглядывая себя в зеркалах трюмо.

— Да-а... — промычал Виктор Иванович. — Вот так Снегурочка! Ну, Хоттабыч! Ну, угодил.

Он потянулся к красотке, но та ловко вывернулась и больно треснула Виктора Ивановича по рукам.

— Не лапай! Ишь, шустрый какой.

— В чём дело? — возмутился Виктор Иванович.

— У нас тут не Восток, и я не в гареме, — сверкнула прекрасными очами Клавдия. — Удовольствие должно быть взаимным. От тебя и от молодого толку в постели было немного, а сейчас и подавно.

— Хоттабыч, — оскорбился Виктор Иванович. — Разберись.

— Махмудыч! — сквозь зубы прошипел джинн. — Хозяин хочет, чтобы его женщина получила удовольствие?

— Да! — рявкнул Виктор Иванович. — Хочу. Выполни её желание. И перестань меня всё время поправлять.

— Как угодно хозяину, — поклонился джинн и дёрнул волосок из бороды. Глаза его коварно блеснули.

«Интересно, в какого красавца он меня превратил?» — по-

думал Виктор Иванович и повернулся к трюмо. Но из зеркала на него смотрела знакомая пузатая фигура с лысой головой и плохо выбритым морщинистым лицом.

— Эй, Хоттабыч, в чём дело? — разгневанно обернулся к джинну Виктор Иванович.

Но вместо тощего седобородого старика перед ним стоял молодой красавец с фигурой Жана Марэ и лицом Алена Делона.

— Извини, хозяин, — ехидно ухмыльнулся красавчик. — Ты сам велел мне выполнить желание твоей жены. А теперь покинь спальню — пришла пора удовольствий.

— Верни всё в зад! — взревел Виктор Иванович. — Ну, Клавка...

— Не могу, — засмеялся Махмудыч, демонстративно поглаживая голый подбородок. — Придётся подождать, пока снова отрастёт моя борода.

Джинн ловко вытолкнул Виктора Ивановича из спальни и закрыл дверь.

— Ах ты, тварь! — заорал Виктор Иванович. — Неблагодарный раб! Я вам покажу удовольствия!

Виктор Иванович схватил с пола бутылку, из которой появился в его квартире наглый джинн, и со всей дури швырнул её в дверь спальни. Бутылка, как резиновая, отскочила от двери и долбанула Виктора Ивановича твёрдым донышком прямо в лоб. У того от боли и обиды из глаз брызнули слёзы. Он сидел на полу и ревел, как пацан, потирая лоб и размазывая по щекам слёзы и сопли.

— Витя, что с тобой? — вдруг услышал он над собой встревоженный голос жены.

— Пошла вон, шлюха! — рыдал Виктор Иванович. — Предательница! Возвращайся к своему Хоттабычу, или как там его.

— Нажрался уже! — зло вскрикнула Клавдия Петровна. — Не утерпел, алкаш несчастный.

Виктор Иванович протёр глаза. Перед ним стояла разгневанная жена. Не молодая сексапильная красотка, а родная, расплывшаяся от времени и забот Клавдия Петровна. В старом домашнем халатике, с подвязанным кухонным фартуком. Из-под косынки выбились пряди седых волос. От неё вкусно пахло жареным мясом и специями.

— А где джинн? — растерянно пробормотал Виктор Ивано-

вич, потирая шишку на лбу.

— Какой ещё джин? — закричала Клавдия Петровна. — Тебе что, водки мало? Вот придут к внуку Дед Мороз со Снегурочкой, у них и проси хоть джин, хоть виски. А сейчас немедленно наведи здесь порядок. Мне некогда за тобой прибирать. Скоро гости придут, а я ещё не одета.

И Клавдия Петровна ушла в спальню, громко хлопнув дверью.

Виктор Иванович услышал бульканье. Из лежащей рядом знакомой посудины джина Махмудыча толчками вытекали остатки водки. За окном с пулемётным треском взрывались петарды. Видать, испугавшись первого взрыва, Виктор Иванович уронил бутылку и, нагнувшись за ней, со всего маху приложился лбом о край стола.

Виктор Иванович поднял злополучную бутылку, встал и вытряхнул в рюмку остатки водки. Смакуя, выпил. Водка оказалась обычная, не палёная и не разбавленная. Виктор Иванович отнёс пустую бутылку в мусорное ведро. Взяв швабру, он задумчиво повертел её в руках и поставил на место.

— Ну, лужа на ковре, — подумал он. — И что? Не конский же навоз. Сама испарится.

«Вы что, водкой полы моете?» — вспомнилась ему фраза из спектакля «Дни Турбиных».

— Моем! — хихикнул Виктор Иванович.

Он достал из холодильника новую бутылку водки и, с опаской, посмотрел её содержимое на свет. Жидкость как жидкость, ничего постороннего не плавает. Виктор Иванович потрогал шишку на лбу и захохотал.

— Ну, Хоттабыч, попадёшься ты мне!..

О кошках и собаках

1. Начало, 60–е годы XX века

В детстве я ненавидел кошек. И не только я. Все ребята нашего двора были единодушны в этом вопросе. Мы любили собак. Держать их в квартире в то время никому в голову не приходило: мы жили в коммуналках и о том, что где-то кто-то живет в отдельной, без соседей, квартире, даже не слыхали. Собак мы держали во дворе, в узкой зелёной зоне палисадника вдоль дома, ограждённой низким, по колено, штакетником. Кормили сообща (кто чего упрёт со стола), сообща играли с ними. И в то же время у каждой псины был свой вполне конкретный владелец!

А кошки жили в квартирах со своими хозяйками. Старыми (на наш детский взгляд) крикливыми бабами, постоянно гонявшими нас из-под окон: мешаем, дескать, им своим криком и собачьим лаем спать — это среди белого-то дня! (О том, что эти женщины и их мужья работают в три смены на заводе, мы не задумывались).

Хозяйки кошек сражались с нами ежедневно и неутомимо, отвоёвывая дворовое пространство для своих пушистых любимцев. Они скандалили с нашими родителями. Уводили собак в другие районы Коломны и бросали там, в надежде никогда их больше не увидеть. Отдавали владельцам частных домов для охраны садов от наших же набегов. Ломали конуры.

Мы соответственно реагировали на агрессию: натравливали своих зубастых вечно голодных друзей на этих наглых сытых кошек, загоняя тех на деревья, где несчастные просиживали часами, пока голосящие хозяйки не бросались им на выручку. В конце концов, владелицы кошек и котов стали выгуливать их, как сейчас хозяева выгуливают породистых собак: без поводка и намордника, конечно, но не спуская с них глаз.

Тогда мы выработали «партизанский» метод борьбы с нашими общими врагами. Нужно было, проходя мимо бдящих в оба глаза хозяек, незаметно вынуть рогатку и влепить пушистому врагу заряд так, чтобы его хозяйка не поняла, почему это её любимица взвыла не своим голосом.

Так и продолжалась эта война. Хозяек кошек раздражали наши шумные игры под окнами, лай собак на прохожих (осо-

бенно по ночам) и необходимость лично выгуливать своих любимец. Нас — привилегированное положение кошек: почему им можно, а собакам нельзя жить по-людски? Их наглый высокомерный вид. Неожиданное перебегание дороги: сидит себе кошка на обочине и вдруг, ни с того, ни с сего, перебежит тебе дорогу и опять сидит уже на другой обочине! А главное — нам не нравились постоянные скандалы хозяек кошек, их попытки любыми путями избавиться от наших собак.

И вдруг всё закончилось. Вернее — начался ужас, закончившийся всеобщей пустотой и ненавистью.

Однажды, возвратившись из школы, мы не нашли своих любимцев в палисадничке под окнами дома. Сначала мы решили, что наши враги применили старый приём: увели собак в другие районы города и там бросили. Мы хихикали, предвкушая вопли кошачьих хозяек, когда наших любимцев вернут. Ведь у ребят других районов Коломны были те же проблемы, что и у нас. Пройти по чужой улице было чревато тяжкими телесными повреждениями. Но «собачья конвенция» была составлена и утверждена бандами всех районов нашего небольшого городка. И мы спокойно сидели в палисаднике, хихикая и смоля подобранные по дороге из школы «бычки». Ждали возвращения своих зубастых любимцев. Как вдруг в окно над нами высунулась утыканная бигудями голова и злорадно возвестила, что всех этих блохастых, гавкающих и повсюду гадящих бродячих тварей свели на мясокомбинат, где их переработают на мыло! И что во дворе, наконец, будет покой и порядок.

Мы не поверили. Просто не могли себе представить подобной жестокости у кого-нибудь, кроме фашистов из концлагерей, и бросились на поиски. Наплевав на осторожность и благоразумие, мы по одиночке (для быстроты и широты охвата) ринулись прочёсывать чужие районы и, в конце концов, давясь смрадом из труб, собрались у стен мясокомбината. Внутрь нас, конечно, не пустили, но факт доставки на комбинат партии бродячих собак подтвердили.

Говорят, детская жестокость не знает границ. Может, оно и так. Вспоминая себя тогдашнего, я не могу поверить, что всё дальнейшее было, и я принимал в нём активное участие. Мы озверели от горя и поклялись отомстить. Через неделю в нашем дворе не было ни одной кошки. Мы их убивали всеми доступ-

ными способами. Причём, старались сделать это как можно мучительнее. Вешали напротив окон хозяек, обливали бензином и поджигали (живых!). Бросали в заполненный мутной водой котлован строящегося рядом магазина и закидывали комьями земли и камнями, пока оглушённые и обессиленные животные не тонули. Я боюсь вспоминать, что мы делали ещё. Ни родители, ни милиция не смогли нас остановить.

Наш двор вымер. Ни собак, ни кошек. Рыдания хозяек не принесли нам облегчения. Наших слёз никто не видал...

2. 20 лет спустя

В детстве я ненавидел кошек. Я любил собак. И так продолжалось ещё двадцать лет, до середины восьмидесятых. После памятной «ночи длинных ножей», длившейся неделю, когда в отместку за убийство наших собак мы с ребятами извели всех дворовых кошек, у меня больше не было четвероногого друга. Я окончил школу, потом институт, несколько раз менял адрес, женился, получил, наконец, отдельную квартиру. И тут жена и дети завели разговоры, что неплохо бы заиметь собаку. Но страшные воспоминания, которые я, казалось, похоронил в самых дальних уголках памяти, неожиданно проявились и не давали мне ответить согласием. Я сам не понимал, почему так упорно возражаю — ведь завести домашнюю собаку было голубой мечтой моего детства. Я боролся с собой и с семьёй, и чем дольше длилась эта борьба, тем для меня становилось яснее, что никогда не смогу согласиться. Я говорил, что нас и так четверо в двухкомнатной квартире. К тому же, кого именно заводить? Я люблю маленьких пушистых («цирковых» — как мы называли их в детстве) собак, а жене нравятся большие колли и голые складчатые шарпеи.

Зато детям было всё равно, как Малышу из сказки о Карлсоне, живущем на крыше: абы какая, лишь бы собака. До сих пор у нас пожили морская свинка, хомячки, цыплята (съедены упомянутой свинкой, пока мы были на работе), подобранный на улице голубь (загадил всю лоджию, пока заживало повреждённое крыло), аквариумные рыбки (живут до сих пор). Почему бы ни добавить к этому списку и собаку?

Эта непрерывная «собачья атака» привела вдруг к тому, что я просто невзлюбил собак всех пород! Мечта детства стала чуть

не ежедневно отравлять мне жизнь. Мало того, на улице на меня вдруг стали кидаться эти «друзья человека», причём как домашние, так и бродячие (с роду ни на кого даже не тявкающие — кто иначе их будет кормить?). Что делать? Тросточек сейчас никто не носит, а с палкой по городу ходить... Пришлось найти чудом сохранившийся с «хиппового студенчества» солдатский ремень с позеленевшей пряжкой, утыканный почти полностью металлическими заклёпками. Ну, надо же что-то иметь под рукой, чтобы в случае чего отбиться от нападения! Жестоко, конечно, но ведь это не я на них бросаюсь ни с того, ни с сего! Кому охота ходить делать уколы от бешенства после собачьего укуса? Короче, эта последняя «соломинка» (нападения собак) окончательно перевесила чашу, и я категорически заявил жене и детям, что больше не желаю слышать о собаках никогда! И если кто-нибудь принесёт щенка в дом, уйду я.

Месяц прошёл более-менее спокойно. Окрестные собаки перестали обращать на меня внимание. И вдруг однажды вечером жена, вернувшись с работы, сразу закрылась с детьми в детской комнате. Там послышалась какая-то подозрительная возня, потом жена с дочкой забегали мимо меня, привычно лежащего на диване перед телевизором. Из дальнего угла шкафа на свет появились старые пелёнки, зажурчала вода в ванне. Причём и жена, и дочь, проходя мимо, старались на меня не глядеть, а на их лицах застыло одинаковое выражение упрямства и ужаса одновременно.

Сердце у меня упало. Звук телевизора как-то заглох и удалился, зато всё, что происходило за пределами моей комнаты, неожиданно приблизилось. Сын в детской врубил погромче своего любимого Элвиса, и я оглох. То есть перестал слышать, что там происходит втайне от меня, за пределами моего дивана.

Неужели свершилось? Они всё же сделали это? Наперекор мне! Как же жить дальше? И вот, когда от ужаса приближающейся встречи с... чем? Болью детства? Предметом ненависти настоящего? И того и другого сразу? Короче, когда неожиданно разбухшее сердце комком подступило к горлу, и шум крови в ушах заглушил голос Пресли, жена с дочкой вошли с виноватыми лицами в комнату и выпустили из пелёнки на палас передо мной мокрого взъерошенного... котёнка!

Глядя на это тощее, жалобно пищащее существо, трясущее

мокрыми после ванны задними лапками, я испытал сложное чувство. Огромное облегчение (что это — не щенок!), привычное неприятие кошек, обиду на жену, растерянность (не выбрасывать же теперь малыша на улицу!) и много иных чувств, которые вообще затрудняюсь определить.

Дочка со слезами на глазах сразу кинулась в атаку: она сама будет ухаживать, кормить, убирать и гулять. Жена упирала на то, что против кошек я с роду не возражал (а чего возражать, если о них речи никогда не было?). Видимо, их общий напор, а также наступившая реакция после жуткого напряжения последних минут, сделали своё дело. И я махнул рукой, что, мол, хватит давить. Я подчиняюсь обстоятельствам, сдаюсь и т.д. и т.п.

Так в нашей жизни появилась Ася. Имя предложил я, и так как жена с детьми сами не могли выбрать устраивающий всех вариант (а, может, чтобы задобрить меня, угрюмо слушавшего их спор), оно было опробовано на вкус, примерено и одобрено.

Первую неделю я боролся с котёнком, как мог. Почему-то Ася упорно старалась устроиться рядом со мной, а ещё лучше — на мне. Может, потому, что в отличии от постоянно перемещающихся по квартире домашних, я большую часть времени проводил лёжа на диване с книжкой или смотря телевизор. Я отпихивал её, орал дочке, чтобы забрала своё животное — оно, дескать, мешает мне отдыхать после трудового дня. Та, конечно, сразу прибегала, забирала котёнка в детскую, но через несколько минут всё возвращалось на круги своя. Жене на кухне не до котёнка, детям нужно делать уроки, один я вроде как не при деле!

В конце концов, я сдался, и Ася прочно обосновалась рядом со мной, а в дальнейшем буквально села (легла) мне на шею. Уже через месяц я часами просиживал неподвижно, стараясь не тревожить живой воротничок, тихо сопящий мне в ухо. Боль от остеохондроза шейного позвонка, часто не дававшая мне покоя, куда-то исчезала, смытая теплом кошачьего тела. Ночью Ася спала на моей подушке, нос в нос.

Жена с дочкой начали проявлять признаки ревности. Мало того, постепенно кормление Аси и уборка за ней как-то плавно перешли в мои руки. А уж за верёвочку с привязанным фантиком началась ежедневная борьба. Книги и телевизор отошли на второй план. Наблюдать за Асиными играми с фантиком, ша-

риком, пёрышком, собственным хвостом или с воображаемым противником (когда, выгнув спину, она боком на кого-то, видимого только ей, нападала или, наоборот, отступала) было гораздо интереснее.

И вот настал день, когда мы вынесли её во двор. Смотреть без улыбки, как это трясущееся существо робко обнюхивает каждую травинку и спасается на руках дочки от неожиданно прыгнувшего рядом кузнечика, было невозможно.

Следующим летом Ася стала признанной королевой двора. Среди рыжих, чёрных, серых, пушистых и гладкошерстных, она практически не имела конкурентов. Беспородная, пушистая (видимо, потомок сибирской), трёхцветная с золотым пятном на лбу и абсолютно бесстрашная. Собак она принципиально не замечала. Хозяйки других кошек оборутся, зазывая их домой. Ася бегала за нами по двору, как собачка. Её так и прозвали — «киска-собачка». Завидя кого-нибудь из нас, идущих с работы или из магазина, Ася бежала, мяуча, навстречу, тёрлась о ноги, и не взять её на руки было невозможно. «Поцеловавшись», она гордо оглядывала двор, но у подъезда вырывалась на землю и, задрав распушившийся хвост, шествовала в дворовый скверик. Больших собак она просто била, если те попадались ей на пути, а маленьких не замечала.

Однажды бочку с молоком, которую привозили по утрам к нашему дому, почему-то стали возить в соседний двор. И жене утром пришлось с бидончиком идти туда. Ася, как обычно, сопровождала её в этом походе. Вдруг на нашу кошку из очереди с громким лаем бросилась какая-то незнакомая болонка. И тут жена впервые увидела, почему нашу маленькую (по кошачьим меркам) ласковую киску обходят стороной дворовые собаки. «Страшнее кошки зверя нет». Болонка спаслась только на руках хозяйки, а рычащую распушившуюся Асю жене пришлось чуть не со всей силы прижимать к груди, чтоб удержать от драки с наглой собачонкой.

Уступала Ася только одному существу: чёрной соседской кошке Мусе. Видимо, Ася признавала лестничную площадку законной территорией Муси, и та гоняла её на этой площадке при любой возможности. Но во дворе всё менялось. Когда Муся умерла при неудачных родах, Ася стала безраздельной хозяйкой везде, в том числе и в моём сердце.

3. Реквием

Рыжий Кузя с девятого этажа обожал нашу Асю. Он постоянно ждал её на лестничной площадке у нашей двери, провожал на улицу и обратно. Ася благосклонно принимала его любовь, но сама была согласна только на дружбу. Когда в ней просыпался «зов природы», она исчезала на несколько суток. Где и с кем Ася «гуляла», мы не знаем по сей день. Возвращалась она страшно голодная, грязная и вонючая, но довольная и умиротворённая и даже не особо сопротивлялась немедленному купанию, хотя в «обычных условиях» ненавидела данную процедуру. Кузя ей всё прощал. Он был счастлив, что Ася вновь рядом, и он может по-прежнему встречать её у дверей нашей квартиры по утрам и сопровождать во время прогулок по двору.

Родившихся котят мы раздавали друзьям и знакомым. Среди детей нашего двора на Асиных котят даже существовала очередь! Многим хотелось иметь такую же красивую и умную кошку. Так у нас появилась Симона. Она была очень похожа на маму, когда родилась. Но чуть подросла, и мы увидели, что котёнок-то растёт гладкошёрстный, а «заказчик» хотел пушистого! Симона осталась у нас, и мы никогда об этом не пожалели. Она оказалась очень умной и ласковой кошкой. Мурлыкала Симона, в отличие от Аси, почти беззвучно. Она просто вибрировала, как работающий на холостом ходу мотор. И никогда не выпускала когти! Даже ласкаясь и перебирая, как все кошки, лапками от удовольствия. Симона была очень подвижна, лапки у неё были, как живые пружинки. И котят она рожала столь же красивых, как и они с Асей.

Однажды Симона не вернулась домой. Её сбила машина. Так в наших душах появилась первая печальная зарубка.

Чтобы хоть немного пригасить горе, мы оставили себе очередную Асину дочку, такую же пушистую и трёхцветную, как мама. Так появилась у нас Соня. Она родилась сразу после Старого Нового Года, в час ночи 15 января 1991 года. Соня полностью оправдала своё имя. Она оказалась малоподвижной и флегматичной. Очень долго не вставала на ножки, а когда начала ползать, задние лапки не помогали ей в этом, а тянулись сзади, как хвост. Только через несколько дней ползанья таким манером Сонечка смогла твёрдо встать на все четыре лапы и начала ходить. Она много спала и почти не подавала голоса. Един-

ственное, что могло её расшевелить, это игра с верёвочкой. К концу верёвочки даже не обязательно было привязывать «мышку». Соня очень любила, когда с ней играли в эту игру. Она, конечно, не приносила нам, как это делают собаки, свою любимую игрушку в зубах. Соня просто садилась перед кем-нибудь из нас и смотрела таким выразительным взглядом, что понять её желание было не трудно. Если мы были заняты или делали вид, что не замечаем её, она чуть слышно жалобно мяукала и трогала нас лапкой, слегка выпуская когти. Затем её мяв становился чуть громче, а когти выпускались чуть больше. В конце концов, мы сдавались и брали в руки верёвочку.

Помня участь Симоны, мы не стали приучать Сонечку к улице. Она выросла исключительно домашней кошкой. Сама Соня никогда не рвалась за порог. Но стоило ей подрасти, как природа стала требовать своё. В эти периоды нежный голосок Сони превращался в столь отвратительный и громкий мяв, что мы не выдержали и стали выпускать её по ночам на лестничную клетку, где почему-то именно в эти периоды появлялись целые стаи окрестных котов.

И тут уже Кузя решительно отмёл всех конкурентов. Асину дочь он полюбил с не меньшей силой и немедленно взял под свою опеку. Надо сказать, что в данном случае любовь была взаимной. У Сонечки рождались в основном рыжие котята. Одного из них мы назвали в честь его папы Кузей, и люди, взявшие котёнка, не стали менять ему имя. А мы с тех пор могли любому желающему показать Кузькину мать!

Когда Сонечка родила в последний раз, у нашего подъезда появилась старая белая кошка. Она была явно домашняя, плохо видела, глухая на одно ухо и слабо слышала другим. Видимо, хозяева выгнали её из дома или бросили при переезде на другую квартиру. А, может, умерла какая-нибудь одинокая старушка, и кошка оказалась никому не нужна. Было лето, и несчастное животное не погибло сразу. Мы стали подкармливать её, а когда начались дожди, положили в подъезде у нашей двери для неё старый мешок из-под картошки. Вскоре мы заметили, что Белочка беременна и однажды пригласили её к нам. Бедняжка стояла в дверях и никак не могла поверить, что мы действительно предлагаем ей войти в нашу квартиру. Пришлось перенести Белку через порог на руках. Она робко начала обследовать свой

новый дом, и тут на неё неожиданно набросилась всегда тихая и флегматичная Соня! Наша тихоня громко шипела и била пришелицу лапой. До самых Белочкиных родов нам пришлось защищать бедняжку от нападений неузнаваемой Сони.

Когда Белка родила, отношения между недругами тут же изменились. Котята стали общими, и мы часто наблюдали, как Белочка тащит в своё «гнездо» огромного, по сравнению с её собственными, Сониного котёнка, или как Соня переносит в своё Белкин выводок. В конце концов, оба «гнезда» слились в одно общее лежбище подружившихся матерей, не разбирающих, где чей ребёнок. Белочка вошла в нашу семью и в дальнейшем стала нянькой и кормилицей и Асиных котят.

К сожалению, вскоре на наших душах появилась ещё одна скорбная зарубка. Пьяные хозяева Кузи-старшего выбросили бедное животное из окна девятого этажа. Ася лишилась верного друга, а Соня — любящего и любимого «мужа». Мы пытались свести Соню с другими котами, но безуспешно. Она отвергала всех. Пришлось отнести её к ветеринару. Операцию Соня перенесла тяжело. Она сильно похудела, и у неё вылезла почти вся шерсть. Когда мы везли Соню снимать швы, трамвайные попутчики не верили в её «сибирские» гены. Она выглядела как гладкошёрстная. Прошло время, раны затянулись, и Сонечка вновь стала напоминать пушистый шарик с беличьим хвостом.

Целый год мы прожили в окружении трёх кошек и их котят. Что удивительно — с приходом Белочки резко изменился характер Аси в период её беременности. Обычно Ася вполне спокойно относилась к присутствию в квартире Сони, Белки и их котят, благо те никогда не подвергали сомнению её главенство во всём. Но стоило Асе забеременеть, как она практически переселялась независимо от погоды до самых родов на улицу. Ася приходила домой только чтобы поесть. Она не выносила вида «посторонних» кошек в нашей квартире, рычала и шипела на них и, утолив голод, немедленно просилась за порог. Рожать Ася приходила домой. Перед самыми родами её враждебность исчезала, а уже через неделю после родов, сбагрив котят заботливой Белочке, Ася спокойно уходила гулять во дворе.

Но вот год прошёл, вновь наступило лето, и в наш город приехал цирк зверей. Белочка была вновь беременна и дохаживала последние дни. Но родить она не успела. Однажды днём её и

Асю, спокойно сидевших у нашего подъезда, неожиданно схватили проходившие мимо алкаши и убежали. Оказалось, что в приехавшем цирке хищных зверей дешевле кормить купленными у алкашей «бродячими» кошками и собаками, чем магазинным мясом. Дворы города стали пустеть. Вскоре цирк уехал, а на наших сердцах появились ещё две скорбные зарубки.

Неожиданно оставшись одна, Сонечка не могла найти себе места. И тут нам подбросили двухмесячного котёнка. Трёхцветная гладкошёрстная кошечка была очень похожа на нашу Симону, и мы решили дать ей это имя в память о прежней любимице. Хочется верить, что она является потомком одной из наших кошек: Аси, Сони или первой Симоны. Новая Симона вполне оправдала наши надежды и данное ей имя. Она оказалась очень умной, ласковой и столь же подвижной, как её предшественница. Сонечка сразу и безоговорочно приняла её. Решив оставить подкинутого котёнка у себя, мы боялись, что придётся выдержать борьбу с привыкшей к свободе и улице кошечкой. Но Симона никогда не делала никаких попыток выйти за порог. Видимо, нескольких дней, проведённых на улице, ей вполне хватило для выработки собственного мнения на сей счёт. Мы радовались, что ни её, ни Соню не может постигнуть злая участь Аси и Белочки.

Наступило очередное лето, потом осень, и нам подкинули ещё одного котёнка: полу пушистую трёхцветную кошечку, очень похожую на Асю. Так мы её и назвали. Соня с Симоной немедленно взяли над ней шефство. Симона практически отдала новой Асе всю свою нерастраченную материнскую любовь. Несмотря на то, что еды у наших кошек всегда было «от пуза», Симона продолжала оставаться тощей. Просто скелет, обтянутый тонкой шкуркой, весом около двух килограммов. Поэтому Ася вскоре стала переходить спать от худосочной мамы-Симоны под пушистый и тёплый бочок мамы-Сони. Так мы и зажили: Симона играла с Асей в прятки-догонялки, учила её жизни и воспитывала, а Соня спала с новой дочкой в обнимку.

Уличной свободы Асе, как и Симоне, видимо, хватило вполне, и она ни за что не соглашается покидать квартиру. Открытая дверь вгоняет её в панику, а гости заставляют прятаться в укромных и недоступных местах. Поэтому когда она подросла и стала превосходить Симону по весу и объёму, нам пришлось

вынести её из «крепости», чтобы сделать операцию. Соня и Симона ухаживали за дочкой как могли. Симона не подходит к еде, пока Ася не наестся и не отойдёт от кормушки.

Прошло ещё несколько лет, счастливых для наших пушистых членов семьи. Мы в очередной раз готовились к празднованию Нового Года и последующей за ним двенадцатой годовщины Сонечки. Заранее была закуплена порция её любимой красной рыбы. И вдруг за неделю до Нового Года мы заметили, что именинница очень тяжело дышит через приоткрытый рот. Вызвали на дом ветеринара.

— У вашей кошки асцит. Будете лечить? — спросила врач, доставая шприц, и по её тону мы поняли, что для неё этот вопрос риторический.

— Будем, — твёрдо ответили мы.

Врач удивилась и заменила шприц.

На уколах, таблетках и диете Сонечка дожила до 22 января. Её двенадцатый день рождения прошёл безрадостно. Любимую красную рыбу она, конечно, даже не увидела. В своё последнее утро, около шести часов, Сонечка проснулась и успела пройти около двух метров, когда смерть сразила её. Она даже не успела закрыть свои прекрасные жёлто-зелёные глаза. Ася и Симона ищут и зовут её днём и ночью. Через одну-две недели они успокоятся. Так уж устроила кошек природа. Зарубка на наших, человечьих сердцах будет кровоточить ещё долго...

Благо дара

В длинном ряду тесно прижавшихся друг к другу павильонов эти два стояли рядом, что было очень удобно: Наталье Николавне не придётся мотаться в поисках нужных покупок по всему торговому комплексу. В одном из магазинчиков продавали духовную пищу, в другом — мясопродукты. Стеклянные фасады павильонов одинаково сверкали гирляндами разноцветных бегущих огней, поздравляя посетителей с наступающим годом Лошади. Наталья Николавна замерла, как тот пресловутый Буриданов осёл меж двумя равными охапками сена, решая, в какую из двух дверей войти.

Праздников впереди было много. Католическое Рождество наступало уже завтра. Через неделю будет бессонная ночь Нового года. Ещё через неделю — родное православное Рождество. Ну а ещё через неделю, как обычно, нужно будет отметить и Старый Новый год. За двадцать пять лет семейной жизни Наталья Николавна с мужем Васенькой ни разу не пропустили ни один из этих праздников, справедливо полагая, что календарь — дело искусственное: сегодня так дни считают, завтра — иначе, кто тут прав — никому точно не известно, так что лучше одинаково радостно отметить все даты, и тогда вероятность ошибки сведётся к минимуму.

Ещё пять лет назад это были семейные праздники. Но теперь сын Петечка живёт отдельно, собственной семьёй, и Наталья Николавна могла только надеяться, что он в один из рождественско-новогодних праздников придёт в родной дом со своей женой Катей и дочкой Машенькой. Ну, или хотя бы забежит на полчасика сам, чтобы поздравить родителей и забрать подарки. Потому что с тех пор, как Петечка женился, Наталья Николавна встречает Новый год в одиночестве. В первый год после свадьбы молодые собирались где-то своей компанией. На следующий Катерина забеременела и плохо себя чувствовала. Затем родилась Машенька, и Катя не могла её оставить, а везти на всю ночь в дом свекрови не пожелала, и Петечка, конечно, остался встречать Новый год с женой и дочкой, а в последний раз Машенька подхватила где-то под самый праздник толи простуду, толи грипп.

Конечно, Наталья Николавна с Васенькой каждый раз очень

расстраивались, но старались не показывать вида. Они дружно собирали в специальный праздничный пакет подарки для детей и внучки, бережно укладывали в сумку-холодильник пару лоточков обожаемого Петечкой холодца, кастрюльку с салатом Оливье и тортом Наполеон, собственноручно изготовленные Натальей Николавной накануне, и ехали на другой конец города в битком набитом людьми автобусе, чтобы поздравить сына, сноху и любимую внучку с праздником. А потом возвращались домой, где вместо радостных голосов, шуток и весёлых тостов их ждал просто непривычно обильный и продолжительный ужин.

Наталья Николавна с тоской представила, как она в предновогодний вечер накрывает, как обычно, праздничный стол в большой комнате и зажигает гирлянды на ёлке. Васенька аккуратно, чтобы пробка осталась в его руке, а не стрельнула куда-нибудь в окно или люстру, откроет бутылку шампанского, и они выпьют по бокалу за наступивший новый год. А почему бы и нет? Пусть не в их городе, но где-то в Сибири или на Урале он же как раз в это время наступил! Тем более, что наши правители своими дурацкими играми с переходом на «летнее время» всё равно совершенно спутали все сроки. Так что, час туда, час сюда — какая разница?

Затем, обзвонив и поздравив детей, друзей и соседей, Наталья Николавна накладывает себе и мужу на тарелки по кусочку кролика, приготовленного в белом соусе, исходящую паром рассыпчатую картошечку, добавляет по паре ложек оливье и хрустящей квашеной капустки. Васенька открывает запотевший после холодильника графинчик водочки, на дне которого желтеют лимонные корочки, и разливает янтарную жидкость по старинным, оставшимся ещё от его родителей, гранёным лафитничкам. Так они и сидят весь вечер вдвоём, немного выпивая, не торопясь закусывая, и смотрят по телевизору какой-нибудь концерт или известный чуть ли не наизусть фильм «С лёгким паром!». А где-нибудь между десятью и одиннадцатью часами вечера Васенька отправляется спать, оставляя Наталью Николавну дожидаться, не понятно зачем, полуночи и поздравления президента. И будет она упрямо сидеть одна перед телевизором, пить чай с тортом Наполеон, слушать бессмысленные песенки давно надоевших поп-звёзд, взрывы петард и пьяные крики за окном. А утром, часов в шесть проснётся и придёт Васенька, они

вновь откроют и допьют, наконец, бутылку шампанского, и Наталья Николавна в свою очередь пойдёт спать...

— Господи! — мысленно взмолилась Наталья Николавна. — Сделай так, чтобы на этот раз всё было иначе.

Она решительно распахнула дверь и вошла в книжный магазин. Здесь пахло свежей ёлкой и ещё чем-то приторно-сладким. Теперь, когда под давлением борцов за авторские права, книги в полном смысле стали одноразовыми изделиями, содержание которых доходит до мозга потребителя через желудок, отличить обычную конфету от рассказа можно только по фантику-обложке. Наталья Николавна протёрла запотевшие очки — делать операцию по коррекции зрения она категорически отказывалась, говоря Васеньке и сыну, что лучше потратит деньги на подарки Машеньке, — и пошла вдоль витрины, рассматривая названия «тортов»-романов, «шоколадных плиток»-повестей, «конфет»-рассказов. В жестяных коробочках разноцветными «леденцами» блестели в свете ламп стихи и анекдоты. Наталья Николавна с тоской вспомнила времена, когда книги печатали на бумаге. Специфический шелест страниц, запах типографской краски — где это всё?

— Ну, выбрали что-нибудь? — искусственно улыбаясь, поторопила Наталью Николавну продавщица. — Может, вам что-нибудь посоветовать?

Та попросила завесить ей новый роман Сэма Симмонса (Васенька обожает исторические боевики этого автора), кулёк фантастических рассказов разных авторов для Петечки, пару плиток с женскими детективами для Катерины. Сама Наталья Николавна предпочитала перечитывать старую русскую классику, бережно храня свою небольшую библиотечку раритетных бумажных книг. Для Машеньки у неё была приготовлена стопка детских книжечек с красочными картинками, разрисованными разноцветными фломастерами ещё Петечкой, когда тот был пятилетним ребёнком.

— Зачем ты хранишь этот рассадник пыли? — время от времени ворчал Васенька. — Сама глаза испортила, хочешь и внучке зрение поломать? Сейчас, слава богу, читать ничего не надо: тексты прямо в мозг через желудок попадают.

— А если я удовольствие от самого процесса чтения получаю? — возмутилась как-то Наталья Николавна. — Может, я

хочу каждым словом прочитанным насладиться, над фразой подумать...

— Тоже мне, гурман какой нашлась! — отмахнулся Васенька. — Ну, не глотай роман большими кусками, ешь его маленькой ложечкой. Петька, вон, тоже весь в тебя уродился. Дашь ему рассказик какой-нибудь, так он его лижет, сосёт потихоньку, вместо того, чтобы сразу разжевать и проглотить. Смотреть противно!

— Тебе б только жрать! — срывалась на крик Наталья Николавна. — Книги — это же духовная пища, а не холодец.

— Так ведь сама ж говоришь — пища! — пожимал плечами Васенька и демонстративно шуршал фантиком-обложкой какого-нибудь рассказа, отправляя его в рот.

— У-у, потребители! — мычала в ярости Наталья Николавна и уходила, от греха, на кухню, где долго потом гремела посудой, постепенно успокаиваясь.

«Что уж тут поделаешь? — вздохнула Наталья Николавна, принимая из рук усталой продавщицы покупки. — Книгоиздание изменилось, и назад дороги нет. Хорошо хоть пираты не сдаются и как-то умудряются оцифровывать и выкладывать в интернет новые книги». Нет, она вовсе не разделяла взглядов поборников «свободной информации». Просто привыкла именно читать текст, размышлять над ним, наслаждаться фразой или мыслью, а не заглатывать его, как кусок колбасы.

Наталья Николавна отошла от прилавка к столику, стоящему рядом с дверью, уступив место шумно ворвавшейся в магазин группе подростков. Закончив бережно укладывать покупки в сумку, она вдруг увидела, что снаружи, за прозрачной стеной магазина, тесно прижавшись лицом к стеклу, стоит ребёнок лет семи, жадно разглядывая широко раскрытыми глазами заполненную красочной продукцией витрину.

«Вот ведь чудак, — подивилась Наталья Николавна. — Вон же, напротив, люди толпятся в очередях за настоящими тортами и конфетами, а этот малыш любуется фальшивыми». Приглядевшись повнимательнее, Наталья Николавна узнала в юном книголюбе одного из сыновей Нинки, своей непутёвой соседки снизу. Эта вечно пьяная, неопределённого возраста женщина появилась в их подъезде пару месяцев назад, поменяв ради доплаты свою трёхкомнатную квартиру в соседнем микрорайоне

на двухкомнатную в их доме. Вера Иванна, всегда всё обо всех знающая соседка Натальи Николавны по лестничной площадке, рассказала ей, что муж Нинки пару лет назад полез пьяным в речку купаться и утонул. Та и сама пила не меньше мужа, была не раз им бита, а потому в полицию о его пропаже сообщать не стала, наслаждаясь внезапным покоем и свободой. И только когда «труп неизвестного мужчины» похоронили за счёт города, Нинка заявила о том, что её муж исчез.

— Эта лахудра всё прекрасно знала, — осуждающе поджимая губы, шептала Вера Иванна Наталье Николавне. — Просто не хотела платить за гроб и похороны.

— Ну что вы, — не верила Наталья Николавна. — Даже если и знала, может, просто денег тогда не было. Всё же у этой женщины трое детей на руках осталось.

— Совести у неё не было и нет, — отмела возражения Вера Иванна. — Не пила бы столько, и деньги бы были.

Да, резон в словах всезнающей соседки, конечно, был, признавала Наталья Николавна. Трое малолетних детей непутёвой Нинки целыми днями бегали на улице, потому что в их квартире немедленно образовался притон для окрестных алкашей, которых наступающая зима выгнала с детских площадок и дворовых скамеек. Сама Нинка нигде не работала, жила на пенсию, что ей платили за погибшего мужа, и детские пособия. Спиртное и закуску приносили собутыльники. Чем питались вечно голодные дети Нинки, никто не знал. Кое-какую одежду и обувь, из которых выросли собственные сыновья, им отдали сердобольные соседи.

Вот и этот, самый младший, стоит на улице, за стеклом павильона, съёжившись от холода, одетый в старое и не раз латаное пальтецо неопределённого цвета, видимо, доставшееся ему после старшего брата, лохматую, сдвинутую на затылок собачью шапку-ушанку и растоптанные башмаки со шнурками разного цвета.

Наталья Николавна вздохнула, вспомнила красотульку Машеньку в новом зимнем комбинезончике и нарядных сапожках, вернулась к прилавку и купила пару «чупа-чупсов».

Выйдя из духоты магазина, Наталья Николавна подошла к мальчику.

— Здравствуй.

— Здравствуйте, — удивлённо повернулся тот к ней.

— Как тебя зовут?

— Саша, — шмыгнул носом мальчик. — А что?

— А я — Наталья Николавна, твоя соседка по подъезду. Любишь читать книги?

Мальчик как-то затравленно посмотрел на Наталью Николавну, вытер ладонью сопли и повернулся, чтобы уйти.

— Подожди, — удержала его Наталья Николавна. — Я вовсе не хотела тебя обидеть. Вот, возьми, — и она протянула ему «чупа-чупсы». — С наступающим тебя праздником, Саша! Это рассказы о приключениях мальчика по имени Денис Кораблёв. Моему сыну, когда он был в твоём возрасте, они очень нравились. Правда, тогда рассказы не нужно было сосать, и я читала их ему по бумажной книжке. Бери же!

— Спасибо! — Мальчик жадно схватил «чупа-чупсы» и, не разглядывая обложки-фантики, сразу спрятал в карман, словно боясь, что странная тётя передумает и заберёт подарок назад.

— Ты заходи ко мне, Саша, — смущённо сказала Наталья Николавна. — Я живу прямо над вами. У меня дома есть много хороших детских книг...

— Сашка! — раздался вдруг хриплый голос.

Наталья Николавна обернулась. Рядом стояла, шатаясь, пьяная Нинка. Под распахнутой облезлой коричневой шубой виднелся грязно-зелёный байковый халат. В углу ярко накрашенного рта дымилась сигарета.

— Опять ты здесь ошиваешься, дрянная девчонка! — мать грубо схватила ребёнка за шиворот старенького пальто и потащила прочь. — А ну, марш домой!

— Девчонка? — ошеломлённо проговорила Наталья Николавна. — А я-то, старая дура, ей мальчуковые рассказы подарила...

Она с жалостью в сердце проводила взглядом уходящую пару. Саша шла, сгорбившись, не глядя по сторонам. Руку с зажатым в кулаке подарком она засунула в карман своего драного пальтишка. Нинка брела, опираясь на хрупкие плечи дочери, и громко материла её и встречных прохожих.

Когда через полчаса нагруженная покупками Наталья Николавна вошла во двор своего дома, она увидела на качелях съё-

жившуюся от холода фигурку Саши. Та сидела, закрыв глаза. Изо рта у неё торчала палочка литературного «чупа-чупса», а на лице блуждала счастливая улыбка.

Вдруг завибрировала клипса-телефон.

— Здравствуй, ма! — услышала Наталья Николавна голос Петечки. — Как у вас там дела? У нас всё хорошо. Машенька немного покашливает, но температуры у неё нет. Так что, мы с Катюхой надеемся, что к Новому году она будет полностью здорова. Можно мы подбросим её вам на всю ночь? Видишь ли, нас пригласили за город отметить праздник на природе, с шашлыками и фейерверками. Детей никто с собой не берёт. Что скажешь? Дед не будет возражать? Чего ты молчишь, ма?

Лабиринт чувств

Он вышел на площадь. У «Лабиринта ужасов», как обычно, толпятся зеваки. Алекса влечет сюда какая-то непреодолимая сила. Проклятый лабиринт! Он отнял у него единственное сокровище — Кристу.

Пять лет назад, когда под колёсами пьяного водителя погиб трёхлетний сын, а через неделю после похорон жена ушла к своему давнему и верному другу детства, оказавшемуся столь же верным и давним её любовником, все краски мира померкли в глазах Алекса.

Случай забросил его полгода назад в этот кипящий нескончаемым карнавалом приморский городок. Алекс бесцельно брёл по узкой, пропахшей сиренью улочке, как вдруг из какого-то дворика выплеснулась пёстрая стайка молодёжи, подхватила Алекса, закружила в водовороте танца и смеха. Сквозь узкие прорези кошачьей маски на Алекса блеснули огоньки жгучих очей. Так в его жизнь вошла Криста. Она буквально вдохнула в него жизнь. Они часто бродили по брусчатке узких приморских улочек. Солнце светило ярче, небо сияло удивительно нежной голубизной. Море, цветы, деревья и птицы ласково шептали им о любви.

И вдруг всё рухнуло. Кристы больше нет.

Три дня назад они с Кристой, счастливые, оглушённые нескончаемым карнавалом, шумящим в городке круглый год, встретились здесь с Элом. Кругом бесновались всевозможные маски-персонажи «Лабиринта ужасов». Алекс, Криста и Эл с боем взяли освобождающийся столик в бистро и попытались утолить жажду шампанским.

— Смотрите! — закричала Криста. — Чудик идёт.

Чудик шёл против «течения». Беснующаяся карнавальная масса разбивалась о него, как волны о риф. Любой другой был бы давно «смыт» и захвачен могучим потоком карнавального шествия.

— Наверно, опять идёт в Лабиринт, — засмеялся Эл. — Все они туда возвращаются!

«Чудиками» называли тех, кто побывал в «Лабиринте ужасов». Именно побывал. Потому что не все, кто входил в него, возвращались обратно. Сначала их встречали как героев.

Теперь ненасытная, жадная до развлечений толпа с извращённым любопытством следила за безумцами, входящими в Лабиринт, заключала пари, исчезнет ли смельчак навсегда, или на улицах городка появится ещё один «чудик». Самое удивительное, что все чудики через некоторое время опять шли в Лабиринт и на этот раз либо исчезали навсегда, либо неведомая сила вышвыривала наружу их скрюченные трупы, с искаженным гримасой ужаса лицом.

Криста с Элом начали спорить о том, почему и чем все чудики похожи друг на друга. Что тянет их в «Лабиринт ужасов»? До сих пор любопытная толпа не знает, что там находится. Ни один чудик уже больше никогда в жизни не разговаривал с простыми смертными. А жизнь их коротка. Они, словно камикадзе, снова рвутся в Лабиринт.

— Чем попусту спорить, пойдём и сами посмотрим, что за Минотавр прячется в этом лабиринте! — предложил Эл.

И они, опьянённые любовью, шампанским и карнавалом, со смехом бросились к «Лабиринту ужасов». Эл в последний момент струсил, и в холодную каменную пасть под улюлюканье толпы шагнули Алекс и Криста.

В узком коридоре царил полумрак. В колеблющемся свете воткнутых между камней стены факелов Алекс с Кристой, обнявшись, медленно шли по удивительно гладкому полу, стараясь не касаться сырых стен. Каждый раз, вступая в круг света, они чётко видели шершавые, покрытые потёками влаги стены, отполированный пол, но не знали, что их ждёт на границе света и тьмы: пропасть, тупик или развилка.

— Подожди. — Остановилась Криста у очередного факела. Опершись на руку Алекса, она сняла туфельку и вытряхнула попавший в неё камешек. И в это время из темноты в круг света неожиданно вдвинулось заросшее чёрной шерстью обезьянье лицо с горящими злобой красными глазками. Криста завизжала, бросила в чудовище туфельку и бросилась назад. Алекс попятился, закрывая собой проход. Чудовище оскалило в злобной ухмылке ослепительно белые клыки. Мохнатая лапа легко смахнула факел, и в наступившей тьме пол под Алексом провалился, и он полетел в бездну...

Очнулся Алекс от ласкового прикосновения женских рук. Аромат нежных духов щекотал ноздри.

— Криста, — прошептал Алекс, открывая глаза.

Он лежал на широкой квадратной тахте в небольшой, обитой коврами комнате. Рядом на коленях стояла, склонившись над лежащим Алексом, девушка с удивительно красивым и знакомым лицом.

— Забудь Кристу, её нет! Она тебе больше не нужна, ведь теперь с тобой я, твоя Мечта.

Алекс вновь ощутил запах пьянящих духов, нежное прикосновение длинных мягких кудрей, ласку маленьких рук.

— Ты всю жизнь мечтал обо мне, стремился ко мне. Я — твой идеал женщины. Посмотри на меня!

Откуда-то послышалась тихая музыка. Девушка встала, закружилась в танце, золотые волосы вспыхнули в затрепетавшем свете свечей.

— Я с тобой, милый, мы всегда будем вместе, — пела девушка. — Я — твоё счастье, ведь ты всю жизнь мечтал о счастье. Я — твоя мечта, значит, я — твоё счастье!

Тонкий, расшитый цветами халат распахнулся и отлетел в сторону. Девушку окутывала розовая прозрачная рубашка.

— Иди ко мне, — протянула она руки к Алексу. — Я утолю твою жажду счастья, твою мечту!

Алекс встал с мягкого ложа и, шатаясь, как пьяный, шагнул к танцующей манящей фигуре. В стоящем сбоку огромном зеркале он увидел себя, в расстёгнутой рубахе, с револьвером за поясом, с блаженной улыбкой на лице, а рядом... извивающийся в жёстком саване скелет!

— Иди же ко мне, я жду, — протянулись из савана высохшие жёлтые кости.

Алекс переводил обезумевший взгляд то на прекрасную девушку, то на её кошмарное отражение. Красавица оглянулась, судорога исказила её черты. Страшно закричав, она ударила рукой по своему отражению. Стеклянный водопад залил расстеленные на полу звериные шкуры. Алекс бросился к двери.

— Стой! — Холодные пальцы вцепились в ворот рубашки. Алекс в ужасе рванулся, материя затрещала.

Он летел от факела к факелу. Несколько раз из тьмы высовывались страшные морды, тянулись когтистые лапы, слыша-

лись вопли, стоны и манящие призывы. Уворачиваясь от очередного чудовища, Алекс понял, что сам кричит. Он остановился и замолчал.

— Алекс! — донёсся откуда-то голос Кристы.

— Я здесь! — закричал Алекс, и эхо понесло его призыв по Лабиринту...

И вот они встретились. Вынырнув откуда-то сбоку, Криста бросилась к нему на шею, счастливо смеясь и плача одновременно. Прижимая любимую к груди, Алекс опять увидел страшную волосатую фигуру, обезьяньими прыжками приближающуюся к ним. Подхватив Кристу на руки, Алекс побежал по петляющему коридору. Он слышал крик бьющейся в его руках Кристы, но не понимал слов. В голове у него билась только одна мысль, одно желание: скорее наружу.

А чудовище всё ближе. Уже его зловонное дыхание холодит волосы на затылке. Алекс, не останавливаясь, перебросил Кристу на плечо, выхватил револьвер и, не целясь, выстрелил в настигающую их чудовищную обезьяну. В то же мгновение страшная сила скрутила его и бросила о стену. Алекс с Кристой на плече пролетел сквозь каменную стену, как сквозь поток воды, и упал у сияющего светом выхода из Лабиринта.

Когда солнце и смех карнавала ударили Алексу в лицо, лицо «чудика», он уже знал, что Криста мертва. Её лицо поразило зевак: на нём не было гримасы страха, а только жалость и грусть...

И вот Алекс снова идёт в «Лабиринт ужасов». В прошлый раз Криста оказалась сильнее. Она увидела и поняла там нечто, что лишило её страха, и без чего она не смогла жить.

«Что же я не понял тогда?» — думал Алекс. В голове у него, как пойманная птица, билась какая-то мысль, догадка, смутное воспоминание.

Толпа расступилась перед Алексом. Вот и вход. Но что это? Алекс увидел, как Эл входит в Лабиринт. Вдруг раздаётся крик ужаса. Толпа замирает. Из Лабиринта появляется свирепая мохнатая обезьяна. Корча рожи, она прыжками двинулась на толпу. Площадь мгновенно опустела. Алекс медленно пошёл навстречу своему врагу.

Внезапно раздался знакомый смех, и из-под маски чудови-

ща выглянуло лицо Эла.

Карнавал вновь ринулся на площадь. Эл, картинно кланяясь, поскакал к Лабиринту, и вдруг вопль ужаса опять потряс всех. В каменном зеве Лабиринта показалось настоящее чудовище. Это поняли все. Они стояли почти рядом — Эл и ОНО. Глаза чудовища кого-то искали в толпе. И вот они встретились с глазами Алекса. В голове Алекса что-то вспыхнуло. Он понял! Он вспомнил, что кричала ему Криста!

И тут раздались выстрелы. Согнувшись чуть не вдвое, Эл разрядил свой револьвер в стоящее рядом с ним НЕЧТО.

— Что ты наделал, мерзавец?! — закричал Алекс, встряхнув Эла, как тряпичную куклу. — Ведь ты стрелял в СЧАСТЬЕ!

И, отшвырнув с пути безвольное тело, Алекс бросился в Лабиринт...

Сказка о понаехавших и чудо-пылесосе

Жила-была в маленьком домике на окраине маленького городка маленькая семья: папа, мама и их маленькие дети-двойняшки — мальчик и девочка. Жили они дружно и счастливо. Папа днём работал на заводе электромехаником, а по вечерам ложился на старенький продавленный диван и читал книжки. Мама днём работала на почте, а вечерами выращивала красивые цветы в маленьком садике под окнами дома. Ну, а дети днём ходили в детский сад и играли там с другими детьми, потому что им было скучно и страшно оставаться дома одним, без родителей. А вечерами они играли дома: девочка — в куклы, а мальчик — в солдатики. Так они и жили, горя не знали.

Но вот однажды к их домику приехали подъёмные краны, экскаваторы, бульдозеры, пришли люди в разноцветных касках и начали строить огромный дом-башню. Так в нашей маленькой семье кончились покой и счастье. Грохот, лязг и крик стояли за окнами маленького домика день и ночь. Папа не мог читать книжки, мама плакала над погибающими под цементной пылью цветами, дети пугались стука и крика за окнами некогда тихого домика, и никто не мог спать по ночам.

— Нужно немного потерпеть, — сказал папа. — Скоро этот огромный дом-башню построят, мы переедем в большую новую квартиру со всеми удобствами. У детей будет своя отдельная комната, а мама опять разведёт цветы в палисаднике под окнами и на подоконниках. Что ж делать: в городок приехало много новых людей со всех концов нашей великой страны. Им надо где-то жить...

И вот вскоре дом-гигант был построен и начал постепенно заполняться жильцами. Наша маленькая семья первая получила в нём большую светлую квартиру на первом этаже, в окна которой целый день весело улыбалось солнце. Прежний их маленький домик строители сломали и на его месте соорудили детскую площадку с качелями, горками и каруселью.

Покой и радость вновь вернулись в маленькую семью. Папа вечерами начал читать книжки на своём стареньком продавленном диване, мама посадила цветы под окнами их новой квартиры и заставила все подоконники цветочными горшками, а маль-

чик с девочкой весело играли на детской площадке.

Шли дни, дом быстро заполняли понаехавшие, и счастье вновь стало покидать нашу маленькую семью. Понаехавшие вели себя шумно и нагло. Громко разговаривали и кричали по ночам, пугая этим детей и мешая спать папе с мамой. Они постоянно выкидывали мусор в окна, хотя в доме был исправный мусоропровод. Трясли и выбивали свои пыльные ковры на балконах, хотя во дворе была сооружена для этого специальная площадка. Их машины раздавили своими колёсами мамины цветы, а их дети разломали качели и карусель. Нашей семье пришлось закрываться в своей квартире, как в осаждённой крепости. Понаехавшие не желали слушать никаких упрёков и замечаний в свой адрес и отвечали, что они привыкли так жить там, у себя на родине, и не собираются менять свои привычки. И чем больше вселялось в дом-башню понаехавших, тем горше становилась жизнь нашей маленькой семьи.

Наконец, папа не выдержал того, что мама каждый вечер плачет над вянущими без солнца и свежего воздуха цветами в горшках на подоконнике, а дети, забросив игры, тоскливо глядят в наглухо закрытые окна, стёкла которых покрыты слоем пыли от ковров понаехавших и потёками помоев, выплёскиваемых сверху. Папа встал со своего продавленного дивана, достал из кладовки инструменты и начал делать чудо-пылесос. Он ведь был очень хорошим электромехаником, и вскоре их старенький «Вихрь» выскочил на паучьих ножках во двор, загудел, как огромный шмель, и побежал вокруг дома-башни. Один его шланг легко засасывал покрывающий землю мусор, выброшенный из окон понаехавшими, а другой выплёвывал этот мусор и пыль высоко вверх, аж до самой крыши дома-башни. И вскоре весь дом окутало облако мусора и пыли.

Чудо-пылесос бегал вокруг дома очень быстро, и это облако не успевало опуститься до окон квартиры нашей маленькой семьи. Папа с мамой впервые за многие дни открыли окна, налили в ведро воду и стали мыть стёкла. Дети весело смеялись появившимся в комнате солнечным зайчикам и помогали родителям менять воду в ведре. Вскоре все окна в квартире засверкали чистотой, и мамины цветы в горшках радостно затрепетали своими почти увядшими листьями.

А наверху, в квартирах понаехавших, воцарился ад! Пона-

ехавшие кричали, чихали, бегали, как тараканы, по комнатам, пытаясь наглухо закрыть окна, но вездесущая пыль всё равно проникала во все щели. Понаехавшие пытались поймать чудо-пылесос и сломать его. Они гонялись за ним на своих машинах, стреляли в него — ничего не выходило! Чудо-пылесос не брали пули, а машины он легко перепрыгивал на своих паучьих ножках.

Долго бесновались понаехавшие, пытались угрожать папе, махали руками, топали ногами, но в конце концов сдались и прислали к нему делегацию.

— Сколько денег вы хотите за свой чудо-пылесос? — спросила папу делегация.

— Нисколько! — ответил папа. — Просто начните жить по нашим правилам. Соблюдайте чистоту, не нарушайте тишину по ночам. Уважайте нас и наши обычаи. А если не хотите или не можете — уезжайте туда, откуда приехали.

Заскрежетала зубами делегация и молча ушла.

Прибежал вскоре к папе милиционер. Стал кричать, руками махать, угрожать папе тюрьмой и большим штрафом. Тоже требовал выключить чудо-пылесос. Но папа не испугался и милиционера в квартиру не пустил.

— Это мусор понаехавших к ним назад в окна рвётся, — сказал папа милиционеру. — Пусть они соберут его и выбросят в мусоропровод, тогда и облако исчезнет. А если понаехавшие перестанут выбрасывать мусор в окна и выбивать ковры на балконах, то и чудо-пылесос им никакого вреда не причинит. Вот и всё!

Затопал в ярости ногами милиционер, но так ни с чем и ушёл.

С тех пор маленькая семья вновь зажила счастливо. Многие понаехавшие сели в свои машины и покинули городок. А те, что остались, стали жить, как все местные горожане: тихо, чисто и спокойно. В палисадниках под окнами квартир вновь появились цветы, а на отремонтированной детской площадке играют дети. Папа по-прежнему лежит на своём стареньком продавленном диване и читает книжки. Чудо-пылесос он спрятал в кладовку, регулярно вынимает его и смазывает. Так, на всякий случай...

Злая любовь

Мы познакомились во времена перестройки. Я ушёл с завода на «вольные хлеба» и устроился работать в одну «фирму», где и с дисциплиной было попроще, и зарплата повыше. Коллектив там был небольшой: около дюжины человек. Каждый был на виду и занимался своим делом, то есть своей частичкой общего дела. И только один маленький человечек этаким гномом сидел в отдельной комнатке и заполнял какие-то карточки, которыми никто никогда не пользовался. В курилке Тимофей не появлялся, обедать уходил домой, в обсуждениях текущих проблем не участвовал. По слухам, гном был каким-то дальним родственником директора фирмы.

И вот, однажды, «забив баки» одному из заказчиков, фирма получила крупный кусок в виде предоплаты. Данное событие все дружно решили соответственно отметить. Были накрыты столы, закуплены соответствующие снедь и напитки, и «процесс пошёл». Я оказался за столом рядом с Тимофеем, о чём в дальнейшем крупно пожалел. Как говорится, после первого же стакана мы «подружились». Оказалось, Тимофей в своей комнатке читал различные газеты и журналы и, если находил что-либо относящееся, по его мнению, к темам наших разработок, заполнял соответствующую карточку, куда вносил тему, название и автора статьи, номер и название газеты или журнала. После первой рюмки за успех «фирмы», вторую мы с Тимофеем, независимо от провозглашённого тоста выпили за знакомство. А после третьей наше общение практически прекратилось, так как пить он совершенно не умел, быстро «окосел», заляпал очки салатом, а его и так нуждающаяся в помощи логопеда дикция стала совершенно невозможной для полноценной беседы.

В последующие дни Тимоха уже не торчал безвылазно в своей каморке, а стал наносить визиты мне. У него оказалась «жуткая личная драма», которую и мне в своё время пришлось пережить, о чём я имел глупость по пьяни ему тогда поведать. Тимоха разрывался между женой и матерью. Жену бедняга любил, а вот его маме она, естественно, не нравилась, чего свекровь даже не пыталась скрывать, а наоборот всеми способами и средствами демонстрировала. Жену подобная жизнь, конечно, не устраивала.

— Что мне делать? — мямлил Тимоха, скорчившись на краешке моего рабочего стола. В голосе его пузырились сдерживаемые слёзы, очки сползали на кончик носа, а руки судорожно теребили листки бумаги с моими набросками схем или смешивали, как костяшки домино, разложенные мною в определённом порядке микросхемы.

Поначалу я пытался вести с ним «воспитательные» беседы, суть которых можно кратко выразить одним тезисом: не можете ужиться под одной крышей — разъезжайтесь. Благо жил Тимофей не в коммуналке, а в отдельной трёхкомнатной квартире, которую вполне можно разменять на две меньшей площади.

Но этот путь его категорически не устраивал. Он не мог оставить в одиночестве любимую маму, которая, как оказалось, часто болеет.

— Кто за ней будет ухаживать? — возмущённо взблеивал Тимофей, комкая в трясущихся от возмущения ручках мой последний эскиз.

— Тогда потребуй от неё оставить твою жену в покое. Как же другие всю жизнь в коммуналках да общагах живут? Хочешь сохранить семью, образумь или укроти свою мать.

Он уходил, а я бежал в курилку, чтобы немного успокоиться, сбросить с себя груз его проблем и вспомнить последний вариант решения собственных, обдумывание которых так неожиданно прервал визит Тимофея.

Эти сцены повторялись всё чаще и продолжительнее, наши аргументы и контраргументы стали напоминать заезженную пластинку, моё сочувствие сменилось раздражением. Визиты Тимофея отвлекали меня от дела, а сроки сдачи работы неуклонно приближались. Заказчик требовал представления промежуточных результатов. Начальник тоже стал захаживать ко мне и интересоваться успехами. Пришлось таскать груз того, что не успел сделать или додумать на работе, домой. А это уже начало создавать напряжённость в моей собственной семье. Посему я прямо «намекнул» Тимохе, чтобы он прекратил свои визиты ко мне в рабочее время.

Однако, начав исповедоваться, он уже не мог остановиться и окончательно вылез из своей берлоги, забросив прессу и карточки на произвол судьбы. Выходя в курилку, я тут же натыкался на его тоскливый взгляд бездомной собаки. Надо сказать, в то

время я стал серьёзно подумывать о вреде курения.

После работы на выходе Тимоху теперь встречала жена, симпатичная маленькая девушка, напоминающая худенькую школьницу с измученным лицом. Они вместе шли в ясли за дочкой, а потом домой. Оставаться наедине с его матерью жена Тимохи не желала.

Конечно, промежуточный результат мы выдали. Заказчику был представлен макет, который работал не более десяти минут. Но никто и не собирался демонстрировать его долее. Представитель заказчика подмахнул акт, на основании которого нашей «фирме» была перечислена остальная часть договорной суммы на «изготовление рабочего образца и оформления необходимой техдокументации». Мы это дело соответственно «обмыли», а через месяц начальник заговорил о сокращении штатов.

Первым расчёт получил, разумеется, замучивший всех жалобами Тимоха. Получив непредвиденный удар, откуда и не ждал, бедняга впал в истерику. Маленький, как голодающий подросток, с залитыми слезами стёклами очков, он метался по комнатам, хватал всех за руки, пытаясь что-то сказать. Но его речь была ещё менее связной и разборчивой, чем у пьяного. Мы ничем не могли его утешить, ибо меч завис и над нами. Всем давно стало ясно, что превратить продемонстрированный заказчику макет в рабочее устройство невозможно. Для этого необходимо увеличивать габариты минимум в двадцать раз, что не допустимо техзаданием. Получив деньги, начальник решил закрыть «фирму» и кинуть заказчика, воспользовавшись «дымовой завесой» очередного перелома, провозглашённого Ельциным, влезшим по примеру Ленина на броневик. Мы поняли намёк и дружно бросились искать новую работу.

Второй раз случай свёл меня с Тимохой где-то через год. Я уломал директора своей новой «фирмы» поставить мне в квартиру телефон по коммерческой цене — по общей очереди мне пришлось бы ждать его в лучшем случае до пенсии, а провозглашённый в нашей стране курс на капитализм тут же породил наряду с долголетними государственными очередями мгновенные «коммерческие» блага.

И вот новенький телефон стоит на журнальном столике. Мы всей семьёй сгрудились вокруг, лихорадочно соображая: кому

бы позвонить? Через пару часов однообразных кудахтаний в запотевшую трубку страсти несколько поутихли, дети побежали по друзьям собирать номера телефонов, жена ушла на кухню готовить праздничный ужин, а я, лениво перелистывая старую записную книжку, вдруг наткнулся на телефон Тимофея. И вновь чёрт меня дёрнул позвонить.

Тимофей был дома и очень обрадовался моему звонку. Оказывается, ему некому было поплакаться, а я уже призабыл, как он это умеет делать. Короче, прервать его монолог я смог лишь через час под предлогом поданного женой ужина. Но он выклянчил-таки номер моего телефона и перезвонил через полчаса, оторвав меня от десерта.

Жена всё же ушла от него. Забрала трёхлетнюю дочку и уехала к маме в Самару. Тимофей так никуда и не устроился на работу. Вспомнил хобби, достал свой старенький фотоаппарат «ФЭД», ходил по школам, делая групповые фотографии классов, по детским садам и окрестным деревням. Словом, стал частным фотографом, благо никаких лицензий в то время для этого не требовалось. Денег катастрофически не хватало, тем более что кроме химикатов и фотобумаги надо было ещё приобретать кучу лекарств для его мамочки, которая не на шутку разболелась после нервотрёпки развода любимого сыночка.

— Почему бы тебе не вернуться на завод в своё конструкторское бюро? — спросил я. — Там сейчас мужики в цене, так как дельные разбежались по различным «фирмам» и кооперативам, а от девчонок никогда толку не было.

— Что ты! А мама? На заводе надо отсидеть восемь часов, да час — обеденный перерыв, да дорога туда и обратно около часа. Десять часов одна, без присмотра! Лучше уж я останусь фотографом. Сам себе хозяин: надо — дома сижу, маме лучше — пробегусь по объектам: заказы соберу, или в магазин с аптекой.

— У вас же, помнится, садовый участок имеется? Почему бы тебе его не продать? Вы с твоей мамой там уже давно не бываете, всё, небось, бурьяном заросло. Продай, найми медсестру — сиделку и устройся на нормальную работу. Или обменяйте квартиру на меньшую, с доплатой. Ты же молодой парень, тебе всего двадцать пять лет. Мама мамой, но надо же и о своей жизни подумать.

— Обменять мамину квартиру?! Да ты что?! Она в ней всю

жизнь прожила. Да и жена, когда вернётся, где меня искать будет? А участок — для моей дочки. Приедет, будет свои ягоды и фрукты кушать. Всё натуральное, без нитратов. А маму я никакой сиделке не доверю.

Он звонил каждый день. Если мои близкие отвечали, что меня нет, Тимофей перезванивал через каждые полчаса, пока я не брал трубку. Он отравил нам всю радость установки своего, домашнего телефона. К счастью, Тимофей однажды проговорился, что, делая по заказу фотографии одной из восстановленных и вновь открытых церквей, познакомился с «батюшкой» и «познал бога». Я тут же отфутболил его к своему другу, столь же внезапно «вернувшемуся в лоно церкви». Звонки Тимофея ко мне прекратились, зато взвыл тот мой друг и при первой же встрече выразил мне «благодарность» за столь «ценное» знакомство.

Прошёл год, или полтора. Как-то, выходя с фотовыставки, я столкнулся с бомжеватого вида недомерком. Тимоха! Грязный мятый плащ с болтающейся на длинной нити полуоторванной пуговицей на рукаве. Заляпанные давно засохшей грязью расхлябанные ботинки со связанными из разноцветных кусочков шнурками. Небритое исхудалое лицо, покрытое ссадинами и изжелто-зелёными синяками. Дужка очков перевязана синей изолентой, одно из стёкол пересекает паутина трещин, другое заляпано чёткими отпечатками пальцев. И сшибающий с ног запах многодневного перегара!

— Ё-моё! — невольно воскликнул я. — Что с тобой случилось?

— Да вот, привязались какие-то подонки, избили, фотоаппарат отобрали...

— Я не о том: как ты дошёл до жизни такой?

— Мама умерла, — заплакал Тимоха. — С полгода уже. Пришлось сад продать, чтобы денег на похороны достать. А потом меня ограбили. Выбили дверь и вынесли всё ценное, что оставалось. И соседи, гады, говорят, что ничего не видели и не слышали!

— А как твои жена, дочь?

— Как мама умерла, я им написал, чтобы возвращались. Жена ответила, что вышла замуж, и дочка называет нового мужа папой. А я им не нужен, и письма мои не нужны.

— И как ты теперь? Зачем здесь?

— Так здесь, на выставке, половина фотографий — мои. Он у меня их купил, вместе с негативами. Пусть поделится. А тебе виды Коломны не нужны? У меня ещё много осталось, смотри.

Тимоха вынул дрожащими руками из драного кармана пачку фотографий.

— Купи, всего трояк — штука.

— Да зачем они мне? В семейный альбом не положишь, а выставки я не устраиваю.

— Ну, купи хоть пару, — начал клянчить он. — На выставке такие по пятёрке идут.

Я выудил из кармана всю мелочь — набралось около семи рублей — и протянул Тимохе.

— Спасибо тебе, — радостно забормотал он, протягивая мне пачку фотографий. — Вот, выбери себе, какие хочешь.

— Да ладно, — отмахнулся я, — зачем они мне. Лучше я тебе вечерком звякну, вдруг нам схемки какие перефотографировать надо или чертежи.

— Так, ведь, фотоаппарат-то у меня отобрали...

— А мы тебе свой дадим. Жди вечером звонка.

— Нет, не дозвонишься. Я на днях телефон уронил. Вдребезги. И ремонтировать не стал. Зачем он мне: я никому не звоню, и мне давно никто не звонит. Лучше возьми фотки, хоть три штуки, если хочешь.

Я понял, что у Тимохи «горит». Получив деньги, он уже рвался бежать в магазин, за своей последней и единственной любовью. Любовью и мукой всех алкашей. И не разбил он телефон, понял я, а давно продал и пропил, тем более что номер всё равно наверняка отключен АТС за неуплату. Я молча вынул из пачки первые попавшиеся фотографии. Тимоха облегчённо вздохнул, торопливо попрощался и исчез за углом...

Прошёл ещё год, а, может, два. Мы возвращались с дочкой с рынка, где она выбрала себе пару аквариумных рыбок, а я, наконец, нашёл давно разыскиваемую книгу. Жара стояла просто африканская. Асфальт размяк, с крыш гаражей капали слёзы смолы. Несмотря на раскрытые окна, дышать в трамвае было нечем. А тут, оказалось, что впередиидущий вагон сломался. На остановке собралась приличная недовольно гудящая толпа.

Надо сказать, что к тому времени все трамвайные и автобусные остановки уже успели обрасти, как грибами, коммерческими киосками.

— Пойдём, выпьем лимонада, пока толпа не схлынет, — предложил я дочке. — Всё равно мы с тобой в эту давку не полезем.

Мы купили пару бутылочек «фанты», взяли бумажные стаканчики и устроились за одним из грибовидных столиков, вбитых хозяевами палаток в тени деревьев. Глядя на нас, народ с остановки потянулся к окошкам, в которых заманчиво белели тетрадные листочки с самой распространённой «рекламой» того лета: «Имеется свежее холодное пиво!»

Мы рассматривали нервно плавающих в полулитровой банке меченосцев, неторопливо попивая «фанту», как вдруг из кустов выползла грязная вонючая фигура и заковыляла к столикам.

— Вам бутылки не нужны?

«Тимоха!» — с ужасом понял я. Давно небритый и немытый, в каком-то рванье, без очков, в коросте грязи и синяков. Он нетерпеливо переминался, ожидая ответа. Глаза его шарили по столикам, на людей он их не поднимал.

— Эй, прыщ, забери! — барственно — презрительно крикнул кто-то от «пивных» столиков, и Тимоха тут же радостно заковылял на зов. Я увидел, как он торопливо поднял брошенную в траву пустую бутылку, быстро обтер её полой драной непонятного цвета рубахи, что-то подобострастно буркнул «благодетелю» и засеменил к окошку приёмщицы стеклотары.

— Пойдём, пройдёмся пешком, — предложил я дочке. «Фанта» комком стояла у меня в горле. А, может, это была и не «фанта», а душившая меня ярость.

Интересно, о чём думала, умирая, мать Тимохи? Поняла ли, что своей эгоистичной любовью искалечила и погубила сына? Или радовалась, что ни с кем его не делит, что он только её? А, может, жалела, что не может забрать его с собой, чтобы никому другому, вернее, другой не достался? И, если есть тот, иной мир, что она сейчас видит оттуда и о чём думает? Как высший судия оценил её поступок? Ведь, она искренне была уверена, что желает и делает сыну только добро!

Прошла осень, потом — зима, а весной начали «всплывать» трупы, которые объединило в одно уголовное «дело» несколько общих обстоятельств: всё это были люди одинокие, нигде не работавшие, незадолго до исчезновения оформившие продажу своих квартир. Их никто не искал, их никто не любил...

Ошибка программиста

В Центр по изучению истории Земли

Во время рейса А-254 Плутон-Сатурн экипаж грузового лайнера К-31 обнаружил ядерный боевой корабль конца XX века. В рубке корабля найдены останки неизвестного астронавта. Просим прислать вашего представителя на Базу № 12 для изучения находки. Копия записей личного диктофона погибшего астронавта прилагается.

Командир Базы № 12 Крамер Б.С.

2 февраля

Сдал вахту Полу. По правде говоря, осточертело таращиться на эти звёзды. Крейсер напичкан электроникой. Могли бы обойтись и без нас. Не понимаю, какого дьявола президент пошёл на поводу у русских. Какая разница, кто нажмёт кнопку: человек или компьютер? Конечно, мы с Полом после вахты получим два месяца отпуска и кучу монет, но с другой стороны в случае войны мы будем отличной космической мишенью. Интересно, как там без меня развлекается Малышка Лиз?

23 февраля

Сегодня у русских праздник. Наши крейсеры прошли параллельным курсом (ракеты, конечно, в боевой готовности). Послал им поздравления. Передали, что шлют нам подарки в честь праздника. Выстрелили в нашу сторону контейнер. По инструкции разнёс его самонаводящейся ракетой.

1 марта

Сегодня проверял память Компи и обнаружил в справочнике неизвестный файл. Спросил Пола, что это за программа «альфа»? Тот удивился. Ему тоже про файл «альфа» ничего не говорили. Послал запрос на Базу.

2 марта

Получил ответ с Базы. За халатное отношение к служебным обязанностям при изучении программного обеспечения Компи по окончании звёздной вахты нас с Полом ждут неприятности. Я готов поклясться, что о программе «альфа» никогда не слышал.

А Пол выругался и засел за Компи — решил сам разобраться в «альфе».

12 марта

Малышка Лиз, боюсь, что в ближайшем будущем мы будем видеться через решетку. Пол запустил-таки эту проклятую «альфу», и теперь Компи не реагирует на команды с пульта, да ещё лишил нас связи с Базой!

13 марта

Вот и всё. Прощай, Земля! Сейчас я закончу свой дневник. Надеюсь, он когда-нибудь попадёт в руки людям, и они узнают, как погиб крейсер «Америка».

Была моя вахта. Я следил за приближающимся «Челленджером», а Пол в каюте укладывал наши вещи. «Челленджер» приближался, как мне казалось, целую вечность. Наконец зажёгся экран направленной связи, и я увидел самого полковника Чейза.

— Хэлло, Сэм, как поживаешь?

— Отлично, сэр! Вот уж не ожидал, что Вы лично прибудете за нами.

— Рано радуешься, мой мальчик. Мы получили от Компи сигнал, что вы запустили «альфу».

— Уверяю вас, сэр, в Центре нам с Полом никогда не говорили об этой программе. Мы пытались разобраться сами, но...

— Теперь это не важно, Сэм. Компи должен был отрабатывать «альфу» в боевых условиях в случае гибели экипажа. Программист не должен был выводить название этого файла в справочник. Я не удивляюсь, что именно ваша вахта обнаружила ошибку программиста — не зря вас зовут «птенцами папаши Чейза» — но мне жаль, что тебе и Полу придётся расхлёбывать эту кашу.

— Позвольте спросить, сэр, что нас теперь ожидает?

— По программе «альфа» крейсер занял круговую оборону. Компи считает, что экипаж погиб, поэтому сигналы с пульта не воспринимает. Через три часа в зону видимости локаторов «Америки» войдёт русский крейсер. Компи запросит пароль и, не получив ответ, атакует неприятеля. К чему это приведёт ты, надеюсь, догадываешься?

— Надо их срочно предупредить!

— Выдать военную тайну? И это я слышу от тебя, сынок?

— Простите,сэр, но...

— Молчать! Вы — звёздная вахта! Вы должны быть живыми роботами, вы — щит Америки! Короче, я доставил контейнер с инструкциями и приборами. Даю вам два часа. За полчаса до появления русского крейсера Компи должен слушаться вас, как новобранец сержанта.

Экран погас. Через полчаса Пол втащил контейнер в каюту. Я сидел в рубке, стараясь не смотреть на удаляющийся «Челленджер». На экране внутренней связи я видел Пола, яростно вскрывающего контейнер. «Америка» и звёздные вахты созданы в оборонных целях. Откуда взялась эта проклятая «альфа»? Почему Компи превратился в агрессора?

Внезапный взрыв швырнул меня на пульт управления. Пронзительно взвыла аварийная сирена. Вернувшись в кресло пилота, я выключил сирену и взглянул на приборы. Разгерметизация крейсера в районе каюты Пола. Воздух покинул «Америку». За дверью рубки космический вакуум.

— Пол! — закричал я, колотя по погасшему экрану видеофона. Но неожиданно зажёгся экран направленной связи, и я увидел полковника Чейза.

— Что случилось, мой мальчик?

— Взрыв в каюте Пола, сэр. Какое счастье, что «Челленджер» рядом. Пол погиб, а у меня кислорода на сорок минут.

— Жаль, сынок, что ты не помогал своему другу вскрывать контейнер. Знаешь, что тебя ждёт теперь? Следуя программе «альфа», Компи рассчитает момент и взорвёт один из маневренных двигателей «Америки». Этот взрыв бросит крейсер в определенную точку земного шара. Конечно, русские успеют взорвать «Америку» в атмосфере, но это нам и надо. На борту крейсера кроме термоядерных ракет имеется ещё кое-что. Это «кое-что» вырежет над Россией кусок неба, и через эту дыру космос будет жечь там всё живое. Видишь, сынок, к чему привело ваше с Полом любопытство?

— Значит, вы с самого начала не оставляли звёздной вахте ни одного шанса?

— Причём здесь мы, сынок? Ты ведь знаешь, что только по настоянию русских президент согласился на то, чтобы звёзд-

ную вахту несли люди. Мы пошли на это, но ты ведь должен понимать, что Компи выполнит приказ с Земли, а не будет ждать, нажмёт человек на борту кнопку или нет. Поверь, мой мальчик, мне очень жаль вас с Полом, но программа «альфа» запущена, и остановить её не возможно. Русские перехватили вашу радиограмму с запросом. Пока наш ответ их удовлетворяет. Катастрофа «Америки» подтвердит нашу версию о ненадёжности людей на звёздных вахтах. А теперь прощай, сынок, Америка никогда не забудет ваши имена!

Экран погас.

Я посмотрел на индикатор: кислорода осталось на полчаса. Пальцы пробежали по клавишам пульта. Компи не реагировал. Ну что ж, папаша Чейз, ты сам учил нас никогда не сдаваться, не терять головы, что бы ни случилось. Одним махом я вырвал переднюю панель Компи, нашел блок памяти и выдернул его из ячейки. Компьютер продолжал выполнять программу, во весь дисплей горело слово «альфа». Видимо, эта проклятая программа намертво вписана в процессор. Процессор я отключить не могу, зато я могу иное. Быстро нахожу кабель, ведущий от выходных портов Компи к исполнительным механизмам. Спасибо, полковник Чейз, за науку. На тренажёре ты часто задавал нам неисправность именно в этих цепях. Отсоединяю кабель от Компи. Теперь программа «альфа» обречена.

Гляжу на индикатор. Кислорода осталось на 15 минут! Мой возбуждённый организм поглощает его слишком много. Куда сейчас несёт неуправляемую «Америку»? Взгляд на экран: взрывом крейсер развернуло перпендикулярно орбите. «Америка» летит боком, её нос устремлён в пустой участок неба. По памяти нахожу линию управления главными двигателями и, как раньше на тренажёре, замыкаю провода. Крейсер вздрогнул и рванулся прочь от Земли. Меня вжало в переборку, потемнело в глазах.

Прощай, Малышка Лиз...

Наследство

Умерла у меня мать. Похоронили, всё как положено, И пошёл я к нотариусу оформлять наследство: дом в деревне. Собрал все нужные справки, документы, приношу, а там мне говорят:

— Почему у тебя «Свидетельство о рождении» с исправлениями?

Гляжу — действительно: отчество у меня сначала было написано «Павлович», потом зачеркнуто и исправлено на «Петрович». И дата рождения 8 февраля переправлена на 9.

— Такой документ нам не подходит. — Говорит нотариус. — Иди в ЗАГС и возьми новый, без исправлений. А то не понятно, кто твой отец.

Я ему:

— Да здесь же чётко написано: отец — Иванов Петр Павлович, да и наследство я материно получаю, а не отцово.

Но тот упёрся. Делать нечего, поехал в районный ЗАГС. Взял бланк, сижу, заполняю. И вдруг эта, что в окошке сидит, как заорёт на меня:

— Где ты такое «Свидетельство о рождении» взял?

— Мать дала, — говорю, — когда паспорт получал.

— Ты — кричит она — по паспорту родился в 1931 году. А «Свидетельство» твоё выдано в 1938. Как это понимать?

— А я откуда знаю? Посмотрите в своих книгах, вы же мне эти документы выдаёте, а не Пушкин.

Но, оказалось, что книги за 1931 и 1938 года в ЗАГСе утеряны. Вышел я из ЗАГСа, как говорится, не солоно хлебавши. Что делать? У матери уже не спросишь, отец с войны не вернулся. Поехал я к тётке, припёр её к стенке и выяснил: действительно, незаконный я. Никогда отца у меня не было. Конечно, он был, но с матерью не расписывался и не жил. И «Свидетельство о рождении» мать стала оформлять, когда мне в школу пришла пора идти, а до этого то ли стеснялась, то ли ещё чего. Тётка тогда и бегала на другой конец села к отцу за паспортом, чтобы данные его списать. Ну, отец от меня не отказывался, паспорт дал и по исполнительному листу платил аккуратно.

Пошёл я опять в ЗАГС, объяснил ей ситуацию, а она взвилась, чуть в своё окошко не вылетела.

— Так ты что ж, выходит, под чужой фамилией живёшь?!

Раз твой отец с матерью не расписан, почему ты его фамилию носишь? Иди в милицию разбирайся.

Пошёл я в паспортный стол. Попал к женщине в лейтенантских погонах. Выложил ей всю историю, все бумажки. Посмеялась она, говорит:

— Ерунда. Если есть исполнительный лист, то всё будет в порядке. Пиши заявление о перемене фамилии на Иванова.

— Зачем? — Опешил я. — Я и так 50 лет с этой фамилией живу, все документы мои на «Иванова» оформлены

— Так надо.

Ладно, пишу заявление, через два дня прихожу в ЗАГС. Спрашиваю эту, в окошке, пришли ли мои бумаги из милиции.

— Какие бумаги? Это филькина грамота! Я их отправила им назад.

Короче, создали комиссию, которая два месяца изучала мои документы, решая, кто я такой. В конце концов решили, что я — это я, и отправили все бумаги в Москву на утверждение. Через три недели из Москвы пришел ответ, что мне можно выдать «Свидетельство о рождении». Я обрадовался, схватил всю кипу бумаг и побежал в ЗАГС. Прочитала она заключение комиссии, ответ Москвы и говорит:

— Я бы хоть сейчас тебе всё оформила, но не могу. У нас ведь районный ЗАГС, а ты уже давно в городе живёшь, иди в городской.

Посмотрел я на неё так, что она своё окошко захлопнула, перешёл через дорогу, городской ЗАГС как раз напротив районного был. Иду сразу к начальнику, рассказываю свою историю, даю все бумаги, документы, заключение комиссии и ответ Москвы.

— Всё это хорошо, — говорит она. — Только всё равно мы обязаны проверить ваши бумаги.

У меня руки опустились. Неужели еще два месяца ждать?

— Нет, — успокаивает она. — Если члены той комиссии, что Вами занималась, подпишут выводы нашей комиссии, то всё будет сделано быстро.

Короче, все мои мытарства продлились полгода. В конце концов, выдали мне «Свидетельство о рождении», а в графе «Отец» поставили прочерк. И теперь получается, что я всю жизнь живу под «добровольно выбранной фамилией». Вот так!

Эксперимент

Именно плоть всегда губит душу.
В.Гюго «Собор Парижской Богоматери»

— Назови своё имя, демон!

— Зачем? Ты не знаешь, кого вызвал?

— Я приказываю тебе назвать своё истинное имя!

— А то что? Отправишь меня в ад? Кстати, ты сам-то кто?

— Не выходи из пентаграммы!

— Почему, собственно? Ты, если хочешь, можешь торчать в своём дурацком пентакле, а мне удобнее беседовать, сидя в кресле. Ну и обстановочка у тебя, герметик! К чему тебе все эти скелеты животных, подвешенные к потолку? А человечьи и лошадиные черепа, лежащие на этой груде манускриптов? Для чего они тебе? А навонял-то!

— Это от тебя несёт серой, адское отродье! Я, архидьякон Собора Парижской Богоматери Клод Фролло, приказываю тебе, демон, немедленно вернуться в пентаграмму и назвать своё истинное имя.

— Ну, давай посмотрим, что там за имя написано в моей печати? Ахамиэль. А у тебя губа не дура! И что тебе надо от демона Ахамиэля?

— Сначала я хочу убедиться, что Ахамиэль — это ты.

— А то кто же? Кого звал — того и получил. Чёрт побери, почему вы, герметики, наделяете демонов столь гнусной внешностью и запахом? Думаешь, удобно сидеть в кресле на хвосте? А рога? В следующий раз надели меня более приличным телом.

— В следующий раз? Другим телом? О чём ты?

— Не строй из себя идиота, архидьякон. У тебя хватило ума вытащить меня сюда. Неужто до сих пор не понял?

— Не смей меня оскорблять, демон! Я уже в шестнадцать лет мог померяться в теологии мистической с любым отцом церкви, в теологии канонической — с любым из членов Собора Парижской Богоматери, а в теологии схоластической — с доктором Сорбонны. Покончив с богословием, я изучил церковные положения, затем — медицину и свободные искусства. Я знаю латынь, греческий и древнееврейский. Я закончил все эти четыре факультета в восемнадцать лет! Наука всегда была целью моей жизни. Но она не смогла дать ответ на все мои вопросы, и

я изучил герметические книги. Я вызвал тебя, чтобы получить ответы. Ты обязан мне подчиняться, раз явился на мой зов! Что я сделал не так? Или ты — не Ахамиэль? Почему у меня нет власти над тобой?

— Успокойся, Фролло, всё ты сделал правильно. Вот тебе первый ответ: в этом мире существует только один демон — Я. Вот имён вы, люди, надавали мне много, всех и не упомню. Поэтому, кого бы ты не вызывал, приду я. И выглядеть буду так, как ты меня воображаешь. И никакой власти надо мной у тебя нет, да и откуда ей взяться? Все ваши ритуалы и заклинания — просто средство, доставляющее ваш зов мне, не более. Представь, сколько людей желает встречи со мной. Человек должен иметь определённый запас знаний и важную цель, чтобы успешно выдержать ритуал вызова. Сколько суток ты твердил заклинания, семь? Вот тебе и ещё одна функция ритуалов: отбор наиболее грамотных, любознательных и упорных, своего рода научной элиты. Так что у тебя за проблема?

— Я думал просто приказать тебе выполнить моё желание, Ахамиэль. Но раз ты, как оказалось, мне не подвластен, возникло некое затруднение.

— Ты имеешь в виду плату за услугу, Фролло?

— Да, демон. Я знаю, что нужно твоему господину — Сатане. Моя бессмертная душа!

— Сатана, Дьявол — это всё мои имена. Я же тебе уже говорил: нет ни ангелов, ни демонов. Я один застрял на вашей отсталой планете. И тебе нечего мне предложить — твоя душа и так моя. Скажу более: ваша душа — это моя работа. Я за неё отвечаю.

— Я не верю тебе, Ахамиэль. Да, я согрешил, занявшись магией. Но есть, ведь, и раскаяние. Господь милостив.

— Господь?! Ха-ха-ха! Какой господь? Ты не слушаешь меня, человек. НЕТ НИКОГО, КРОМЕ МЕНЯ. Тебя, ведь, и это интересовало, архидьякон? Я совершенно бесплатно даю тебе ответ.

— Не может быть! Есть свет и тьма, добро и зло, есть ты — значит, должен быть и Он. А душа? А рай и ад? Их тоже нет?

— Хитёр, архидьякон! Хочешь получить ответы бесплатно. Знаешь, сколько умников пыталось поймать меня на подобный приём? Ну, да ладно, я отвечу. Ад находится здесь, на земле.

Главная же тайна бытия, Фролло, это то, что человек обладает лишь частичкой души. Именно в этом и состоит суть любви: частички души, рассеянные по разным людям желают воссоединиться. Человек всю жизнь ищет свою «половинку». Когда такие «половинки» встречаются, возникает то, что вы называете любовью с первого взгляда. Отсюда и необъяснимая тяга одного человека к другому.

Когда двое соединяются, соединяются и их души, свет и тьма которых начинают взаимодействовать, как жидкости в соединяющихся сосудах. Они могут смешаться, свет одной может заглушить тьму другой, и наоборот. А могут и не вступить во взаимодействие — удел браков без любви, по расчёту или необходимости. После смерти тела-носителя душа попадает в Чистилище. Если светлая её часть превышает определённый предел, душа попадает в рай. Если нет — возвращается на землю и возрождается в каком-нибудь младенце, лишённая памяти о прошлом, и начинает всё с нуля. Редкому одиночке удаётся в достаточной мере развить у себя светлую часть и подавить тёмную. В паре легче, хоть и появляются свои трудности. Любовь — вот средство! Ты, архидьякон, лишил себя этого средства. Я вижу черноту твоей души. Рая тебе не видать!

— Врёшь, демон, я знаю, что такое любовь. Летом 1466 года чума унесла моих родителей. У меня, осиротевшего в 19 лет, на руках остался брат — в ту пору грудной ребёнок. Я заменил ему отца и мать и очень полюбил. Сейчас Жеану уже 16 лет, и все эти годы не было дня, когда бы я забыл о нём. Я знаю, что такое любовь!

— Братская любовь не бесплодна, конечно, но... не то! Твоя душа, Фролло, должна найти свою половинку.

— Как же быть, Ахамиэль? Ты можешь мне помочь? Боже, я глупею на глазах: зачем бы ты иначе стал тратить время на беседу со мной? Но зачем тебе это? Что тебе от меня нужно?

— Я ставлю опыты, архидьякон! Далеко не первый и вряд ли последний. Однако, к сожалению, пока не было случая, чтобы моя помощь изменила судьбу человека. Я выполню твоё желание, архидьякон. Ты полюбишь. Более того, ты встретишь свою половинку.

***

— Смотри, что ты сделал со мной, дьявольское отродье! — Клод Фролло в ярости швырнул в появившуюся в пентаграмме фигуру кинжал. Демон небрежно отмахнулся хвостом, и клинок со звоном отлетел под заросший пылью и паутиной очаг.

— На нём кровь! Я убил этого мерзавца, этого наглого, похотливого козла, у которого ума меньше, чем у козочки Эсмеральды! Ты обманул меня. Как я мог поверить Дьяволу? Ты окончательно погубил мою душу!

-Я? Нет уж, архидьякон, за свои поступки отвечай сам. — Демон спокойно смахнул с кресла несколько манускриптов и постарался устроится в нём с максимальными удобствами. — Какого чёрта ты опять засунул меня в эту оболочку, Фролло? И о каком обмане ты вопишь?

— Ты обещал мне любовь.

— Разве ты не влюблён?

— В цыганку, пляшущую на площадях!

— Я не обещал тебе королеву Франции.

— Издеваешься? Ты говорил, что я встречу свою половинку, а Эсмеральда влюблена в этого негодяя, которого я убил, в капитана Феба де Шатопера!

— А разве я обещал тебе ВЗАИМНУЮ любовь, Фролло?

— Дьявол!

— Ну, хватит истерик! Возьми себя в руки. Я предупреждал тебя: моя помощь пока никому не пошла впрок. Вот и ты, хваставшийся прошлый раз своей учёностью, не дал себе труда осмыслить то, что я открыл тебе. Ты меня упрекаешь в том, что Эсмеральда любит не тебя, а капитана Феба де Шатопера. А когда она влюбилась в него? А откуда в ТЕБЕ возникла любовь? Почему капитан де Шатопер сначала предпочёл нищую цыганку красавицам-аристократкам, а потом, вдруг, стал в ней видеть только потаскушку? С чего ты взял, что душа разделена ровно пополам? Ты уже знаешь закон, что если где-то что-то прибыло, то столько же в ином месте убыло?

— Подожди, Ахамиэль, у меня голова идёт кругом. Ты намекаешь, что между мной и капитаном де Шатопером существовало родство душ?

— Разумеется! Как бы иначе я смог у ЖИВЫХ пока людей скорректировать содержимое сосудов? Ты получил кусок души

капитана де Шатопера, что, естественно, резко ослабило у того тягу к Эсмеральде. Тебе нужно было немного подождать, пока цыганка поймёт, что предмет её влечения изменился. Убив капитана, ты всё разрушил. Слишком недолго часть его души была в тебе. Боюсь, в Чистилище душа капитана обретёт утраченную цельность, и ты лишишься украденной любви.

— Как же быть? Любовь и ревность лишили меня хладнокровия и разума. Но, ведь, в твоей власти всё исправить! Я знаю, вернее догадываюсь. Христос умер на кресте, и через три дня ожил. Если ЕГО нет, то это чудо — твоих рук дело! Пусть этот проклятый капитан живёт, всё равно я больше не допущу его встречи с Эсмеральдой.

— Да, Иисус из Назарета был немного моложе тебя, когда вызвал меня. Он был умён не по годам и досконально изучил каббалу. Иисус потребовал, чтобы я наделил его способностью узнавать своих душевных партнёров и забирать у них светлые части души без необходимости телесного контакта — только по его желанию. Этот каббалист так жаждал попасть в рай, что стал просто душевным вампиром. Он только брал, ничего не давая взамен. Люди шли за ним, не желая расставаться с частичками своей души, толком не понимая, почему ради этого чужого им человека они бросили всё?

Родственников Иисус отринул сразу — в отличие от тебя он мгновенно понял расклад душ. То малое, что было в его братьях и сёстрах, он взял в первый же день. И стал чужим для всех родных, кроме матери. Материнская любовь — это отдельная тема. Чем больше чужих частичек души собирал Иисус, тем сильнее и непреодолимее становился его душевный магнетизм и влияние на душевно им обездоленных людей.

Когда Иисус решил, что награбил достаточно, то решил избавиться от тела-носителя. Самоубийство перечеркнуло бы все его усилия — это было моё условие сделки. Ты знаешь, на какие ухищрения пришлось пойти Иисусу, чтобы умереть. Но он не выдержал мук распятия, и одна из жертв его душевного вампиризма, римский солдат, выполняя желание корчившегося на кресте — ткнул несчастному копьём в сердце. Я расценил это как нарушение договора.

Да, Фролло, Иисус из Назарета воскрес. Он не попал в рай. Он даже не попал в Чистилище. Этот величайший в исто-

рии вампир чужих душ стал тем самым бессмертным жидом, Агасфером. Высосав из людей столько света, Иисус тем самым резко увеличил в мире количество тьмы. Поэтому, его вчерашние почитатели отрекались от него и столь яростно требовали у Пилата казни своего бывшего кумира. Отсюда поношения и издевательства, которым подвергла Иисуса толпа по дороге на Голгофу.

После казни и воскрешения вся эта лишняя тьма саккумулировалась в Агасфере. Теперь этот несчастный бредёт по земле, постепенно избавляясь от мрака. Там, где он останавливается надолго, возникают эпидемии и войны. 16 лет назад он посетил Париж.

Поспешив в рай, Иисус из Назарета сам значительно удлинил своей душе путь. Я же говорил, моя помощь ещё никому не пошла впрок.

— Иисус спешил в рай. А что есть рай, Ахамиэль?

— Наконец-то ты задал этот вопрос, архидьякон. Рай — это соты, куда пчёлы-люди несут нектар своих душ. После Чистилища светлые частички ваших душ сливаются в одно целое, образуя мёд мирового разума.

Ты видел муравейник, Фролло? Это остатки носителей первого Высшего Разума, уже покинувшего Землю и отправившегося в космос для встреч и слияний с иными Разумами. А муравейники остались бледными образчиками коллективного разума, их функции развития и совершенствования остановились, так как некому их востребовать, так сказать, «свыше».

Следующий Высший Разум, зародившийся на Земле, использовал уже иных маток-носителей. Это были огромные ящеры, которых вы ныне зовёте драконами. Они быстрее развивались, и каждая особь обладала неизмеримо большим интеллектом по сравнению с насекомыми. Процесс взросления Разума происходил быстрее, но была утрачена важная функция коллективизма. Когда второй Высший Разум достаточно сформировался и отделился от маток-носителей, те, в отличие от муравейников, не смогли выжить. Драконы вымерли, и это дало мне возможность выйти на третий круг опытов. В вас, людях, объединились достоинства предыдущих носителей: индивидуальный высокий интеллект и коллективизм.

Но, я вижу, ты не слушаешь меня, архидьякон. Твоя голова

занята иным.

— Я люблю, а меня — нет! Исправь это, демон!

— Хорошо, я выполню твоё желание, архидьякон. Тебя полюбят.

***

— Вот всё, что я любил! — сквозь гул толпы донеслись до распростёртого на камнях Гревской площади Клода Фролло полные горечи и муки слова Квазимодо. Переломанный в нескольких местах позвоночник избавил архидьякона от боли в разбитом теле, но и лишил возможности повернуть голову, чтобы в последний раз увидеть свою любовь, пусть даже обезображенную виселицей.

— Ахамиэль, ты опять обманул мои ожидания: я жаждал любви Эсмеральды, а ты дал мне любовь Квазимодо! Я отдал Эсмеральду на виселицу, и Квазимодо сбросил меня с Собора. Будь проклят твой рай!..

— Вот так всегда, — вздохнул невидимый толпой Демиург. — А ведь я сразу честно предупредил: твоя личная дорога в рай, человек, с каждой нашей встречей будет только удлиняться...

Изгнанник

— Встань, Изгнанник! — прогремел рядом голос капитана звездолёта.

Существо, до этого неподвижно лежавшее на земле, неуклюже зашевелилось. Открылись тяжёлые веки. Глаза с удивлением осмотрели странное тело: гибкий, мускулистый торс, четыре конечности с пятью подвижными отростками...

— Ты совершил тяжкое преступление, — продолжал грохотать голос, — из-за твоей халатности наш корабль потерял половину маршевых двигателей. Устраняя аварию, погиб член экипажа. Мы вынуждены досрочно свернуть экспедицию и как можно скорее вернуться на Атлантиду.

Существо судорожно задёргалось, стараясь развернуться лицом к капитану. Оно хрипело, пытаясь что-то сказать в ответ.

— Я решил оставить тебя здесь, — безжалостно ревел капитан. — Тебе повезло: тут есть жизнь. Мы придали твоему телу форму разумного обитателя этой дикой планеты. Остаток своей жизни ты проведёшь, изучая местную флору и фауну, людей, их язык и историю. Накопленные знания записывай в контейнер памяти. В нём есть маяк, по сигналу которого следующая экспедиция к этой планете вас найдёт. Это будет не скоро, так как наш корабль теперь не сможет развить максимальную скорость. Но ты не волнуйся: твоё новое тело проживёт достаточно долго. По местным меркам, ты бессмертен...

— Нет, вы не оставите меня! — Изгнанник рывком вскочил на ноги и тут же упал: новое, ещё не изученное тело сопротивлялось, не хотело подчиняться чужому разуму.

Зарычав от боли и бессилия, Изгнанник приподнялся на дрожащих руках и замер. Капитана не было! Просто рядом лежал контейнер памяти, воспроизводящий запись послания.

— Живи, Изгнанник, — продолжал греметь голос капитана. — На Атлантиде тебя ждут позор и забвение, твоё имя сотрут из всех списков. В память о нашей дружбе я даю тебе шанс: исследовательской работой здесь ты можешь искупить свою вину перед атлантами и вновь обрести имя. Прощай, Изгнанник!

— ...И последний вопрос, чужеземец. Ты поведал мне удивительные вещи о своей родине. Но где она? За Геракловыми

столбами? На каком краю Ойкумены? Может быть, я смогу помочь тебе отыскать её и вернуться домой?

— Нет. Мне никто не может помочь. Настоящая Атлантида для меня давно канула в Океане Вселенной. Пожираемый тоской и одиночеством, я попытался воссоздать её кусочек на одном из здешних островов. О нём я тебе и рассказывал. Мне хотелось сделать жизнь людей лучше, чтобы она стала лёгкой и счастливой, чтобы борьба за кусок пищи не занимала все их мысли. Я поделился с людьми некоторыми знаниями атлантов, и они в благодарность дали мне имя «Прометей». Вскоре мой остров стал могучим и процветающим государством, и я возгордился достигнутыми успехами и утратил контроль над событиями и людьми. Жрецы, которым я безрассудно доверял, злоупотребили полученными от меня знаниями, и в результате их действий здешняя Атлантида погрузилась в пучину моря, а вместе с нею и тысячи её жителей. Я хотел, как лучше, но, как оказалось, взялся не за своё дело: мне надо было изучать, а не поучать. Моя вина перед атлантами не уменьшилась, а наоборот, увеличилась. Прощенья не будет. Теперь я не только вновь безымянный изгнанник, но и вечный странник в этом мире...

Шаги Изгнанника затихли вдали.

— Странный чужеземец, — задумчиво прошептал Платон. — И удивительную рассказал историю. Поучительную. Конечно, про то, что его звали Прометеем, этот бродяга приврал, как и про город в океан Космоса. А вот про затонувший остров я, кажется, встречал что-то похожее у Солона. Надо записать всё услышанное мною сегодня для потомков и сделать это так, чтобы они мне поверили. Да, пожалуй, я оформлю текст в виде диалогов. Решено, так будет лучше...

«Надо, Федя. Надо!»

Как известно, в России издавна присутствуют две беды: дураки и дороги. А с тех пор, как царь открыл кабаки, добавилась третья — неумеренное пьянство. Ныне же к пьянству добавилась ещё и наркомания.

От дураков во власти избавиться невозможно — сама власть не даёт. Каждый начальник подбирает себе в заместители человека, заведомо глупее себя: «умные нам не надобны, нужны исполнительные». В то же время умные люди сами не идут во власть: «служить бы рад, прислуживаться тошно». Таким образом, когда глупый начальник уходит на пенсию или переводится на другой пост, на освободившееся место заступает, как правило, его заместитель, который в свою очередь ставит на своё бывшее место ещё более глупого чиновника. И процесс этот длиться и длиться, а власть всё более оглупляется и дуреет. Пока переворот или революция не грянет. Власть на время переменится, но суть её останется прежней, и вскоре начнётся новый виток оглупления.

Вторая беда — дороги. Ныне их строительство и ремонт из насущной необходимости превратились в весьма прибыльный бизнес. А потому «строить на века» нынешним дельцам совершенно невыгодно: проще непрерывно ремонтировать одни и те же участки дорог. Переломить эту ситуацию тоже практически невозможно, т.к. теми дельцами являются часто сами представители власти, прихватизировавшие или скупившие за бесценок обанкротившиеся при развале СССР строительные предприятия, асфальтовые и прочие заводы.

Ну, а как у нас «борются» с третьей бедой, никому рассказывать не надо. И «в борьбе с «зелёным змием» побеждает «змий».

Извечный русский вопрос: что делать? Ни к переворотам, ни к революциям я никого призывать не буду, а вот с двумя другими бедами можно потягаться. Предлагаю стравить их между собою, и пусть они в борьбе друг с другом постепенно самоуничтожаются! Как это сделать практически? Очень просто: надо возродить столь легкомысленно уничтоженные ЛТП.

Мне могут возразить: чем же тут могут помочь лечебно-трудовые профилактории? Ведь, мы всё это уже проходили, и никакого толку от подобных учреждений не наблюдалось. Правиль-

но! От профилакториев толку и не будет. В предлагаемых мною ЛТП буковка «П» означает не профилакторий, а предприятие! Пьяницы и наркоманы будут в них не только лечиться, но и работать на ремонте и постройке столь необходимых нам дорог.

Мне и тут могут сказать, что всё это уже было и результатов не дало. Полвека не сходит с экранов комедия о приключениях студента Шурика. Все мы помним, как ему в напарники на стройке дали «для исправления трудом» пьяницу и хулигана Федю. В результате студент Шурик вкалывал на стройке за двоих, а Федя только имитировал работу. Поэтому я предлагаю изменить сам принцип работы ЛТП.

Что происходит с пьяницами и наркоманами сейчас? Они считаются (и являются) больными людьми. Их «лечат» за счёт родных и близких. «Лечение» это весьма условно и практически всегда даёт временные результаты. Рано или поздно больной вновь тянется к стакану или шприцу. А врачи разводят руками, заявляя, что так называемое лечение в данном случае далеко не главное. Прежде всего, сам больной должен захотеть вылечиться! А если такого желания у пьяницы или наркомана нет, то процесс лечения превращается в бессмысленную трату весьма немалых денег родственниками «больного».

Пробудить желание выздороветь и призваны предлагаемые мною ЛТП. Пьяницы и наркоманы не будут, как комедийный Федя, просто «отбывать в них срок». Разумеется, сначала больного вылечат. То бишь, приведут в состояние, в котором их обычно выпускают из больниц. И не за счёт их родственников! Вылечившиеся обязаны отработать своё лечение и содержание на дорожных работах. Там не требуются особые знания и квалификация. Как говорится: бери больше, кидай дальше. За проживание в ЛТП, еду и спецодежду с элтэпэшников можно брать плату по гостиничным и ресторанным ценам. Платить они будут не деньгами родных и близких, а квадратными метрами отремонтированных и построенных дорог и тротуаров. По сметным расценкам. Комедийный Федя мог вполне безнаказанно бить баклуши, отбывая свои пятнадцать суток на стройке. В предлагаемом мною ЛТП этот Федя не выйдет на волю, пока не построит, допустим, 50 квадратных метров дороги. Плюс сколько-то там квадратных метров за лечение, проживание и еду. Чем хуже будет работать Федя, тем больше метров дороги ему при-

дётся построить, так как срок его пребывания в ЛТП будет удлиняться, а платить за проживание и еду необходимо. Я уверен, что грязный тяжёлый труд на свежем воздухе весьма поспособствует пробуждению у элтэпэшников столь необходимого окружающим желания никогда больше не злоупотреблять спиртным или наркотиками.

Сейчас всяческие «правозащитники» завопят, что я предлагаю возродить рабский труд и ГУЛАГ. Ничего подобного! «Больных», конечно же, нужно содержать в приличных условиях и хорошо кормить, чтобы у них были силы для работы. У «общечеловеков» должна быть возможность в любой момент проверить это.

Далее. Вы можете сказать, что нынешнему Феде нет никакого резона вкалывать, раз он будет жить в комфортных условиях и питаться нормальной пищей. Все бомжи немедленно ломанутся в такие ЛТП! Но, во-первых, «это сладкое слово — свобода» для многих имеет огромное значение. Во-вторых, дороги не строят в одиночку. Очевидно, будут организованы небольшие дорожные бригады из «больных», норма которых будет просто складываться из личных долгов работников. То бишь, бригада из трёх человек обязана построить 150 квадратных метров дороги. Цифра, разумеется, условна и приведена для лучшего понимания идеи. Водители самосвалов, асфальтоукладчиков и катков должны быть обычными вольнонаёмными работниками. Оплата их простоя тоже автоматически ложиться на плечи бригады «больных» дополнительными квадратными метрами дорог. Так что перевоспитание бездельников и «сачков» будет производиться их же коллегами по «болезни». А особо злостных бездельников после определённого срока уклонения от работ можно отправлять отрабатывать набежавшие долги за лечение и содержание на государственные урановые рудники.

Таким образом, мы можем в какой-то мере решить две нынешние российские проблемы: пьянство с наркоманией и дороги. С семей снимется бремя содержания алкашей и наркоманов. Общество избавится от созерцания их непотребства и преступлений. России станут не нужны криминальные орды гастарбайтеров, ныне занятых на этих работах. Власть и дельцы не пострадают. Дороги улучшаться. Все будут в выигрыше!

Содержание:

С. Калабухин. Через тернии... 3

Рифы любви. 7
Десять минут счастья 18
Магия любви 25
Мои невесты 53
Гибель Анархии 58
«Холодной буквой трудно объяснить…». 91
Чёрный следопыт 102
Ночь и вся жизнь 120
Махмудыч 132
О кошках и собаках 139
Благо дара. 150
Лабиринт чувств. 157
Сказка о понаехавших и чудо-пылесосе 162
Злая любовь 165
Ошибка программиста 173
Наследство 177
Эксперимент 179
Изгнанник 186
«Надо, Федя. Надо!» 188

Сергей Владимирович Калабухин

Взрослые сказки

Рассказы

Книга издаётся в авторской редакции.

Художник:
Н.В. Ковалёва

Дизайн обложки:
Н.В. Ковалёва

Корректор:
С.В. Калабухин

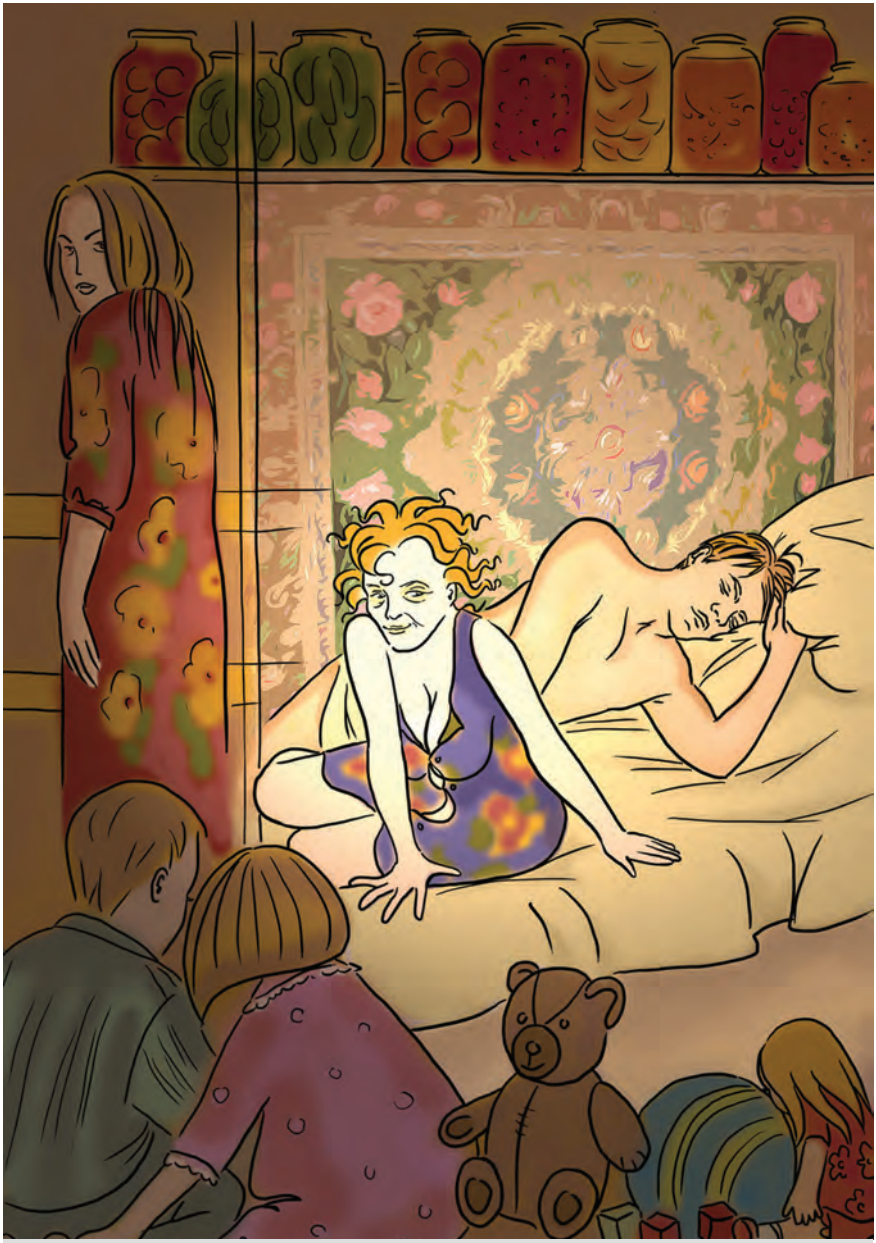
Компьютерная вёрстка:
Д.В. Минаев

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

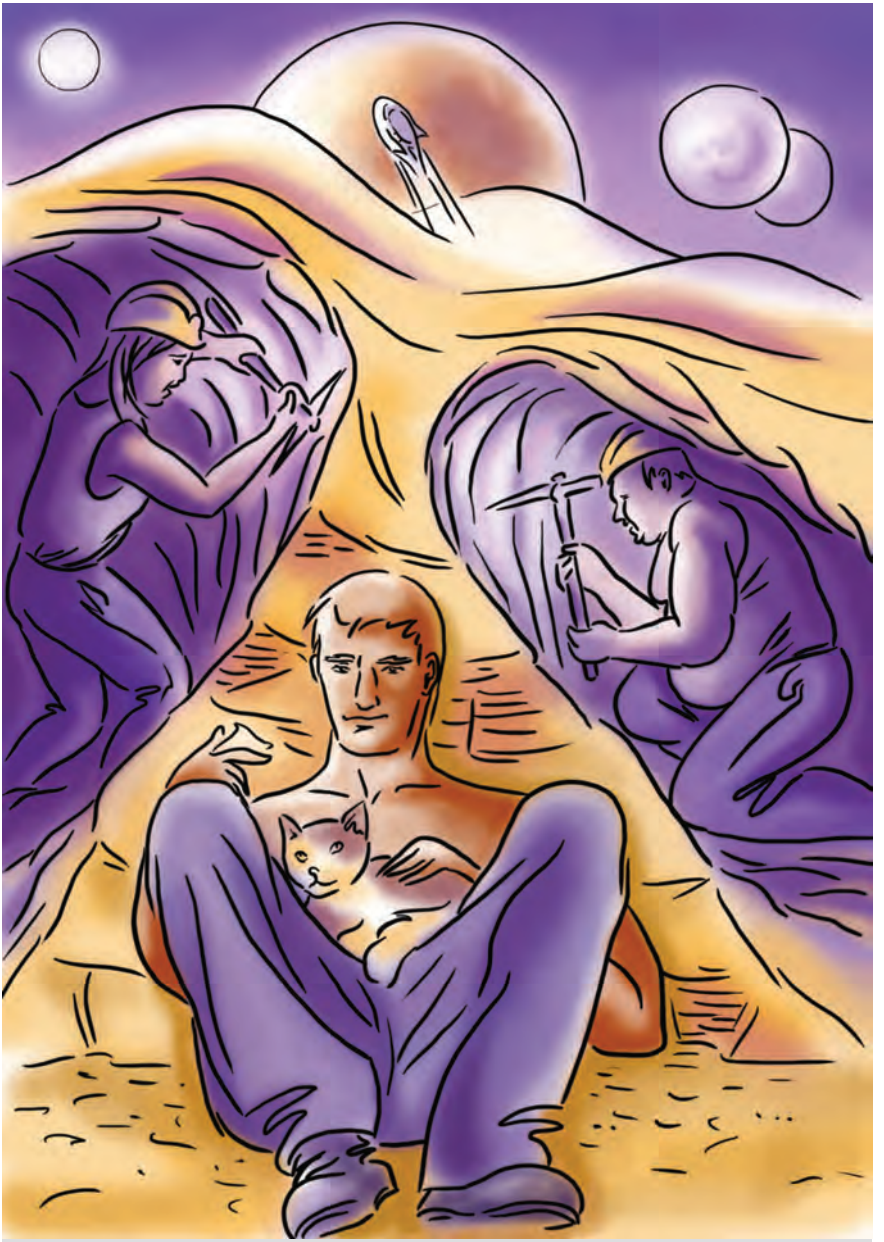
Телефон: *8 (926) 433-33-99*
E-mail: *serebro.slov@gmail.com*
Сайт: *http://tvoyakniga.ru*
Интернет-магазин:
http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 01.07.14
Формат 60x90/16. Бум. офс. №1. Печать цифровая.
Гарнитура BalticaC. Тираж 100 экз. Заказ № 1290

Отпечатано в ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»
140200, Московская область,
г.Воскресенск, ул.Вокзальная, 30
E-mail: vosprint@mail.ru Тел: 8(496) 442-45-42



Рифы любви (стр. 7)



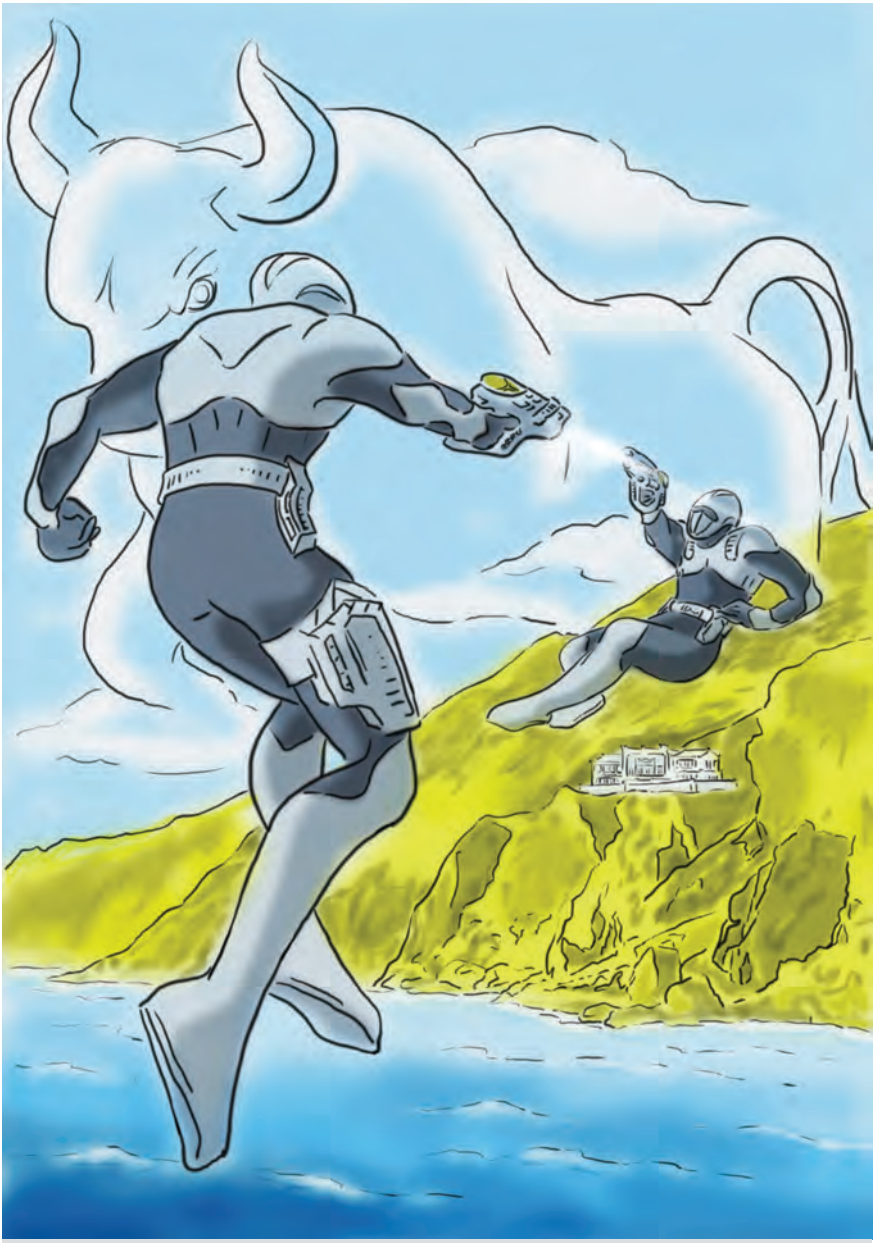
Десять минут счастья (стр. 18)

Магия любви (стр. 25)

Мои невесты (стр. 53)

Гибель Анархии (стр. 58)

«Холодной буквой трудно объяснить…» (стр. 91)



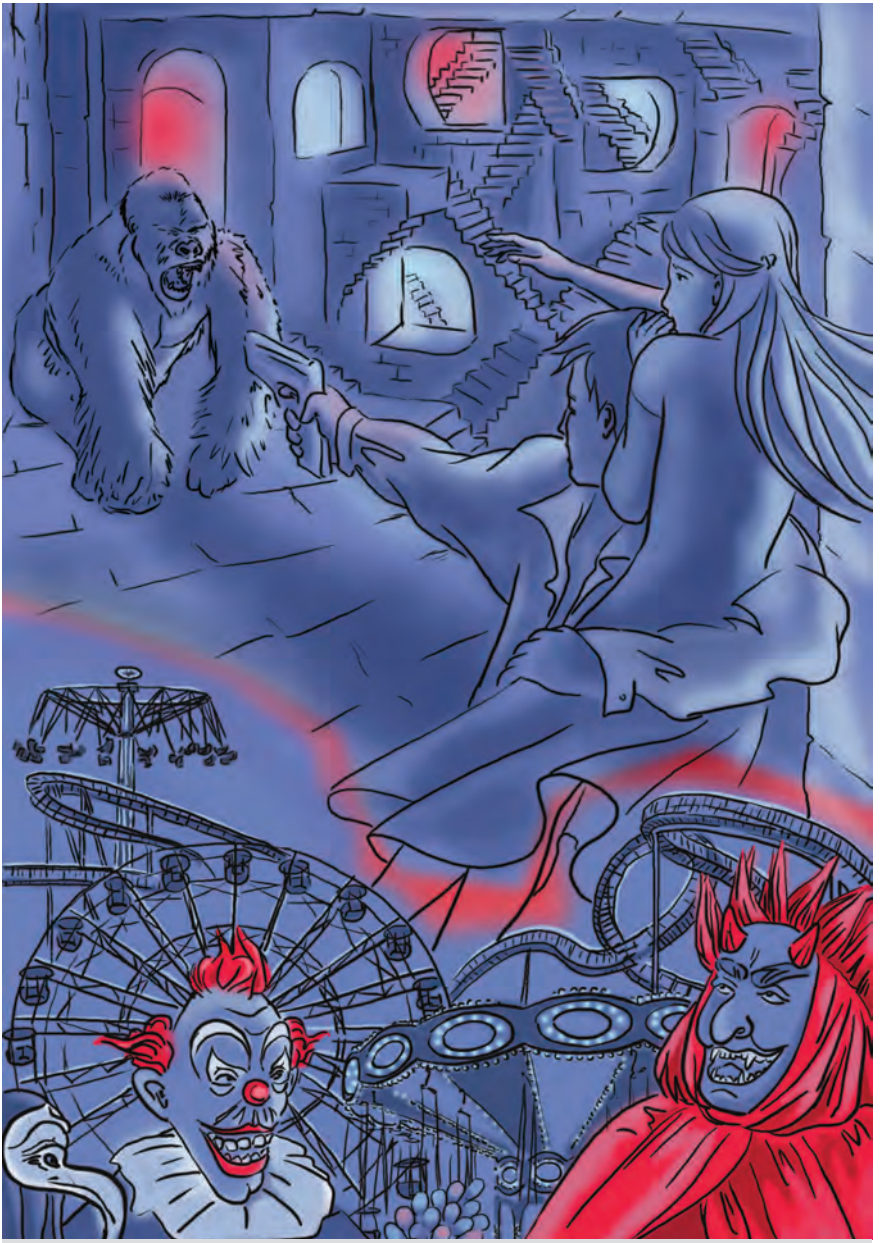
Чёрный следопыт (стр. 102)

Ночь и вся жизнь (стр. 120)

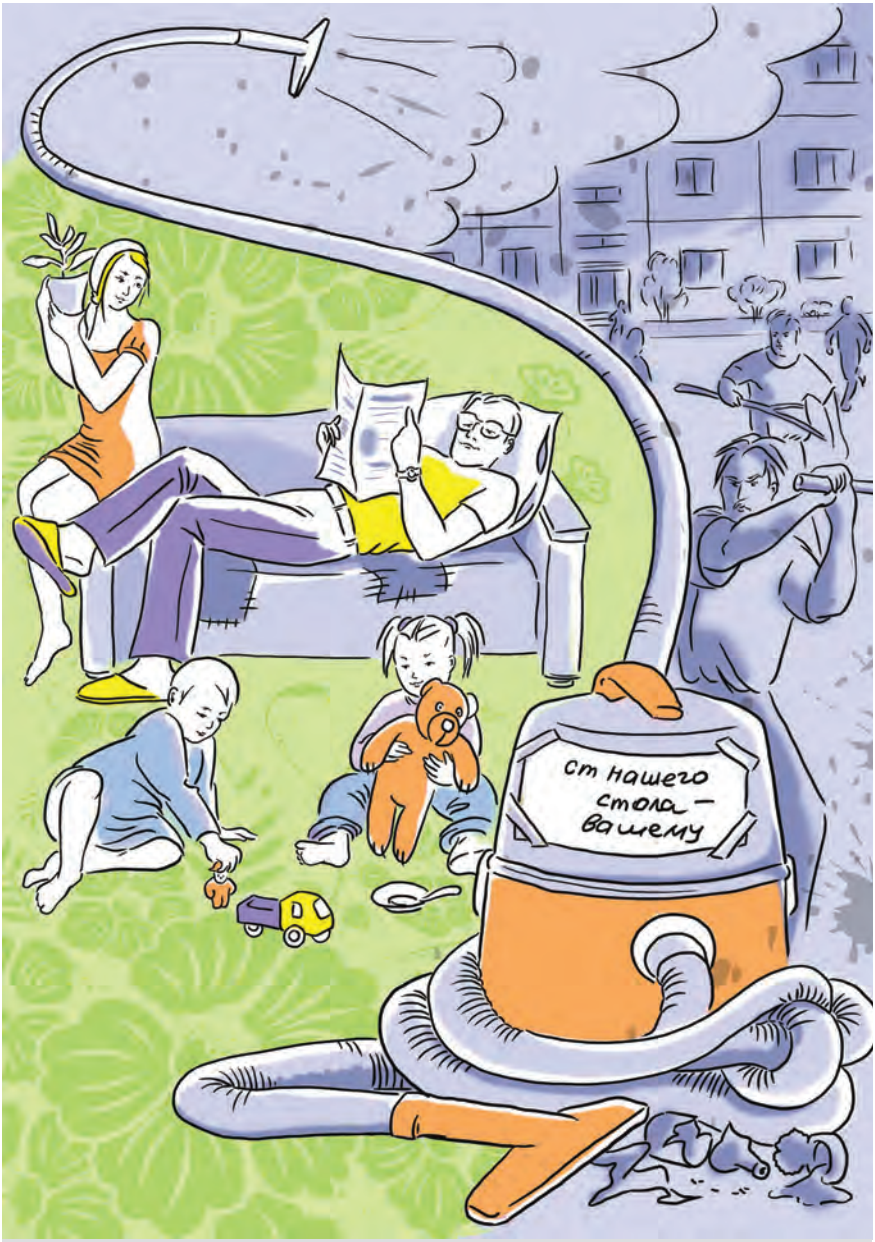
Махмудыч (стр. 132)

О кошках и собаках (стр. 139)

Благо дара (стр. 150)

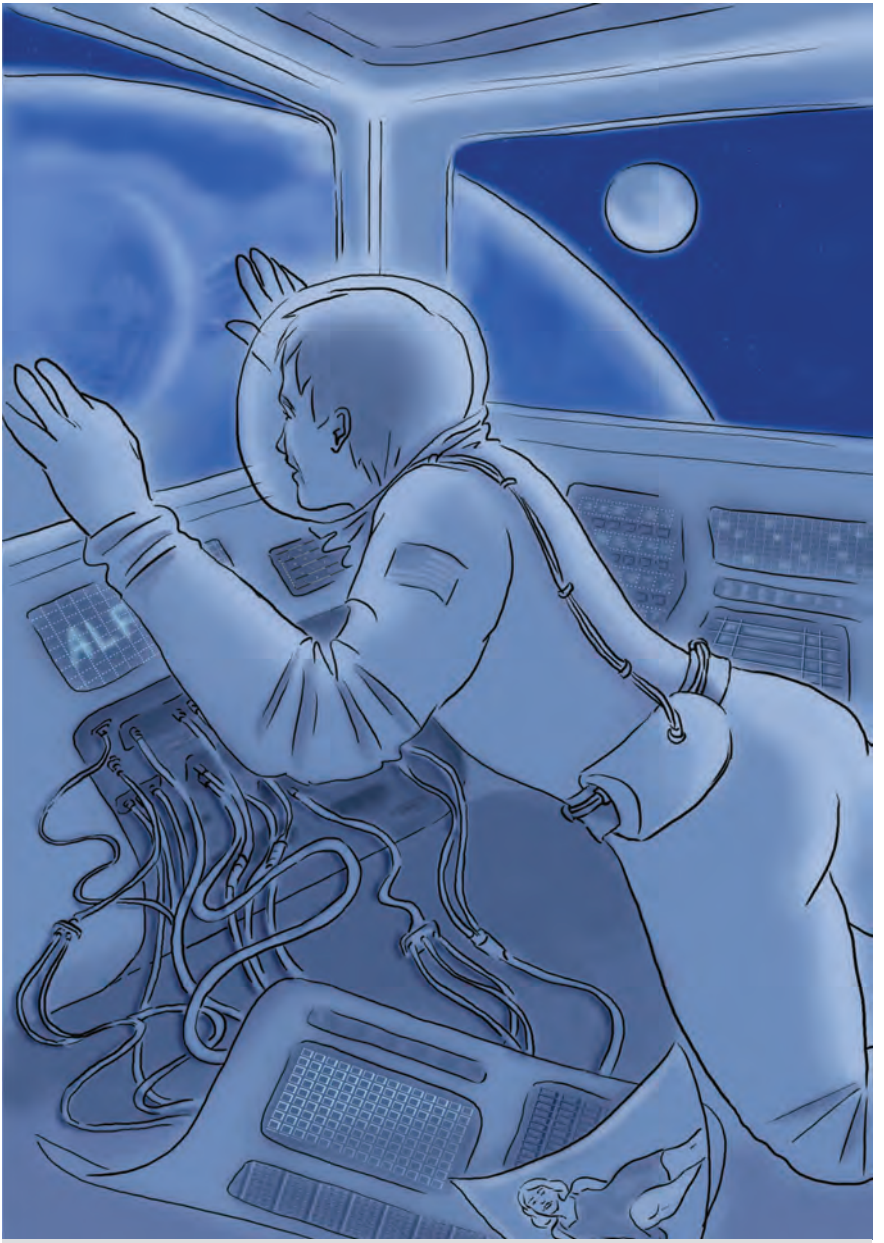


Лабиринт чувств (стр. 157)

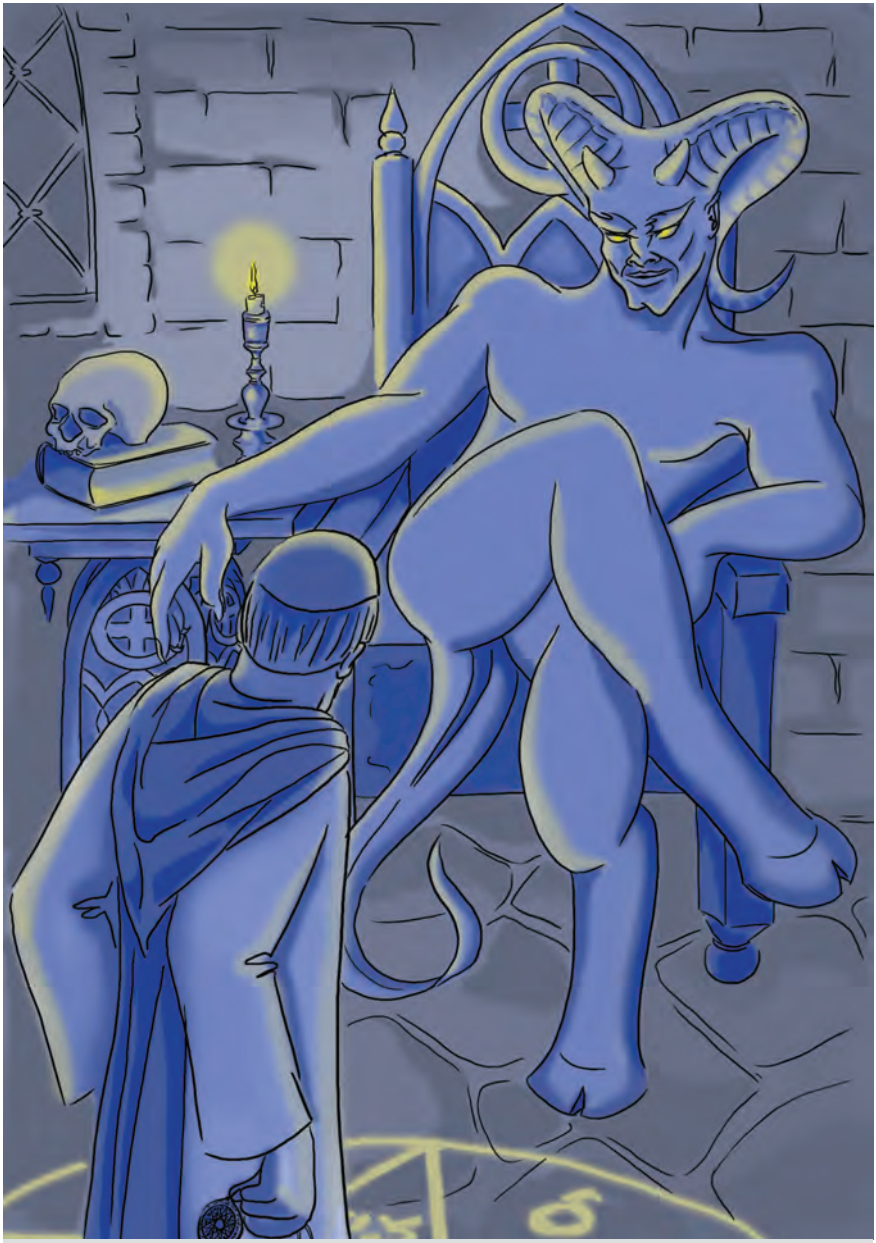


Сказка о понаехавших и чудо-пылесосе (стр. 162)

Злая любовь (стр. 165)



Ошибка программиста (стр. 173)



Эксперимент (стр. 179)

Сергей Владимирович Калабухин родился в г. Коломна.

Верный сторонник дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистичные рассказы и яркие публицистические статьи.

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США, Финляндии и Франции.

Автор четырёх книг: «Лабиринт чувств», «Спорные мысли», «Тайные хроники» и «Спасти Герострата».

Издательский Дом
«Серебро Слов»

ISBN 978-5-906438-90-4